UK445
C531

К. В. СКЕРСКИЙ

КРАСНАЯ АРМИЯ

ВФ

В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННИКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К. В. СКЕРСКИЙ

КРАСНАЯ АРМИЯ
В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННИКОВ БЕЛЫХ и ИНОСТРАНЦЕВ
1918—1924

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — Ленинград

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГК445
С 531 Р

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ЦК ВКП(б)

сф
24604

09/72
39

1055168

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1628.
ТИРАЖ 10.000 экз.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 5891.
ЗАКАЗ № 2907.
Типография „КРАСН. ГАЗЕТЫ" им. Володарского.
Ленинград, Фонтанка, д. № 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые вниманию читателя страницы представляют попытку дать историю первых семи лет существования Красной армии, отраженную в кривом зеркале белого восприятия.

Автор стремился подобрать все наиболее ценные отзывы о Красной армии, не преследуя какой-либо одной предвзятой тенденции: приведены мнения, как положительные, так и отрицательные, как объективные, так и тенденциозные или прямо инсинуирующие. Красной армии нет оснований испытывать огорчение или досаду, видя в этом кривом зеркале уродливо искаженное изображение, в некоторых отношениях даже отдаленно не напоминающее своего оригинала.

По человечеству нельзя требовать от представителей враждебно-классовой идеологии, даже в тех случаях, когда—допустим и такие возможности!—они стремились быть объективными и старались понять армию пролетарской революции, чтобы у них оказались все необходимые данные, а главное способности понять красных: мало—оторваться идеологически от всех предрассудков и рутины своей идеологии, необходим еще скачек в своем роде из царства необходимости в царство свободы, а это не всякому бывает по силам!

Однако, мы совершили бы несомненную несправедливость, если бы приписали такие тенденции авторам использованных в нашей работе источников. Для них характерным и типичным является нечто совсем другое: достоинства и положительные стороны Красной армии не замечаются или намеренно замалчиваются, как будто их вовсе не существует; недостатки армейского организма, отрицательные явления в строительстве красной вооруженной силы гиперболически, до невероятных размеров преувеличиваются и раздуваются.

Более того. Эта странная аберрация зрения, этот своеобразный дальтонизм доходит до того, что белые авторы, как наши, так и иностранные, рисуют себе, в результате классового самогипноза, образ Красной армии таким, каким им внутренно хотелось бы видеть этот символ пролетарской государственности, наделяя ее всеми, желательными им, недостатками. Армейский работник, сроднившийся с армией революции, хорошо знающий ее действительные недостатки и полюбивший ее достоинства, без труда заметит эти, созданные игрою пылкого воображения белых, „дефекты" и, естественно, сделает соответствующие практические выводы: чего, чего, а развития вот этих качеств допускать не следует. Таким образом, писания белых против их, конечно, воли и желания приобретают для нас несомненную полезность, пренебрегать которой едва ли следует.

В „Списке источников" на русском языке приведены все матерьялы, над которыми пришлось работать, независимо от того, было ли их содержание—прямо или косвенно—использовано для работы или нет; из французских, английских, немецких и польских источников упомянуты лишь те, кои были непосредственно использованы.

Автор обязан глубокой признательностью администрации „Архива Октябрьской революции" за неизменно внимательное отношение во время работ в архиве, а также В. И. Николаеву и Б. В. Петрусевич, любезно согласившимся оказать свое содействие переводами с польского.

Декабрь—1925 г.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

„Новый предводитель красных разбойников“... Под таким, помню, заглавием попалась мне на глаза осенью 1919 г. в штабе туркестанского фронта коротенькая заметка в лежавшей на столе газете—органе главного командования вооруженными силами Юга России. В приличествующих белым выражениях и тоне, в ней сообщалось о назначении главнокомандующим всеми вооруженными силами республики „полковника“ С. С. Каменева.

Да. Нас белые считали разбойниками. Недальновидные кормчие старой России, на плечах которых так недавно держалось все бремя власти и „ответственность“ за „судьбы“ государства, они вдруг совершенно неожиданно и даже незаметно для себя девятым валом революции оказались смытыми за борт того самого государственного корабля, рулем которого они все еще пытались управлять.

Недавние „творцы“ русской действительности в государственной, политической, промышленной и др. областях, привыкшие единственно себя считать за таковых на протяжении более чем двух столетий, психологически не могли, да и не хотели примириться с мыслью, что какие-то новые, враждебные им силы свели на-нет их роль и былое влияние на судьбы государства. И в злобе своей они на новую восходящую силу смотрели, как на разбойничью шайку.

В пестром калейдоскопе быстро сменявшихся событий они проглядели, когда именно и каким образом „взбунтовавшиеся рабы“ перестали быть рабами, в грозе и буре стихийной социальной революции начали закладывать основы новой государственности и приступили к „собиранию земли русской“. И естественно, что они совершенно искренно считали Красную армию сборищем

разбойников, „бродяг и каторжников, в конец разоривших святую Русь“ [1]).

Свысока презрительное, пренебрежительное, лишенное вдумчивости отношение к восставшим рабочим и крестьянам, организованным в отряды красной гвардии и Красной армии, являлось характерной особенностью большинства представителей отечественной контр-революции даже из числа наиболее выдающихся, как в начальном периоде гражданской войны, так и в эпоху, скажем, операций в северной Таврии против ген. Врангеля.

„Состав Красной армии—читаем мы в официальных источниках белых—мобилизованные крестьяне и рабочие центральных губерний, голодом и безработицей принужденные нести свою службу, а, кроме того, другие элементы, составляющие довольно большой процент“.

Что же это за элементы, наличность которых считали необходимым отметить?

Это, прежде всего,—„вооруженные коммунисты, не принимающие участия в сражениях. Их дело—наблюдение в тылу за политическим настроением частей... сыск, донос и применение карательных мер в случае неуспехов на фронте и мобилизации.

Во-вторых, солдаты, возвращавшиеся с фронта и до настоящего времени не могущие вернуться домой в глубь России и в Сибирь. Они служили и у добровольцев, и у Махно, и у большевиков, и опять у добровольцев,—вообще у всех, кто их мобилизовал.

В-третьих, „проходящие товарищи“; эти последние не служат в армии, постоянно находясь на местах... При взятии населенных пунктов они принимают деятельное участие в грабежах, а затем рассеиваются по деревням, покидая советские войска... Тыла у советской армии в буквальном смысле не существует, как не существует и снабжения армии... Такой состав Красной армии и способы ведения ею войны, естественно, вызывают ненависть и озлобление населения к советским войскам... Голод и нищета—постоянные спутники Красной армии... Все сельское хозяй-

---

[1]) Воззвание ген. Врангеля „Возрождение русской армии“. Составлено по официальным данным. Издание бюро печати в Константинополе. 1920 г. Стр. 13.

ство южно-русских губерний окончательно разорено грабежами Красной армии“ [1]).

От всей картины в целом веет удивительным убожеством мысли и бедностью не только социологических, но даже и прямо военных представлений. Монархисты времен французской революции оставили потомству несравненно более яркие и глубокие характеристики армий Конвента, из коих для сравнения мы приведем всего лишь одну, на фоне которой традиционная близорукость и верхоглядство эпигонов старого порядка в России выступает с особенной четкостью.

„Огромные массы илотов,—писал Малэ-дю-Пан,—т. е. бедняков и рабочих, были призваны к равенству и господству; честолюбцы наобещали этой толпе власть и богатство; три года побед придали им смелости... Эта толпа захватила в свои руки суверенитет и власть, землю и правительство, всякого рода рессурсы и сокровища, судьбу людей, распределение благ; все это вот уже год, как принадлежит пассивным гражданам“ [2]).

„Всеобщее вооружение этих энтузиастов или людей, лишенных собственности, является средством закрепления добытых завоеваний. Франция—огромная казарма; все революционеры превратились в солдат или обязаны итти в войска добровольно или по принуждению, движимые интересом их собственного благополучия“.

„Всеобщий призыв жителей страны, благодаря фанатизму и нужде которых дело каждого отдельного человека слилось с делом республики, создал более могущественные рессурсы для обороны и нападения, чем какие имелись у регулярных армий, увезенных за 2—3 сотни лье от родных мест, сопровождаемых огромными обозами с поклажей, для которых крупные неудачи были бы почти непоправимы; их начальники ничего не могут предоставить на волю случая или обстоятельств, которые заранее не были предусмотрены в их инструкциях“...

„Помимо средств, которыми располагают все правительства, т. е. помимо пушек, солдат, денег, к услугам Конвента... вся сила общественного мнения, вся энергия и энтузиазм, все обаяние устной и письменной пропа-

---

[1]) „Возрождение русской армии“, стр. 30—31.

[2]) Пассивными гражданами назывались бедняки, лишенные избирательных прав.

ганды, все страсти, которые имеют больше всего власти над людьми: стремление к властвованию и отвращение к подчинению, интерес и тщеславие, любовь к мести и страх"...

Так судили защитники феодального режима, уступившие свои позиции победоносной армии буржуазной революции. Прошли столетия... но в суждениях сторонников буржуазной контр-революции нет глубины мысли и ясности представлений французских феодалов.

В начале гражданской войны в особенности они судили по внешним признакам и убежденно верили, что „советские банды" зарекомендовали себя весьма плохими „сражателями" [1]).

Еще лучше подтверждает сделанную нами оценку следующая небольшая выдержка из книги некоего присяжного поверенного Н. Н. Иванова [2]), бывшего члена северо-западного правительства, военным министром в котором был ген. Юденич.

„Весьма любопытна была психология русского воина, вчера красного, сегодня белого, назавтра нередко опять красного, потом вновь белого. Некоторые переходили, как гуляли, — словно у большевиков была одна деревня, у нас другая. Посмотрит здесь, уйдет туда и снова вернется"...

Или следующие строки [2]):

„Я близко видел гражданскую войну и мое заключение: народ наш в массе не принял гражданской войны ни от красных, ни от белых и участвовал в ней весьма нехотя. Это как то всегда забывается".

Тогда, однако, белые повидимому это твердо „помнили" и из этого обстоятельства делали соответствующие выводы.

Правда, скоро началось протрезвление, но оно наступило не сразу, и это состояние легкого опьянения предстоящими успехами и несомненной победой было легко испытывать, успокоившись на пуховой перине удачно созданной легенды о большевиках, как о гер-

---

[1]) Генер. штаба полк. Добрынин. „Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 г.—март. 1920 г." Прага 1921 г. Стр. 40.

[2]) Н. Н. Иванова. „О событиях под Петроградом в 1919 г." Записки: „Архив гражданской войны". Выпуск I. Изд-во «Русское творчество». Берлин (год не указан) Стр. 85—86.

манских агентах, и о красной гвардии или Красной армии, как орудии планов германского генерального штаба.

Временное разорение России при таких условиях было, по мнению белых, конечно, неизбежно, потому что именно эту задачу преследовал германский генеральный штаб, но так и не успел осуществить за время империалистской войны; завершение ее досталось Красной армии.

Ведь „большевизм и германизм тесно переплетены между собой“,—уверял в январе 1918 года ген. М. В. Алексеев членов донского правительства, желая рассеять их предубеждение против идеи добровольчества. „Борясь с большевиками, добровольческая армия вместе с тем продолжает войну и с немцами“ [1]). А раз так, победа над большевиками маячила где-то совсем близко, может быть даже до,—а во всяком случае очень скоро после того, как „верные союзники“ поставят на колени Германию и получат свободу действий, чтобы навести порядки в Смольном.

„Навьи чары“ этой легенды ныне, кажется, рассеялись совершенно. О ней не говорят и не пишут; и если мы считаем уместным здесь на этом остановиться, то, конечно, отнюдь не за тем, чтобы в чем-либо разубедить ген. А. И. Деникина, который до сих пор сохраняет „лично интуитивное глубокое убеждение в предательстве советских комиссаров“ [2]).

Такая „интуиция“ интересна просто, как любопытный человеческий документ—не больше.

Эта грандиозная политическая провокация привлекает еще сейчас наше внимание потому, что, если раньше „широкие круги русской общественности“ склонны были рассматривать ее, как результат специфически русских настроений, продукт отечественного, так сказать, производства,—то теперь мы имеем данные утверждать, что это была определенная, широко задуманная и хорошо тогда проведенная политическая кампания международного характера, с помощью которой международная буржуазия пыталась задушить первые вспышки пролетарской революции.

---

[1]) „Донская Волна“ 1918 г. № 13.
[2]) Ген. А. И. Деникин. „Очерки русской смуты“. Т. III стр. 9.

И не русская, разумеется, буржуазия играла в этом концерте первую скрипку; партию вела самая умная и дальновидная, самая расчетливая и ловкая представительница враждебного нам класса—буржуазия англо-саксонская.

Но, конечно, и для русской буржуазии эта идея—выносить за одну скобку большевиков и немцев, казалась особенно благодарной и, в качестве орудия военно-политической борьбы и пропаганды, не раз играла роль крупного козыря.

Впервые ею козырнул ген. Корнилов, при чем этот в полном смысле политический недоросль сразу довел ее до геркулесовых столбов нелепости и абсурда.

„Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, убивает армию и потрясает страну внутри“ [1]),—писал он в своем, мало кому известном, приказе. Здесь за одну скобку попали не только большевики, но уже и временное правительство, столь послушно относившееся к антанте.

Выяснению вопроса о том, в какой мере армия революции была на службе германского генерального штаба уделяет в своей книге не мало внимания „член омского правительства“, Г. К. Гинс. По наивности, а может быть и глупости — его „впечатления и мысли“, составляющие два внушительных тома, дают все основания для последнего предположения,—он простодушно рассказывает вещи, которых не найти у других белогвардейцев.

Оказывается, видите ли, что между Лениным, Троцким и германским генеральным штабом существовало специальное соглашение. Но пусть лучше говорит сам Гинс:

„В 1918 г. американское правительственное бюро печати опубликовало сенсационные разоблачения. Все, что раньше передавалось как слух, стало обосновано документально. В Смольном действительно были немецкие офицеры“.

---

[1]) Приказ ген. Корнилова от 27 августа 1917 г. Цитирую по „Истории второй русской революции“ П. Н. Милюкова, т. I вып. II Корнилов или Ленин. Стр. 241. Российско-болгарское книгоиздательство. София. 1922 г.

„Соглашение о совместных работах начинается следующими словами: „Согласно договору, заключенному в Кронштадте 6 июля месяца сего года (1917) между представителями нашего генерального штаба и руководителями русской революционной армии и демократии: Лениным, Троцким, Раскольниковым и Дыбенко, отделение нашего генерального штаба, оперирующее в Финляндии, назначает в Петроград офицеров, которые будут состоять в распоряжении осведомительного отдела штаба".

Из „соглашения"— повествует Г. К. Гинс—проистекало все остальное: „перевод денег большевикам, выдача немецким офицерам в России подложных паспортов для поездки в Англию и Францию, убийство русских патриотов, уничтожение польских легионов и т. д." [1]).

„Под впечатлением всех этих разоблачений, американское бюро печати сделало вывод, который многими уже забыт:

„Всех, находящихся в руках правительства Соединенных Штатов, доказательств совершенно достаточно, чтобы уничтожить в уме каждого человека последний остаток веры в искренность большевистских вождей" [2]).

У обоих англо-саксонских держав по этому вопросу существовало трогательное единомыслие. Оно проявлялось не только в прессе,—нет, одним и тем же языком говорили и официальные британские представители: кампания, повторяем, была планомерной и хорошо организованной.

Как известно, верховное управление северной области под председательством Н. В. Чайковского образовалось в Архангельске утром 2 августа 1918 г. А уж 11 августа не безызвестный генерал Ф. С. Пуль, главнокомандующий всеми союзными силами в России, опубликовал нижеследующее воззвание „к русским людям". Вот что он в нем писал.

„Русские люди. Немцы и большевики говорят вам, что мы—англичане, французы и американцы—вступили

---

[1]) Г. К. Гинс. „Сибирь, союзники и Колчак, 1918—1920 г." Изд. О-ва Возрождения России. Пекин. 1921 г. том. I, стр. 20—21.

[2]) Эти „разоблачения" на русском яз. были напечатаны во Владивостоке, в типографии приморской областной земской управы в 1918 г.

на русскую землю, чтобы отнять ее у вас и отобрать ваш хлеб. Это ложь. Знайте, что мы не хотим ни пяди вашей земли и ни фунта вашего хлеба. Мы идем к вам, как друзья и союзники для борьбы за общее дело и для защиты общих с вами интересов. Мы идем спасти русскую землю и русский хлеб от немцев и их наемников—большевиков.

Во Франции немцы уже бегут перед нашими войсками. Их ставленники в России—большевики—не выдерживают ни малейшего организованного натиска и бегут с награбленным добром" [1]).

Генералу Пулю, на берегах Финского залива, вторил „начальник всех союзных военных миссий в Финляндии и Прибалтийских Штатах" с той только разницей, что ген. Гоф писал грубее и откровеннее:

„Германия взлелеяла большевиков за счет человечества, и ее руки обагрены кровью русских. Многие русские командиры до такой степени тупоумны или коротки памятью, что уже открыто говорят о необходимости обратиться к немцам за помощью против воли союзных держав.

Скажите этим дуракам, чтобы они прочли бы мирный договор. Все, что Германия имеет, уже ею потеряно. Где находятся ее корабли для перевозки припасов, где находится ее подвижной состав" [2]).

Сторонники той мысли, что вожди пролетарской революции в России, вожди коммунистической партии, в начале революции были ни чем иным, как обыкновенными агентами германского генерального штаба никогда не нуждались в доказательствах; по их мнению, таковых было более, чем достаточно. Одним из наиболее часто применявшихся был, конечно, брестский

---

[1]) „Вестник верховного управления северной области". Архангельск. № 2 от 11 августа 1918 г.

[2]) Перевод английского официального письма от 4 августа 1919 г., начальника всех союзных военных миссий в Финляндии и Прибалтийских Штатах, генерал-лейтенанта Гоф к генералу Юденичу, сделанный в штабе ген. Гоф и за личной его подписью, приложенный к подлиннику на английском языке. По своей совершенно исключительной, кабацкой грубости документ этот во всей белой литературе является единственным. Но, к удивлению, Родзянко приводит его без особого стыда и возмущения, как будто так и надо было.

— А. П. Родзянко. „Воспоминания о севере-западной армии" стр. 163.

мир,—помилуйте, кто, кроме германского агента решился бы его заключить столь свободно и легко.

Особо „тонкое" чутье и „понимание" исторических событий обнаруживает на этом примере, конечно, Деникин. Мы отнюдь не шаржируем, а точно воспроизводим написанную им фразу: по его словам, Брест-Литовск был ни чем иным, как „комедией, разыгранной для соблюдения приличий, так как платные агенты германского генерального штаба, в числе которых называют Ленина и Троцкого, не могли не исполнить требований своих нанимателей" [1]).

В отрывке из мемуаров Оттокара Чернина, участника брест-литовских мирных переговоров [2]), имеются весьма красочные строки, показывающие, с какой „свободой и легкостью" шел к своей цели Л. Д. Троцкий. В своем дневнике под 2 февраля Чернин описывает под свежим впечатлением заседание под его председательством о территориальных вопросах. Он стремился „использовать вражду петербуржцев и украинцев и заключить, по крайней мере, мир с первыми или со вторыми". Политика его была, конечно, проста.

„Я просил украинцев открыто, наконец, высказать свою точку зрения петербуржцам, и успех был даже слишком велик. Грубости, высказанные украинскими представителями петербуржцам сегодня, были просто комичными и доказали, какая пропасть отделяет оба правительства, и что не наша вина, если мы не можем заключить с ними одного договора. Троцкий... был в столь подавленном состоянии, что вызывал сожаление. Совершенно бледный, с широко раскрытыми глазами, он нервно что-то рисовал на пропускной бумаге. Крупные капли пота текли с его лица. Он, повидимому, глубоко ощущал унижение от оскорблений, наносимых ему его же согражданами в присутствии врагов".

Как известно, 8 февраля мир с украинцами был подписан и, кстати сказать, одна из побудительных причин подписать его заключалась, по словам гр. Чернина, в том, что „Троцкий (был) очень подавлен тем, что мы все же сегодня заключаем мир с Украиной".

---

[1]) Ген. А. И. Деникин. Указн. соч.; указн. страница.

[2]) О. Чернин. „Брест-Литовск". „Архив русской революции", издаваемый И. В. Гессеном. Берлин. 1922 г. Т. III, изд. второе, стр. 129.

Это обстоятельство укрепило Чернина в решении его заключить.

Известная история о „пломбированном вагоне", в котором были любезно доставлены Германией ее агенты — большевики, поучительна и имеет значение, в смысле отношения к тому, с чем ознакомится читатель из последующего изложения — как типический и яркий образчик приемов борьбы с нами иностранной и отечественной буржуазии.

Отсутствие понимания нас, злостный вымысел и клевета — вот несколько однообразный и утомительный фон, канва, не менявшаяся целых семь лет от истории о „пломбированном вагоне" в 1917 г. до эпизода с подложным „письмом Зиновьева", опубликованным английскими консерваторами накануне выборов в палату общин в 1924 г.

Эту поправку читатель отнюдь не должен упускать из вида и вводить ее даже в тех случаях, когда ремарки автора были ограничены и поверхностны.

Наряду с этим, здесь уместно отметить и следующее:

В хаосе стихийного разрушения старого порядка в Красной армии и вокруг армии стали первыми осе-дать кристаллы организующего начала социальной революции. С постепенным развитием революции, чем дальше, тем больше, крепла и росла Красная армия, неуклонно привлекая к себе внимание и любовь трудящихся Советского Союза.

А наряду с ними и в прямой к ним пропорциональности росли злоба и ненависть к армии революции среди врагов революционного Союза. Высокомерно пренебрежительное отношение к советским „сражателям" и „бандам" сменилось изумлением, а потом и интересом к этим бандам, по мере того, как, благодаря их работе, исчезали одна за другой многочисленные „раковые опухоли" интервенции, периодически появлявшиеся на окраинах бывшей российской империи.

Освещению этой любопытной метаморфозы и посвящены последующие строки.

Красная гвардия.

Напомним общеизвестные исторические факты.

В то время, как в Брест-Литовске представитель Советской России тов. Л. Д. Троцкий, вел переговоры о заключении мира, на западном фронте революции, германские части без всякого сопротивления занимали в начале 1918 г. территорию до Нарвы, Пскова, Полоцка и линии Днепра, а затем Украину и Крым, направляя передовые авангарды своих войск на Кавказ—к бакинской нефти и в Грузию.

На севере германские же штыки дивизии фон-дер-Гольца восстанавливают буржуазную власть в Финляндии; на юге румыны захватывают Бессарабию.

Южный фронт революции определился созданием, с одной стороны, донской Вандеи, обеспечивавшейся сначала германским оружием и материальной помощью ген. Краснову, а, с другой — организацией так называемой добровольческой армии, двумя кубанскими походами 1918 г. разорившей Кубань и вслед за тем тесно связавшейся с державами-союзницами, помощь которых только и сохранила эту армию от гибели в самом зародыше добровольческого движения.

В ночь с 25 на 26 мая вскрывается гнойный нарыв чехо-словацкого восстания на востоке и его выделения на запад образовывают вскоре третий-восточный фронт революции. Отряды чехо-словацкого корпуса упорными боями теснят наши силы к западу и в сравнительно короткий срок занимают важнейшие пункты в Поволжьи: 8 июня—Самару, 5 июля—Уфу, 20—Тюмень, 25—Екатеринбург и другие пункты. 6 августа была захвачена Казань, при чем на участке от Хвалынска до Казани чехи и соединившиеся с ними отряды „народной армии“ и дутовских казаков перебрасываются на правый берег Волги.

Наконец, 1 августа 1918 г. утром мудьюгские укрепленные позиции возле Архангельска были заняты десантом держав-союзниц, а 2 августа образовалось „верховное управление" северной области под председательством Н. В. Чайковского.

Этой „раковой опухолью" на живом теле страны была плотно и надолго закрыта последняя отдушина на северном фронте, и советская республика восставших рабочих и крестьян оказалась зажатой в крепкие тиски, без нефти и угля, сибирского и украинского хлеба, без захваченного в Казани чехами золотого запаса, на небольшом пятачке центральной России, окруженном по всей дуге горизонта огненным морем ожесточенной гражданской войны и обильно минированном внутри фугасами предательства и измены.

И русские актеры и статисты и иностранные режиссеры отечественной контр-революции убежденно верили в быстрое падение Советской власти, и последние за спиною первых уже делили шкуру не убитого русского медведя, устанавливая сферы и зоны своего влияния в „колонии", занимающей $^1/_6$ часть земной поверхности.

„Роль, которую сыграл первоначально 30—40 тысячный чехо-словацкий корпус в чисто военном стратегическом отношении,—пишет Деникин—служит наглядным показателем полной беспомощности Советского правительства весной и летом 1918 г. и той легкости, с которой возможно было свержение его при условии надлежащего использования противобольшевицких сил"[1]).

И в данном случае Деникин совершенно прав. Силы чехов были ничтожно малы и к тому же разбросаны на необозримой территории, в которой они просто тонули. Вот как определяли свои силы они сами.

„Открытие военных действий против большевиков началось в Ново-Николаевске и Мариинске. В это время положение на Сибирской дороге было таково: один эшелон находился на ст. Иркутск, два на ст. Иннокентьевская, один—в Нижнеудинске, один—в Канске, два—в Мариинске, два—в Ново-Николаевске, один—на ст. Чулымская, один—в Кургане и четыре—в Челябинске".

---

[1]) Ген. А. И. Деникин. Указ. соч. Т. III, стр. 91.

Выступление кап. Гайда произошло в ночь на 26 мая. Какие же силы были у него в распоряжении и сколько оружия?

„В группе кап. Гайда в районе между Ново-Николаевском и Красноярском были эшелоны: шт.-кап. Кауделька—678 людей, 250 винтовок, 3 пулемета, 4 ружья Шоша; шт.-кап. Кульвашера—800 людей, 360 винтовок, 2 пулемета, 3 ружья Шоша и по 150 патронов на винтовку; кап. Кадлеца—440 людей, 109 винтовок, 2 пулемета, 8000 патронов, 1049 ручных гранат; эшелон кап. Воронова с артиллерийским имуществом без орудий, с 47 винтовками, 2 пулеметами, 6000 патронов и 2 гранатами—людей 490 и, наконец, эшелон шт.-кап. Чеховского в Чулымской—850 людей, 160 винтовок, 1 кольт, 8 ружей Шоша, 200 гранат и около 20.000 патронов. Итак 3.258 людей и 926 винтовок“ [1]).

И, если, тем не менее, эти ничтожные отряды создали нам громадные затрудения, то это проистекало от того, что военная подготовка Республики была в зачаточном состоянии.

Однако, белые представляли ее себе не совсем такой, какой она была на самом деле.

Вот какое описание первых отрядов Красной армии находим мы в Беллоне:

„Армия (красная) состояла из разноязычной „братвы“, из „идейных“ русских, из пленных неидейных немцев и мадьяр, немногих латышей и еще менее поляков, хотя были и такие; и, как всегда, среди ее комиссаров большинство были евреи.

Большевики отступали (перед чехо-словаками) быстро; к эвакуируемым из Омска советским транспортам присоединились еще красноярские, барнаульские и иркутские; за Байкалом, в первых числах августа (1918 г.) собралось свыше 500 паровозов, 16.000 вагонов и около 20.000 бойцов.

Красные увезли с собою все, что только удалось нагрузить и что только в силах были поднять поезда. В тысячах вагонов, которые были переброшены за Байкал, были и боевые припасы, и продовольствие, и архивы, и вещи, приобретенные грабежом, и — что

---

[1]) „Известия отряда чешско-словацких войск“. Иркутск. № 1, от 14 июля 1918 г.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ

более всего затрудняло и обременяло войска — семьи идейных защитников большевизма, которым, в случае их захвата белыми, грозила если не смерть, то крайне бедственное положение.

Думаю, что не преувеличу, если скажу, что в этой движущейся массе железнодорожного транспорта и людей, которых чехо-словацкие донесения называли „красной армией, оперирующей за Байкалом", было не более, чем по одному штыку на вагон.

И, однако же, эти столь не совершенные формирования, которые трудно даже назвать войском, поняли, как только остановились за Байкалом и несколько отдохнули, что приходит их последний час, что надо напрячь все усилия, чтобы жить, иначе гибель их будет неизбежна. В результате „Забайкальский революционный совет", напрягши свои силы, в течение 3 недель задерживал триумфальный поход чехов" [1]).

По общепринятой концепции совершавшихся на их глазах событий, белые особое значение придавали участию немцев. Наиболее темпераментных из наших врагов раздражало упорство большевиков, в то время, как на западе союзники явно доканчивали германцев.

„Кровавая армия германо-большевиков, с основной примесью немцев, мадьяр, латышей, эстов, финнов и даже китайцев, управляемая немцами-офицерами, продавшими свою родину предателям и изменникам, еще занимает большую часть России" [2]),—нетерпеливо восклицает в конце ноября 1918 г. адм. Колчак.

И он не мог думать иначе, ибо такова была точка зрения, свойственная не одному Колчаку.

„В Сибири, где я мог наблюдать за развитием Красной армии—пишет упоминаемый выше Г. К. Гинс—оно происходило крайне неудачно, и, если бы не военнопленные и не латыши, которые в Омске составляли видный элемент в советских учреждениях, то красный гарнизон был бы совсем бессилен. Подслушивавшие в день чешского выступления телефонные разговоры слышали язык немецкий и латышский.

---

[1]) Пор. М. Бурхард. „Байкальский десант". Беллона—апрель 1924, стр. 23.

[2]) Приказ верховного правителя и верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России от 23 ноября 1918 г.—„Военные Ведомости" № 9 от 30 ноября.

Но военнопленных, склонных работать с большевиками, было не так уж много, хотя в это время для привлечения их и издавалась большевистская газета на немецком языке „Wahrheit“ — „Правда“, разъяснявшая смысл переворота в России, как начало мировой революции.

Русские же красноармейцы были до того распущены, что спали на часах возле складов оружия, и у них из-под носа вывозили пулеметы и ружья“ [1]).

Автор не замечает, как он сам себе противоречит: с одной стороны, „если бы не военнопленные и не латыши, красный гарнизон был бы совсем бессилен“ (!), а с другой, „военнопленных, склонных работать с большевиками, было не так уж много“... Неверно, конечно, ни то, ни другое утверждение. Истина заключается в том, что вакханалия империалистской бойни поставила угнетенные классы всех национальностей перед необходимостью так или иначе искать выхода из четырехлетнего кошмара. Пролетарская революция давала этот выход, вот почему в рядах красной гвардии и в первых отрядах Красной армии были и немцы, и чехи, и мадьяры, и латыши, и поляки, и евреи, и эсты, и финны, и прежде всего русские, на которых ужасы войны отразились больше всего. Но упоминать о последних было политически невыгодно, более того—их участие надо было старательно затушевывать, что белые и делали в мере своих сил и возможностей.

„Проницательные“ стратеги из газетных обозревателей видели несомненные свидетельства германского руководства операциями красных. Вот, например, на что считал необходимым обратить внимание „Вольный Дон“.

„При первом же взгляде на схему расположения большевистских войск у границ Донской области невольно возникает мысль: великолепные стратеги эти большевики!

Старая добрая система уничтожения связи между соседями, охвата и обхода флангов и, наконец, полного окружения так и просится в глаза в этой схеме.

И подумать только, что еще недавно предводители большевиков были не более как ротными командирами,

[1]) Г. К. Гинс. Указ. соч., стр. 63.

а некоторые и просто кашеварами, а вот подите же, откуда что берется?

Всмотритесь в эту схему и вы увидите, что Дон отрезан уже от Украины, а пройдет еще неделя, другая— он будет отрезан от Кубани и Терека, и все выходы из области будут закрыты"...

„Но чему приписать такую разительную перемену в недавних ротных и взводных командирах и кашеварах?" — восклицает автор. „Единственная причина" — в том, что ими руководят немцы, у которых... „забурлила в жилах кровь их гениальных предков—Фридриха Великого и Мольтке" [1]).

Увы, „единственная" причина этой перемены заключалась совсем в другом. Стихийный, самопроизвольный порыв широких рабочих и солдатских масс, их несокрушимая воля к борьбе и к победе, их творческая инициатива, проявлявшаяся как в крупном, так и в мелочах и, прежде всего, в организации и первых действиях красной гвардии — вот что составляло в конце концов и первую и последнюю причину успеха красных.

На южном фронте, как наиболее активном, Деникин подметил это достаточно удачно, столкнувшись в первом кубанском походе с отрядами красной гвардии.

„Повсюду в области, в каждом поселке, в каждой станице собиралась красная гвардия из иногородних (к ним примыкала часть казаков, фронтовиков), еще плохо подчинявшаяся армавирскому центру [2]), но следовавшая точно его политике.

Объединяясь временами в волостные, районные, „армейские" организации, эта вооруженная сила, представлявшая недисциплинированные, хорошо вооруженные, буйные банды, будучи единственной в крае, приступила к выполнению своих местных задач: насаждению советской власти, земельному переделу, „изъятию хлебных излишков" и т. д." [3]).

Первые столкновения имели своеобразный, именно этому только периоду гражданской войны свойственный характер. Деникин дает описание одного из таких

---

[1]) „Вольный Дон". Вестник войскового правительства. Новочеркасск 1918 г. № 2 от 3 января 1918 г.

[2]) До 1 марта кубанский воен. рев. комитет находился в Армавире.

[3]) Ген. А. И. Деникин. Указ соч. Т. II, стр. 253.

типичных столкновений в начале марта 1918 г., когда добровольцы, перейдя р. Лабу, „сразу же попали в сплошное большевистское окружение".

„Каждый хутор, каждая роща, отдельные строения ощетинились сотнями ружей и встречали наступающие части огнем. Марковцы, партизаны, юнкера шли по расходящимся направлениям, выбивая противника, появлявшегося неожиданно, быстро ускользавшего, неуловимого.

Каждая уклонившаяся в сторону команда или отбившаяся повозка встречала засаду и... пропадала. Занятые с бою хутора оказывались пустынными: все живое население их куда-то исчезало, уводя скот, унося более ценный скарб и оставляя на произвол судьбы свои дома и пожитки.

Скоро широкая долина реки, насколько видно было глазу, озарилась огнем пожаров: палили рвавшиеся гранаты, мстительная рука казака и добровольца или просто попавшая случайно среди брошенных хат непотушенная головня". [1]).

Воспоминания другого участника того же похода добровольцев на Кубань дают представление о том, как дрались по ту сторону южно-русской Вандеи едва сколоченные полупартизанские, полудобровольные отряды красных.

О пропаганде в борьбе против большей частью офицерских рот—основного ядра добровольческой армии, конечно, не могло быть речи. Лишь силой оружия, стойкостью и упорством борющихся сторон можно было решить, за кем останется перевес и победа.

Единоборство имело место, как известно, у Екатеринодара, где и был убит Корнилов. Добровольцы охватили город кольцом, оставив красным лишь узкий проход. И вот на пятый день „беспрерывного гула, треска, взрывов", 31 марта „потери добровольцев стали громадны. Обоз раненых удвоился. Под Екатеринодаром легли тысячи. Мобилизованные казаки сражаются плохо, нехотя. А сопротивление большевиков... превосходит всякие ожидания. Сделанные ими укрепления—сильны. Их артиллерия засыпает тяжелыми снарядами.

[1]) Там же, стр. 25

Они бьются за каждый шаг, отвечая на атаки контр-атаками" [1]).

Что же представляли из себя в освещении белых отряды Красной гвардии? Как воспринимали они своеобразные особенности армии революции?

„Жизнь Красной армии — пишет, например, Деникин,—в тот переходный период протекала чрезвычайно разнообразно. Были, однако, общие черты, свойственные частям всех фронтов.

Формировались части по распоряжению штабов и советов, но чаще по частной инициативе. Принимали название по местности формирования, иногда по фантазии организатора: „Черная Хмара", „Гроза буржуазии", „Пятый неустрашимый" и т. д.

Отдельные отряды совершенно произвольной численности жили полусамостоятельной жизнью, входя в состав „колонн", дивизий, армий. Жили на местные средства — реквизицией и грабежом, редко имея связь с довольствующими учреждениями. Умирали люди в них массами — от постоянных боев и еще более— в результате потрясающего неустройства санитарной части.

Основное ядро полков, отрядов составляли обыкновенно „коммунистическая ячейка", матросы и деклассированные элементы — старые солдаты, по тем или другим причинам не вернувшиеся домой и обратившие военную службу в ремесло. Из последних выбиралось обыкновенно ротное начальство—не сведующее в военном деле, но восполнявшее до некоторой степени отсутствие военного образования длительным военным опытом и зачастую отменным знанием психологии своих подчиненных.

Охотно выбирали в командиры и старых офицеров, отношение к которым значительно переменилось в сравнении с первым периодом революции. Иногда назначали их насильно, против воли, так как власть приносила тогда больше терний, чем роз. Должно быть сроднило общее несчастие и одинаковый гнет со стороны коммунистов. Главную массу попрежнему составляло крестьянство,—инертное и не воинственное.

---

[1]) Роман Гуль. „Ледяной поход (с Корниловым)". Издательство С. Ефрон. Берлин. Стр. 119.

„Наконец, огромную роль в утверждении коммунистической власти в особенности в начале, играли отряды наемников—латышей, китайцев, пленных негров и немцев...

Эти отряды составляли личную охрану советских самодержцев, комплектовали кадры палачей в че-ка и в армии, участвовали во всевозможных карательных экспедициях, усмиряли крестьянские восстания, истребляли интеллигенцию и „белых“, подогревали с тыла пулеметами дух красных воинов и расправлялись с непокорными честолюбцами, появлявшимися время от времени среди красного командования“ [1]).

Деникин писал воспоминания в Лондоне и свою книгу (Т. III) выпустил в свет в 1924 г. Но любопытно, что почти одинаковые выражения мы встречаем в газете „Военные Ведомости“, — выражения, напечатанные в 1918 г. в далеком Ново-Николаевске.

„В организации советских войск замечена тенденция перейти к порядковой нумерации полков. Возможно, что одновременно с цифровым наименованием будут сохранены и прежние названия.

Эти прежние названия не лишены известной колоритности. Имеются полки и отряды, имени, например, Карла Маркса, Стеньки Разина, Емельяна Пугачева, В. Ленина, Троцкого, Урицкого и др.; есть полки и отряды „железные“, „беспощадные“, „горных орлов“, „мстителей“, „красных гусар“ и проч. и проч. Есть отряды, составленные исключительно из добровольцев, они везде немногочисленны и в боях не участвуют, это — или инженерные части или кадры пулеметной команды.

Но в большинстве состав частей самый разнообразный, поистине интернациональный. На-ряду с немецкими и австрийскими военнопленными встречаются финны, китайцы, поляки, киргизы, восточные народности, евреи и проч., последние исключительно на должности комиссаров.

В первом казанском полку добровольцев один процент, русских 10%, татар 7%, остальные чуваши. Замечательно, что, попавши в плен, все они единогласно утверждают, что попали в Кр. армию за отсутствием

---

[1]) А. И. Деникин. Указ. соч. Т. III, стр. 146.

каких-либо работ, будучи привлечены высокими окладами.

С окладами тоже не все обстоит благополучно. Ранее попадались красноармейские требования по 20—30 руб. за ночь работы, теперь иногда требуется от 20 до 50 руб. за бой. Пока рекорд остался за сев.-уральским фронтом, где однажды было затребовано по 20 руб. за час боя" [1]).

Газета правильно подчеркивает „интернациональность" угнетенных классов, из представителей которых комплектовалась Кр. армия. Наша революция не имела бы присущего ей международного характера, а гражданская война—международно-революционной перспективы, если бы этого не было. Но вот насчет „окладов"... дело было не так: пылкая фантазия автора статьи далеко ушла от действительности.

Для полноты картины следует, пожалуй, упомянуть, в каком виде рисовались отряды Красной гвардии нашим противникам на северном фронте. Как и подобает провинции гражданской войны, краски там более сгущены, грубее, канва тоже примитивно проста. Четыре-пять газет северной области наполнялись сообщениями в роде следующего:

„Всех мобилизованных большевики — речь идет о селецком фронте—гонят в бои, а в случае нежелания итти вперед или отступления расстреливают на месте. Это гнусное дело исполняют наемные латыши и человеко-подобные звери в матросской форме.

Мобилизованные представляют собою скорее человеческие тени, чем людей. По рассказам пленных, им выдается в сутки 1/8 ф. хлеба и 1/2 селедки; теплого обмундирования нет. Большинство мобилизованных старается переходить на нашу сторону, но удается это не многим, так как пули наемников настигают несчастного в дороге.

Пленных надо разделить на две категории—мобилизованных местных крестьян и красноармейцев—и отличить их очень легко. У последних хотя всегда рваное обмундирование, но зато на руках золотые кольца, перстни и браслеты, а в карманах по несколько тысяч денег, награбленных у населения.

---

[1]) „Военные Ведомости" № 32 от 31 декабря 1918 г.

Одним из наших отрядов был отбит у красноармейцев обоз, в котором оказалось отнятое у населения имущество: женские платья, салфетки, простыни и проч., а также церковная утварь и священническое облачение.

Бандой красноармейцев было временно занято одно село. Красноармейцы—правильнее бандиты—в местной приходской церкви устроили пир, во время которого был разбит и обобран престол и иконостас. Все ценное разграбили. На время пира для безопасности церковь была оцеплена бандитами... (Арбюро)" [1]).

Для характеристики „провинциализма" северного фронта можно упомянуть описание в „официальном сообщении с северного фронта" одной „атаки большевиков на р. Двине".

Сообщение свидетельствует:

„Интересно отметить, что у одного из убитых большевиков найден приказ от самого Ленина о том, что атака должна быть произведена, и наши позиции заняты во что бы то ни стало". Тем не менее „большевики вынуждены были отступить"... [2]).

Ленин сыграл громадную роль в момент организации Красной армии, его влияние и участие в руководстве стратегическими операциями армии было тоже не менее велико и заслуживает тщательного изучения и специальной монографии; но, само собою разумеется, ему было не до того, чтобы отдавать „приказы" по поводу отдельных тактического значения операций в трущобах Сев. Двины. Тем характернее и интереснее это „сообщение" белого корреспондента.

---

[1]) „Вестник временного правительства северной области". Архангельск. № 62 от 27 декабря 1918 г.

[2]) „Вестник вр. пр-ва" № 34 от 20 ноября 1918 г.

Красная армия в 1918 г.

Широкие рабочие и крестьянские массы, частью еще не снявшие серых шинелей старой армии, представители так называемой власти на местах, коммунистическая партия, советское правительство—напрягали все свои силы, чтобы дать отпор контр-революции, которая медведем лезла со всех границ советской России на стальную щетину революционных штыков.

Кому пришлось в той или иной форме, на том или ином поприще военной работы принять тогда участие в этой коллективной работе, тот никогда не забудет особого внутреннего очарования этой титанической борьбы!

Теперь, в исторической перспективе, видно, что очень скоро затраченные усилия стали получать достаточные результаты. На разных фронтах эти результаты не совпадали по времени. Можно сказать, что впереди шел восточный фронт, за ним южный, наиболее отставшим фронтом был северный: вышеприведенная характеристика Красной армии в декабре 1918 г. на северном фронте оказалась бы совершенно неверной в приложении к отрядам революционного фронта, действовавшим на юге. Здесь эволюция совершалась много быстрее. Деникин относит ее начало уже к весне 1918 г.:

„К весне 1918 г.[1]) обнаружилась окончательно полная несостоятельность красной гвардии. 5 Съезд Советов восстановил всеобщую воинскую повинность". На основаниях, указанных Съездом, началась организация „рабоче-крестьянской" Красной армии.

„Строилась она на принципах старых, отметенных революцией и большевиками в первый период их вла-

---

[1]) Указ. соч. Т. III. Стр. 143—144.

ствования, в том числе на нормальной организации, единовластии и дисциплине.

Введено было „всеобщее обязательное обучение военному искусству", основаны инструкторские школы для подготовки командного состава, взят на учет старый офицерский состав, привлечены поголовно к службе офицеры генерального штаба и т. д.

Советская власть считала себя уже достаточно сильной, чтобы влить без опасения в ряды своей армии десятки тысяч „специалистов", заведомо чуждых или враждебных господствующей партии...

Организация армии шла с великим трудом и большими препятствиями: инерция несения государственной повинности была прервана, прежний двигатель борьбы—иноземное нашествие — сильно поблек и к тому же вытравлялся большевиками из народного сознания, новый—буржуазная контр-революция—не был воспринят в должной мере; других стимулов не было; в качестве побудительного фактора оставался лишь страх и принуждение...

Первый призыв военнообязанных был объявлен советским декретом во второй половине июля. Пять призывных возрастов (21—25-летний) дали до 800 тысяч солдат. Число это испытывало огромные колебания по пути от уездных приемников до фронта. Тем не менее к 1 ноября советская власть насчитывала на территории России до полумиллиона штыков и сабель.

С Красной армией, в собственном смысле слова, мы встретимся только поздней осенью. Летом шла лишь подготовка и некоторые преобразования. Армия оставалась смешанного типа—частью из добровольцев, частью из людей, мобилизованных на местах—насильственно, беспорядочно, властью местных советов или частных войсковых начальников.

Центральное управление употребляло большие усилия, чтобы собрать во-едино множество возникших самостоятельно отрядов и придать им организацию полков, дивизий, армий; чтобы взять в свои руки волю „контр-революционных начальников", путем установления за ними неусыпного наблюдения политических комиссаров, и вместе с тем заставить распущенную солдатскую массу повиноваться этим начальникам.

Выборное начало было отменено и если на практике еще применялось, то только в отношении должностей не выше ротного командира. Уже в июне к нам попал большевистский приказ, в силу которого упразднялись войсковые комитеты; взамен их в частях не выше полка допускались „комиссии" с контрольно-хозяйственными функциями. При этом приказ предупреждал, что всякое вмешательство этих комиссий в действия командного состава будет рассматриваться, как контр-революционное выступление, и виновные будут расстреливаться.

В области репрессий были восстановлены все прежние виды наказаний до смертной казни включительно.

Я не буду останавливаться на других военных мероприятиях советской власти, в силу разнообразных причин, никогда не достигших преображения Красной армии в действительно серьезную национальную силу.

Интересно отметить лишь тот путь, которым пошли советы — путь решительной и полной реставрации во всем — в строе, в службе и быте войск. Это явление было естественным по той простой причине, что Красная армия строилась исключительно умом и опытом „старых царских генералов".

Участие в этой работе комиссаров Троцкого и Подвойского, товарищей Аралова, Антонова, Сталина и многих других было вначале чисто фиктивным. Они играли лишь роль надзирателей над работами арестантской артели и вместе с тем учились исподволь у своих „арестантов" их сложному и новому для себя искусству; одни оставались неучами, другие преуспевали — по крайней мере в такой степени, чтобы отличить меру явно целесообразную от грубой провокации.

Одни дали разум, другие внесли волю".

Чтобы выделить в этой цитате крупицы истины из большой кучи исторического хлама нужно стать тоже в некотором роде на „путь решительной и полной реставрации" истории минувших событий. Ограничимся несколькими беглыми замечаниями. Суть дела прежде всего не в „несостоятельности" красной гвардии, „обнаружившейся" весной 1918 г., ибо в возникновении и развитии стихийных движений этот вопрос имеет меньше всего значения, а борьба отрядов красной гвардии с белыми велась в начальный период повсеместно и имела стихийный характер. В действительности же пере-

ход к формированию организованной Красной армии с централизованным управлением обусловливался и был вызван определившейся весной 1918 г. организацией и централизацией дотоле разрозненных контр-революционных сил.

Далее, „старые, отметенные революцией и большевиками" принципы, на которых, если ограничиваться внешностью, будто бы строилась армия, на деле были проникнуты идеями революции и согреты совершенно иными чувствами и настроениями. Так, мы настаивали на развитии и внедрении в красноармейские массы тех же, казалось бы, внешних форм военной дисциплины; однако, командно-политический состав неизменно подчеркивал, что наша дисциплина основана не на слепом страхе перед начальством, а на авторитете его и добросовестно-осмысленном отношении к делу подчиненного. Отклонения и уклоны были на первых порах неизбежны и понятны, но дело было, конечно, не в них.

Наконец, никто никогда не стремился создать из Красной армии „серьезную национальную силу". В строительстве красной вооруженной силы последовательно и неизменно проводился классовый принцип, что соответственным образом отражалось „в строе, в службе и быте войск". Только слепой мог не видеть этой основной тенденции. Но, что эта классовая армия защитила „национальные" интересы бывшей России много лучше, чем сумела это сделать национальная армия старого режима в отношении царской России,—так это деталь, которую Деникин не замечает даже в 1924 г.!

В последующих строках Деникин описывает[1]), как преломлялись в жизни Красной армии разум и воля руководителей.

„Летом 18 года сво́дки штаба добровольческой армии устанавливали „резко бросающуюся в глаза черту Красной армии: борьбу между начальниками, старавшимися установить порядок и, подчиненными—пассивно, иногда активно сопротивлявшимися этому...

Приказы и телеграммы полны жалоб, указаний, увещаний, угроз. Наиболее распространены в армии неисполнение приказаний, небрежное несение службы,

---

[1]) Указ. соч., стр. 146—147.

самовольное оставление фронта, насилия, грабежи, пьянство". Обучение отсутствовало почти вовсе.

Жизнь в войсках принимала такой тяжелый и сумбурный характер, что под влиянием более разумного элемента некоторые части сами выносили постановления о применении в них суровых мер наказания, включительно до розог и смертной казни.

Красная армия в переходный период жила еще преемственно традициями „революционной армии" 17 года, и потому боевая годность ее была весьма относительной. Но она шла массами.

Стихийная тяга к земле, к дому, просто к мирной жизни вызывала дезертирство в небывалых размерах, особенно летом, обращая красные части в проходные этапы, через которые переливала человеческая волна.

Ушедших заменяли новые люди—иногда являвшиеся добровольно, часто взятые насильно. И они шли опять массами, подгоняемые пулеметами „карательных отрядов", побуждаемые страхом столько же, сколько и злобой, подогреваемые надеждой на скорое окончание безумной кровавой борьбы...

За армией двигался громадный обоз с добром красноармейцев—своим и награбленным, с женщинами, которые их ссорили и развращали, с детьми, которые их связывали".

И тем не менее, как свидетельствует ген. А. С. Лукомский [1]):

„К осени 1918 г. стало замечаться среди большевистских войск проявление большей дисциплины, поддерживаемой самыми жестокими мерами. Большевистские части научились драться с большим упорством и стали проявлять большую наступательную энергию".

Ген. Лукомский объясняет это явление свойствами добровольческой армии.

„В значительной степени этому способствовал страх попасть в плен, так как, несмотря на все меры, принимаемые высшим начальством, с пленными наши войска расправлялись с большой жестокостью".

Это обстоятельство играло, конечно, свою роль; однако, дело было в другом. Деникин объясняет весь процесс с большим приближением к истине:

---

[1]) Ген. А. С. Лукомский. Воспоминания. Т. II, стр. 122.

В первых числах июля месяца 1918 г. добровольческая армия начала так называемый второй кубанский поход. Операции двадцати-тысячной армии развивались одновременно от Кущевки до Армавира (220 верст), от Динской до Ставрополя (220 верст). Добровольцы имели перед собой следующие организованные группы северо-кавказских красных войск:

1. Армию Сорокина, около 30 тысяч;
2. Екатеринодарскую группу, 7—10 тысяч, включая сюда тихорецкую группу Калнина, 2—3 тысячи, совершенно деморализованных и истрепанных боями с белогвардейцами;
3. „Кавказскую" группу, в 3—4 тыс. челов., и
4. Ставропольскую группу в 6—8 тыс.

Части Красной армии, численно ослабленные, сильно деморализованные, теснимые качественно превосходными силами добровольцев, оборонялись и стремились обеспечить себе возможность уйти за Кубань.

Как свидетельствует Деникин, эта оборона красных войск велась чрезвычайно искусно и активно. Так, неожиданным ударом 15 июля наши войска заняли ст. Кореновскую, частью уничтожили, частью взяли в плен занимавший станицу белый гарнизон; красное командование намеревалось пробиться через Кореновскую на Усть-Лабу, и далее на Кубань.

„Легкость овладения Кореновской, — пишет Деникин [1]), — и создавшаяся благоприятная обстановка побудили его (красное командование) использовать свое положение и попытаться разбить добровольческую армию. Во всяком случае, весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих — Сорокина или штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северо-кавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка советская Россия потеряла крупного военачальника".

Добровольцы атаковали Кореновскую, но...

„войска Сорокина оказались в значительно превосходных силах и отменного боевого качества. Артиллерия его выпускала огромное количество снарядов.

---

[1]) Указ. соч. Т. III, стр. 192—193.

Дивизии наши понесли тяжелые потери, были смяты и к вечеру отошли, преследуемые противником".

Тем не менее, начало второго кубанского похода характеризовалось успехом добровольцев. После понесенных поражений северо-кавказская Красная армия до двадцатых чисел августа переживала глубокий кризис.

„С этой же поры, — пишет Деникин [1]), — на фронте 1-й конной, 1 кубанской, 3-й дивизии начались упорнейшие, жестокие бои, понемногу рассеивавшие гипноз рассказов о „разложении" большевистской армии и ставившие нас вновь лицом к лицу с большими и серьезными силами противника".

Мимоходом он роняет любопытную ремарку, свидетельствующую о том, как мало понимания было у белых генералов того, свидетелями чего они были:

„По ту сторону фронта происходили какие-то непонятные для нас психологические процессы, проявлявшиеся в военных операциях перемежающимися вспышками высокого подъема и беспричинной паники".

Немного дальше Деникин делает не безынтересную попытку охарактеризовать непонятные для белых „психологические процессы". Инициатива оздоровления, как это видно, шла снизу.

„В „Окопной правде", органе красно-армейских депутатов „доно-кубанского фронта", — отмечает Деникин—5 сентября 18 года появилось откровенное признание [2]): „в нашей армии нет дисциплины, организованности... ее разъедают примазавшиеся преступные элементы, которым чужды интересы революции"... Приходится констатировать недоверие бойцов к командному составу, так и командного состава к главкому (Сорокину), что ведет в конце к полному развалу всей революционной армии...

Состоявшийся в сентября в Пятигорске съезд фронтовых делегатов определил конкретно причины поражений, потребовав устранения их суровыми мерами [3]):

1) неподчинение войсковых частей высшему командному составу, „благодаря преступности отдельных лиц

---

[1]) Указ. соч. Т. III, стр. 216—218.
[2]) Цитаты белого автора.
[3]) Деникин воспроизводит резолюции съезда.

командного состава и недисциплинированности бойцов", трусости и паническому настроению „многих";

2) „грабежи, насилия, реквизиции", словом, „целый ряд насилий над мирным населением";

3) „обессиление армии беженским движением, вносящим панику при первом же выстреле"...

О деморализации красных свидетельствовал и неизбежный спутник ее—дезертирство: не только казаки, бывшие в составе большевистских войск, но и красноармейцы сотнями стали переходить на нашу сторону".

Особенно большие нарекания были на командный состав.

„О нем говорили много и съезд, и резолюции частей, и приказы красного командования. Деникин с внутренним злорадством цитирует некоторые из них: „Товарищи—говорит, по его словам, одна из резолюций — которые совершенно не компетентны в военных стратегических вопросах, преступно принимают на себя обязанности, которых они выполнить не могут"... „Скверно то—писал Сорокин в приказе № 5 в августе 18 года,– что командиры, начиная с взводных, убегают от бойцов в трудные минуты... Лучшие из них с бойцами... а другие в то время по городу с бабами раскатывают пьяные... Самые лучшие боевые планы рушатся из-за того, что приказания не во время или вовсе не исполняются"...

Состояние наших частей действительно требовало энергичных мер по оздоровлению, и оно началось с верхушки: само командование армии из единоличного было реорганизовано в коллегиальное — командующего и двух комиссаров. Другие стороны процесса оздоровления очень выпукло обрисованы Деникиным:

„В течение августа состояние многих частей кавказской Красной армии было еще плачевно; но уже к началу сентября процесс распада красных войск приостановился. Хотя красное командование по прежнему проявляло отступательные тенденции, но они встречали не раз неожиданный отпор в самой солдатской массе, несколько отсеянной, благодаря уходу или бегству многих пришлых частей—на север, к Царицыну.

Одна из наших сводок отмечала такой необыкновенный факт: „1-я Лабинская бригада, насильно выбрав командиром всячески от этого уклонявшегося Ярового,

принудила его (вопреки директиве высшего командования) под угрозой расстрела вести ее в бой. Наступление бригады кончилось разгромом ее под Упорной".

„В своих постановлениях войсковые части... начали предъявлять требования к своему командованию. „прекратить отступление, реорганизовать фронт и затем наступать только вперед, вперед на врага, вперед к своим женщинам, женам и детям, которые гибнут под гнетом разбоя и взывают к нам о помощи"... (воззвание „президиума Лабинской бригады"). „В полку получилось волнение—воспроизводит автор донесение „военно-полевого совета 1-го кубанского в. р. кавалерийского полка"—о том, что получились сведения, что Лабинская горит, семьи насилуются, что разгорается усиленная провокация, как будто командный состав ведет к разрухе".

„Наша разведка меланхолически отмечает Деникин — уяснила себе положение в стане противника с большим запозданием и в сентябре пришла к пессимистическому выводу: северо-кавказская Красная армия начинает понемногу выходить из кризиса не ослабленной, а, наоборот, усилившейся. Она желает решить боевые вопросы, составляющие основу дальнейшего существования кубанской республики; победу она видит в занятии крупных центров края, в разгроме добровольческой армии"...

Право трудно охарактеризовать лучше, чем сделала это добровольческая разведка, как стремилась Красная армия ознаменовать на северном Кавказе первую годовщину Октябрьской революции.

Во втором кубанском походе, закончившемся 7 ноября ставропольским сражением, добровольческая армия второй раз (после первого кубанского похода) потеряла свои основные части [1]).

„2-ю, 3-ю дивизии, некоторые пластунские батальоны пришлось вывести на длительный отдых для формирования и пополнения. В добровольческих полках, проведших через свои ряды по многу тысяч людей, оставались на лицо 100—150 штыков".

С таким непреоделимым упорством сопротивлялись белогвардейцам рабочие и крестьяне северного Кавказа,

---

[1]) А. И. Деникин. Указ. соч. Стр. 237.

едва сколоченные в лишенные руководства партизанские отряды, зачастую действовавшие на свой страх и риск. Какие потери должны были они понести?..

Здесь уместно будет отметить, что силы северо-кавказских красных войск не поддавались точному учету. Как свидетельствует Деникин, „их не знали точно ни мы, ни „всероссийский главный штаб" (большевистские боевые расписания нам сообщали и из Москвы), ни даже штаб Калнина [1]). Постоянно появлялись какие-то новые части, наименования которых через неделю исчезали бесследно; создавались крупные крестьянские ополчения, которые после неуспеха или занятия добровольцами района их формирования рассасывались незаметно по своим селам".

Усиление боеспособности Красной армии не замедлило сказаться осенью и на других фронтах. Параллельная работа шла, конечно, и в противоположном стане.

На восточном фронте 18 ноября имела место передача верховной власти адм. Колчаку, коренная реорганизация всего аппарата управления была связана с обновлением военного аппарата, методов борьбы с красными и выяснением их слабых и сильных сторон. В газ. „Военные Ведомости" около этого времени была помещена любопытная статья под заглавием": В чем сила и слабость Красной армии".

„Ни для кого не секрет — писала газета [2]) — что за последние два месяца Красная армия усилилась и количественно и качественно.

Количественно — потому, что знаменитое „рабоче-крестьянское правительство" решилось, наконец, мобилизовать крестьянскую молодежь, чего раньше не делалось.

Качественно же — благодаря целому ряду остроумных мероприятий совнаркома.

В первую очередь можно поставить крайне интенсивную агитационную деятельность. На агитацию расходуются миллионы рублей. Армия и вся прифронтовая полоса наводнена хорошо подготовленными агитаторами, забрасывается литературой. Работа эта ведется

[1]) Фактический командующий сев.-кавк. красными войсками, имевший штаб в Тихорецкой.

[2]) „Военные Ведомости". Ново-Николаевск. № 5 от 26 ноября.

попросту, без затей, основывается исключительно на темноте масс".

„В одной из брошюр для крестьян, разбрасываемых по Алатырскому уезду Симбирской губернии, например, говорилось, что в соседних уездах не только восстановлена частная собственность на землю, но даже введено и действует уже крепостное право. По Нижегородской губ. распространялись листовки с сообщениями о том, что на уфимском госуд. совещании решено объявить Михаила Александровича императором и т. д. и т. д."

„Подобная агитация на крестьян производит довольно сильное впечатление. Большевики вообще умеют спекулировать на нашем невежестве".

Нет, дело было не только в белом „невежестве", а в их неуменьи и неспособности усвоить приемы ведения гражданской войны. Подробнее об этом мы будем говорить в главе „Политработа, как фактор боевых успехов Красной армии". Здесь же следует подчеркнуть, что агитация красных была так успешна еще и потому, что, при всем ее тогда несовершенстве, она помогала крестьянам уяснять, что на белых штыках сидели помещики. Затушевать же этот факт белые были не в силах - к каким бы приемам агитации они ни прибегали.

„Вторым, не менее важным шагом в деле усиления боеспособности Красной армии — читаем мы дальше— необходимо считать мобилизацию партийных работников-коммунистов. Едва только начнет разлагаться какой-либо „сознательный" полк, — как в него начинают вливать новые силы — сотни коммунистов. Последние довольно быстро меняют настроение солдатских масс.

Затем установление единства командования и, наконец, поднятие дисциплины. Последняя мера проведена при помощи немцев и мадьяр. В настоящее время Красная армия представляет из себя сколок с германской армии 1914—1915 г. г.

Наступают красные по немецкой системе, густыми цепями, при чем первые две-три цепи составляют мобилизованные, за ними идут солдаты-коммунисты и мадьяры с латышами. На последних лежит обязанность воодушевлять трусливых пулеметами.

Этот интернациональный характер армии нашего противника — его главная сила. Но в этом же и причина грядущей гибели большевизма. Стоит только уйти мадьярам и немцам — кто останется в Красной армии".

Однако, пока „мадьяры и немцы" были еще тут — белым приходилось плохо.

В газете „Русская армия" тогдашний начальник академии генерального штаба у Колчака ген. Андогский в очередном своем обзоре от 14 декабря дал такую оценку военных операций красных частей за время с 15 ноября по 15 декабря 1918 г.

„Суммируя сведения, касающиеся боевых действий на всех участках нашего громадного стратегического фронта за последний месяц, — мы видим, что большевики сосредоточили настойчивые усилия для того, чтобы:

а) овладеть районом Оренбург - Уральск - Илецк с целью соединения европейской и туркестанской большевистских территорий, и

б) овладеть районом Уфы с целью прорвать стратегический фронт, изолировать оренбургский район от помощи с севера и обрушиться на него, уже с большими шансами на успех.

Операция задумана была большевиками широко. Осуществление ее проводилось с громадной энергией... противник в полной мере захватил инициативу действий, господствует над волей верховного командования, заставляя нас лишь парировать заносимые над нами удары. Казалось, что воля наша скована, что свобода действий совершенно потеряна, что торжество противника близко" [1]).

В дальнейших строках ген. Андогский старается доказать, что „планы большевиков не осуществились". На этом нет интереса останавливаться, тем более, что о стратегической проницательности А. И. Андогского нам еще придется говорить.

Тысяча девятьсот восемнадцатый год, первый год революции, заканчивался под знаком несомненных успехов Красной армии.

---

[1]) Цитирую по газ. «Отечественные Ведомости». Екатеринбург № 33 от 19 декабря.

„Борьба еще продолжалась. Белая сторона в окончательной победе была уверена. Но и Красная армия давала доказательства все более и более быстрого роста, большей организованности и сплоченности, большей стойкости и массового упорства в операциях. Сочувствие населения явно склонялось на сторону большевиков.

Белые не могли не замечать этого и пытались найти, правда задним числом — в 1924 г., объяснение столь рокового для них явления. Увы! оно так и осталось ими непонятым, — и лучшее свидетельство тому следующая небольшая цитата из книги Деникина.

„Историк отметит, несомненно, еще одно важное явление—эпидемическое распространение русского большевизма—в формах, быть может более слабых, иногда мало заметных, — поражавших, тем не менее, морально широкие круги, ему чуждые и враждебные.

В навыки, приемы, методы, в самый склад мышления людей вливалась незаметно, несознательно большевистская отрава. Эпидемия пронеслась и по белым армиям, и по освобожденным районам, и по мировым путям расселения эмиграции. Она находила там свои жертвы среди философов и богословов, среди начальников и воинов, правителей и судей, политиков и купцов, в толще домовитого крестьянства, зажиточного мещанства и рабочих, казаков и иногородних; в красном, розовом, белом и черном станах“ [1]).

[1]) А. И. Деникин. Указ. соч., т. III, стр. 182

Офицерский корпус старого режима в рядах Красной армии.

Вопрос об отношении к бывшим офицерам царской армии, к так называемым военным специалистам, был особенно острым вопросом в 1918 г., оставался таковым в 1919 г. и, в сущности, не утратил своей остроты до самого конца гражданской войны.

Одно время он сильно тревожил широкие круги партии, оспаривалась самая необходимость привлечения военных специалистов, а привлеченные находились под бдительным и непрестанным наблюдением. Последовательные сторонники „противопоставления антиофицерской линии—линии офицерской“ исходили из доказанного, по их мнению, опытом партизанского периода предположения, что без старого офицерства можно совершенно свободно обойтись.

Однако, все возраставшие трудности борьбы с отечественной контр-революцией заставили приступить вплотную к созданию регулярной армии. В процессе ее организации и дальнейшего роста внутрипартийные разногласия по вопросу о привлечении военных специалистов разрешились победой второй точки зрения, и знания и опыт бывшего офицерства были широко использованы в деле строительства вооруженной силы революции.

Идеологами белого движения факт привлечения старого офицерства в Красную армию, а затем и дальнейшее участие его в организации армии воспринимались особенно болезненно. Прежде всего, конечно, утрировалась роль и значение офицерского корпуса в поднятии боеспособности Красной армии.

„Все органы центрального военного управления,— пишет Деникин,— возглавлялись генералами-специали-

стами—особенно широко был представлен генеральный штаб,—работавшими под неослабным надзором коммунистов. Почти все фронты,—северный против Архангельска (ген. Парский), восточный, на Волге (полк. Каменев), южный—против Дона (ген. Сытин), западный—на фронте немецкой оккупации, северо-кавказский—против добровольческой армии, частью против Дона (ген. Снесарев),—и большинство красных армий имели во главе старших начальников старой армии.

Периодически на большевистском горизонте вспыхивали довольно яркими звездами самородные таланты, рожденные войной и революцией, но это были лишь редкие исключения, и вся сила, вся организация Красной армии покоилась на старом генералитете и офицерстве" [1]).

В газете „Сибирский Стрелок" [2]) была помещена интересная статья Белоруссова, перепечатанная из „Отечественных Ведомостей", под заглавием „Красное офицерство". Болезненность отношения белых к красному офицерству чувствуется в первых вступительных строках статьи.

„От одного, лично мне хорошо известного, очень достойного, очень храброго и очень преданного интересам России офицера я получил рукопись, которая, к моему сожалению, не появится на столбцах „Отечественных Ведомостей". Не появится потому, что в ней названы лица, имена которых я не считаю себя в праве предавать позору.

Но тема статьи заслуживает внимания, и на ней я позволю себе остановиться. Эта тема—участие русских офицеров, в качестве начальников, руководителей, инструкторов и чинов различных штабов в армии большевиков"...

„Русское офицерство, так ужасно пострадавшее от революции вообще, от большевиков в особенности, тем не менее поставило Красной армии множество своих членов и не только прапорщиков запаса, которые были увлечены потоком революции, или были с самого начала ее активными деятелями, но генералов, полковников и т. д., составивших свое положение при старом режиме, служивших ему верой и правдой, а затем по разно-

---

[1]) А. И. Деникин. Указ. соч. Т. II, стр. 144.
[2]) № 2 от 17/4 января 1919 г.

образнейшим мотивам совершивших решительный volte-face и оказавшихся в рядах Красной армии".

— „Как дошли они до жизни такой?"—патетически восклицает автор.

Процесс этот, этот путь у искренних людей был очень сложен и довольно интересен. Одних, ранее чуждых и неинтересовавшихся „политикой", теперь, после того, как необходимость заставила их с нею познакомиться, захватили идеи Октября; других пленил героизм восставших рабочих и крестьян, героический характер пролетарской революции, дерзко и смело бросившей вызов старому миру и не побоявшейся вступить с ним в далеко не равную борьбу; наконец, третьих, сумевших разобраться в международной обстановке, уяснивших себе низость и предательство буржуазных правительств, так называемых держав-союзниц, подогревали националистические соображения. Словом, мотивы были многообразны и сложны. У Деникина же они получают примитивно-упрощенную обрисовку.

„Рядовое офицерство уничтожалось или насильственно привлекалось в Красную армию. Жизнь разделила резко старый офицерский состав на три группы:

В первой—весьма малочисленной—были „стоящие на советской платформе",—коммунисты искренние или „октябрьские", во всяком случае настолько скомпрометированные своим близким участием в кровавой работе большевиков, что вне советского строя им выхода не было.

Во второй—столь же малочисленной—так называемые „контр-революционеры", невзирая на необычайный гнет, сыск и террор советской власти, работавшие активно против нее. Работа эта проявлялась в разрозненных вспышках, восстаниях, покушениях, в переходе на сторону „белых армий" и т. д. Свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, это факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий.

Наконец, третья группа,—наиболее многочисленная, брошенная в ряды Красной армии голодом, страхом, принуждением, разделила общую судьбу русской интеллигенции, обратившейся в „спецов". Страдающие морально или беспечные, нуждающиеся или берущие от

жизни все, что можно, они слились в одну массу лойяльных советских работников“ [1])...

По мнению белой печати русское офицерство „ужасно пострадало от революции вообще и от большевиков в особенности“. Белая литература, этому вопросу посвященная, полна описаниями, фактами и фантазией, красочно живописующими ужасы большевистского террора и коммунистического гнета, зверства и насилия над бывшими офицерами, оказавшимися в Красной армии.

Однако, сами белые авторы не считали нужным замалчивать факты, которые говорят с полной убедительностью, что поведение русского офицерства в пролетарской революции было совершенно аналогично поведению французского в революции буржуазной.

Мы приведем, прежде всего, авторитетное свидетельство Деникина:

„Первое время, кроме десятка авантюристов, еще в начальный период революции оторвавшихся от идеологии офицерства и теперь безоглядно шедших с большевиками, весь прочий генералитет, поступивший на службу, был им враждебен Почти все они находились в сношениях с московскими Центрами и добровольческой армией. Не раз к нам поступали от них запросы о допустимости службы у большевиков... Они оправдывали свой шаг вначале необходимостью препятствовать германскому вторжению, потом „недолговечностью большевизма“ и стремлением „кабинетным путем разработать все вопросы по воссозданию русской армии и пристроить так или иначе голодных офицеров“.

„Жизнь ответила им годами террора „внутренних фронтов“ и прямым участием в междуусобной борьбе. Часть их перешла впоследствии в противо-большевицкие армии, другая была последовательно истреблена большевиками, остальных засосало большевистское болото, в котором нашли успокоение и человеческая низость и многие подлинные душевные драмы“.

И дальше:

„Московские Центры поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно

[1]) А. И. Деникин. Указ. соч Т. II, стр. 145

отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стране большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред.

За $2^1/_2$ года борьбы на юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя...

Были, конечно, переходы к нам на фронте отдельных лиц и целых „красных“ частей, но в общем операции большевиков протекали довольно планомерно, иногда талантливо, поскольку это зависело от высшего командования, а не исполнителей“ [1]).

В цитированной выше, от 17/4 января 1919 г., статье из „Отечественных Ведомостей“ Белоруссов, задавшись вопросом: „как дошли они (офицеры) до жизни такой?“— т. е. до службы в Красной армии, и, оставив в стороне, как неинтересную для него, группу гонимых голодом и нищетой, сосредоточивает все свое внимание на другой группе.

„Другие пошли (в ряды Красной армии — *К. С.*) с мыслью одолеть таким образом большевиков. В начале нынешнего года, когда в долгих переговорах с большевиками решался вопрос об участии офицерства в деле формирования Красной армии, вопрос этот обсуждали много и долго и в московских общественных организациях совместно с офицерством.

Из этих собеседований выяснилось с полной очевидностью, что генералитет, приглашенный большевиками, если и склонен был итти к ним на службу, то в надежде, получив в свои руки нужное орудие—организованную ими армию—взорвать большевиков. Аргументация при этом была такова: не имея в руках вооруженной силы, одолеть большевиков нельзя; создать

---

[1]) А. И. Деникин. Указ. соч. Т. II, стр. 145.

конспиративно вооруженную силу—дело безнадежное. Надо, следовательно, итти к большевикам, но выговорить себе право назначения командного состава вплоть до взводных унтер-офицеров; имея же командный состав в своих руках, можно смело рассчитывать и на войсковую часть и повернуть ее против кого угодно, против самих большевиков в том числе. Генералитет, таким образом, надеялся и расчитывал провести и обыграть большевиков в начинавшейся игре"...

Откровенное, весьма ценное признание! У партийных организаторов Красной армии внутреннее убеждение в существовании тенденций, так красочно воспроизведенных Белоруссовым, несомненно существовало. Оставляя в стороне архивы чрезвычайной комиссии и государственного политического управления,—в литературе можно без труда найти тому доказательства; но все они исходили из одного — красного лагеря. Следует к тому же заметить,—для тех, кто этого не знает, что Белоруссов был одним из видных московских журнастов [1]), и его свидетельство сомнений не внушает: он не предполагал, а конкретно знал то, о чем он писал в 1919 г. Последующие строки еще более назидательны.

„...Весною прошлого года по команде дан был совет: офицерам входить в Красную армию. Конечно, при этом умалчивалось о том, что входить надо с целью овладеть армией и бросить ее на большевиков. Умалчивалось, но подразумевалось... теми, кто знал"...

Очень хорошее свидетельское показание, в подтверждение справедливости слов Белоруссова, представляет статья В. И Гурко, брата известного генерала Гурко:

„Так как я был единственным посредником между правым центром и наиболее видными и влиятельными представителями офицерства, вступившими в Красную армию с целью борьбы с большевизмом"...—

прямо рекомендуется нам автор в своей статье,—то...

„...мне, быть может, ближе, чем кому-либо, были известны те условия, при которых многие военные вступили в Красную армию, вступили нередко против своего

---

[1]) А. С. Белоруссов—известный сотрудник московских „Русских Ведомостей". Из Москвы он бежал в Уфу вместе со своим сыном Белевским, Е. Синегубом, Дерепталем, Савинковым и др. Здесь им была основана газета „Отечественные Ведомости"; комуч изгнал и газету и ее редактора в Екатеринбург, где Белоруссов и умер.

желания, побуждаемые к тому правым центром..., основываясь на надежде взорвать большевиков изнутри, создав собственную силу в самом их вооруженном стане"...

И дальше.

„Если, тем не менее... офицерство продолжало в течение некоторого времени оставаться в Красной армии, то опять-таки по мною же передаваемым уговорам правого центра, продолжавшего надеяться приблизительно до середины августа (1918 года—*К. С.*) свергнуть большевиков в Москве при помощи военных элементов" [1]).

Внедрению в Красную армию и ее штабы контрреволюционного офицерства правый центр придавал особое значение...

„Но—разочарованно писал далее в своей статье Белоруссов—каковы бы ни были мотивы, участие и работа офицерского корпуса позволили г.г. Троцким и К° с о з д а т ь [2]) Красную армию. Не генералитет провел Троцкого, но г. Троцкий провел и обернул вокруг пальца г.г. генералов, подававших пример, и г.г. офицеров, примеру последовавших".

В этом же стиле выражается и Деникин.

„Как бы то ни было, советская власть может гордиться тем искусством, с которым она поработила волю и мысль русского генералитета и офицерства, сделав их невольным, но покорным орудием своего управления"...

„Итак мы стоим — заканчивает Белоруссов свою статью—перед грустным и возмутительным фактом: большевистская армия, сражающаяся против патриотов, руководится и командуется русскими офицерами. Она создана ими.

И теперь вопрос: что же? Эти предатели родины, носившие недавно мундир офицера, теперь, когда внутренняя война скоро кончится,—о ять войдут в ряды русского офицерства, чтобы лишить нас, русских граждан, возможности знать, кому, подавая руку русскому

---

[1]) В. И. Гурко „Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917—1918 г." „Архив русской революции", издаваемый И. В. Гессеном. Т. XV, стр. 35.

[2]) Курсив подлинника.

офицеру, свидетельствуем мы свое уважение: лучшему ли защитнику родины или ее предателю?

Это невозможно, здесь поставлена на карту честь не только мундира,— хотя и она ведь не лишена цены,— но честь всей нации.

Из этого трудного положения я знаю один только выход. Должен быть создан чрезвычайный суд чести. И все без исключения русские офицеры, служившие у большевиков, должны предстать перед ним. Все поведение их, все обстоятельства, толкнувшие их на службу в Красной армии, должны быть освещены до дна; и все те, кто не докажет чистоты своих намерений и действий, должны будут снять мундир".

Но если на востоке вопрос об отношении к офицерству, служившему в Красной арми, ставился пока в статьях трубадуров белой гвардии, то на севере он разрешался, в том же 1919 году, совершенно конкретно, авторитетными и компетентными разъяснениями полевого военного прокурора: [1]).

„С точки зрения закона—терпеливо разъяснял Добровольский в заседании комиссии по политической амнистии земско-городского совещания, созванного эсэрами в Архангельске после эвакуации его союзниками—приходится иметь дело с двумя преступными сообществами, из которых одно именует себя российской коммунистической партией (большевиков), а другое—советской властью. Ядро второго сообщества составляют Ленин, Троцкий, Зиновьев и другие, но, кроме них, в состав его входят не только партийные коммунисты, но и другие лица, сознательно, а не в силу принуждения или из-за куска хлеба примкнувшие к этому сообществу, при чем иногда не в силу каких-либо идейных соображений, а просто потому, что они в порядке борьбы поставили ставку на советскую власть. Деятельность таких лиц в объективном смысле приносит не меньший вред, и в оценке ее судебная власть не исходит из партийной принадлежности, а лишь разрешает вопрос, поскольку данное лицо является сознательным агентом советской власти. Для иллюстрации своей мысли я просил членов комиссии ответить, чья деятель-

---

[1]) С. Добровольский. „Борьба за возрождение России в северной области" „Архив руской революции". Т. III, стр. 59—60.

ность является более преступной: какого-нибудь мелкого коммуниста или командующего против нас красными войсками генерала генерального штаба Самойло".

Точка зрения Добровольского была принята правительством северной области и энергично проводилась прокуратурой в жизнь... еще лишь несколько месяцев.

Поставленный нами выше вопрос о роли верхов офицерского корпуса старого режима в рядах Красной армии можно считать разрешенным в положительном смысле достаточно авторитетными свидетельствами Деникина, Белоруссова и Гурко. Имеется и четвертое свидетельство, еще более, пожалуй, авторитетное, как по официальному тогда положению его автора, так, в особенности, по характеру описания—сознательного, совершавшегося—говоря юридическим языком—с заранее обдуманным намерением, предательства и Красной армии и революционной России.

В газете „Военные Ведомости" [1]) в номерах от 18 и 19 января помещена статья: „Академия генерального штаба в 1917 — 1918 г.г." за подписью — начальника всероссийской академии генерального штаба, ординарного профессора, генерального штаба ген.-майора Андогского, - представляющая возражение на статьи в газетах „Тюменьское слово" и „Отечественные Ведомости", обвинявшие академию генерального штаба, коротко говоря, в красной ориентации.

„Определенно выразившееся стремление большевиков—оправдывался ген. Андогский—разрушить старую боевую русскую армию побудило конференцию академии сразу же принять меры к тому, чтобы спасти от разгрома, как самую академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России. Принято было решение эвакуировать академию из Петрограда в направлении к тем окраинам, куда, по слухам, начинали стекаться русские люди для борьбы с большевиками. Мне, как председателю конференции, была поставлена задача — изыскать пути и средства к достижению указанной конференцией цели.

[1]) „Военные Ведомости". Ново-Николаевск. 1919 г. №№ 43 и 44.

Подходящим предлогом для выезда академии из Петрограда явилась опасность захвата Петрограда германцами. Районом эвакуации конференция наметила Донскую и Кубанскую области, куда в начале декабря 1917 г. и был командирован член конференции—генерального штаба полковник Дрейлинг—вошедший в сношения с генералами Алексеевым и Калединым (в Новочеркасске) и с кубанским атаманом полковником Филимоновым (в Екатеринодаре)".

Последовавшие вскоре события не позволили академии эвакуироваться в казачьи земли и удержали ее в Петрограде до конца марта 1918 г., когда „со стороны большевиков" [1]) стали проявляться притязания на все академии в связи с формированием Красной армии. И вот,—

„так как открытая борьба грозила разгромом академии, — то решено было уклониться путем эвакуации в Сибирь под тем же предлогом—опасности взятия Петрограда германцами и недопустимости академии попасть в руки врагов...

Решение эвакуироваться в Сибирь обусловливалось стремлением продвинуться возможно дальше в направлении к Дальнему Востоку, где по слухам и имевшимся сведениям, — крепли элементы, выступившие на борьбу с большевиками".

Как известно, академия генерального штаба и была переведена в Екатеринбург, при чем эвакуация была закончена к июлю 1918 года. Но необходимые меры были приняты еще в июне:

„с ведома конференции мною в конце июня 1918 г. был командирован в Москву во французскую миссию — член конференции генерального штаба подполковник С., который уполномочен был заявить, для доведения до сведения маршала Фоша, что академия имеет непреклонное решение... приложить все усилия к тому, чтобы содействовать успехам чехо-словаков и сибирских войск, уже надвигавшихся на Урал,—и при первой к тому возможности перейти на их сторону. Вместе с тем подполк. С. должен был передать разработанную профессором генералом Иностранцевым записку с планом создания фронта при помощи союзников на территории России против Германии и ее пособников—большевиков".

---

[1]) Т.-е. нар. комиссариата по военным делам.

Больше сказать, кажется, нечего. Сказано все. Интересно лишь отметить, было ли выполнено данное поручение.

„Подполковник С. выполнил данное ему поручение в Москве в июле 1918 г., передав все сказанное во французскую миссию генералу Лаверн и полковнику Корбель".

Как опять-таки известно, академия полностью перешла на сторону чехо-словаков частью в Екатеринбурге, частью в Казани.

Тысяча девятьсот девятнадцатый год.

1919 год был годом тягчайших испытаний для Красной армии и Советской России. Но начинался он, казалось, вполне благоприятно.

На восточном фронте 31 декабря, накануне нового года, красными войсками после упорнейших боев была занята Уфа. С занятием Уфы оборонительная линия белых распадалась на два участка: северо восточный с центром в гор. Перми и юго-восточный с центром в Оренбурге. Наступая на оренбургском направлении, красные войска 22 января занимают Оренбург, 24 января — гор. Уральск. Белые прилагали все старания сдержать наступление красных, но успеха не имели: весь февраль месяц на сарапульском, челябинском и оренбургском направлениях планомерно развивались наступательные операции Красной армии.

Для белых эти победы Красной армии представлялись удивительными, непостижимыми. От их внимания ускользали те черты порядка и организованности, на которых покоилась сила красных частей.

Газета „Сибирский Стрелок“ следующим образом рисовала [1]) своим читателям быт и организацию революционной армии:

„Главное ядро Красной армии в настоящее время составляют мобилизованные...

Настроение мобилизованных в запасных частях определенно анти-большевистское. Солдаты уклоняются от несения караульной службы, чистки железно-дорожных путей и др. назначений, мотивируя свой отказ отсутствием продовольствия и обмундирования. Советские правители реагируют на это арестом виновных

---

[1]) В № от 21 февраля 1919 г. Цитирую по газ. „Вестник врем. правительства Северной области“ № 145.

и наложением на родителей их контрибуции, как на противников советской власти.

Дезертирство, вызванное, главным образом, голодом, носит массовый характер; перед рождеством в некоторых частях оставалось от $^1/_3$ до $^1/_2$ списочного состава. В последнее время советские власти принимают в отношении дезертиров суровые репрессивные меры вплоть до расстрела; с этой целью образована чрезвычайная комиссия по борьбе с дезертирством.

Занятий в ротах никаких не производится, солдаты целыми днями валяются на нарах или бродят толпами по городу. Дисциплина отсутствует; командный состав формирует части и заведует распределением войскового довольствия; говорить о повиновении ему солдат не приходится.

Ни о каком „спасении революции от приспешников капитала" здесь никто не думает, каждый погружен в свои личные расчеты и выгоды; только давление комиссаров и аресты немного поддерживают порядок в частях...

Вообще, среди мобилизованных чувствуется скрытое недовольство, которое не обнаруживается в форме открытого восстания только благодаря небывалому шпионажу. Рано или поздно взрыв произойдет; продовольственный кризис ускорит неизбежную развязку".

Недовольство среди мобилизованных, правда, тогда имело место: трудно было быть „довольным", когда приходилось драться без сапог, без обмундирования и продовольствия. На борьбу с этими недочетами местами уходила вся энергия командного состава и рядовых бойцов. Краски в этой заметке, конечно, сильно сгущены. Но и командный состав этих удивительных войсковых соединений Революции, почему-то ухитрявшихся одерживать победы над войсками противника, по мнению белых, оставлял желать очень многого. По словам газеты „Военные Ведомости" [1]), в красных частях:—

„командный состав набран, можно сказать, с бору и с сосенки. 4-м камским полком командует унтер-офицер Плешкин. Среди командиров полков много бывших полковых писарей.

[1]) № 35 от 4 января 1919 г.

Впрочем, за последнее время в связи с мобилизацией офицеров, заметно стремление передать командование в опытные руки. Так, среди захваченных на пермском направлении полков оказались части, имеющие командирами офицеров, от прапорщиков до полковников включительно.

Но ужасом веет от их показаний. Семьи их под надзором и отвечают за действия главы; фактически они заложники. Сами офицеры в постоянном подозрении, за каждым шагом их следят, в каждом распоряжении дается отчет политическому комиссару. И за всем тем, при малейшей ошибке, следует кровавая расправа".

Тем не менее, успехи Красной армии на восточном фронте продолжались. Ее упорство, настойчивость увеличивались с каждым днем; черты порядка выступали все яснее и яснее, а всем и всегда понятные принципы наглядного обучения заставляли белых наблюдателей более внимательно присматриваться к своему победоносному противнику.

„Силы противника, развернутые против армий западного [1]) фронта, определяются в 200—250 тысяч бойцов, снабженных многочисленной артиллерией. Руководство операциями Красной армией за последние месяцы, повидимому, от бывших самоучек-товарищей перешло в руки опытных специалистов, в числе коих называют имена, пользовавшиеся известностью в нашем прежнем генеральном штабе.

Независимо от такого улучшения в отношении руководства операциями, Красная армия, насчитывающая в своем составе не мало доброкачественных инородческих элементов, со времени летней кампании сделала немаловажные успехи в смысле упорядочения организации, поднятия дисциплины и снабжения удовлетворительным составом младших начальников из числа бывших офицеров, повидимому уже не отказывающихся в массе служить у большевиков" [2]).

[1]) Речь идет об армиях нашего **восточного** (колчаковского) фронта.

[2]) Анонимный „Отчет о командировке из добровольческой армии в Сибирь в 1918 г.". Составлен в феврале—марте 1919 г., представлен ген. Деникину в апреле того же года. См. т. IX—«Архива русской революции», стр. 282.

„Как армия, как боевая часть,— читали в № 11 от 2 июля обязательные подписчики „Бюллетеня Осведомительного Отдела Штаба Верховного Главнокомандующего",— Красная армия, конечно, существует. В ней есть новые красные внутренний, гарнизонный, дисциплинарный уставы (строевой пока старый). Красноармейцы в глаза бранят своего начальника площадной бранью, с бранью же исполняют его приказания. Комитеты расстреливают местных жителей, своих товарищей красноармейцев, потому что знают, что в противном случае они сами будут расстреляны. На дисциплину обращено серьезное внимание...

Командные должности в последнее время, по настоянию Троцкого, заняты исключительно русским офицерством. Во главе полка — командир полка — офицер, над которым контроль политического комиссара (рабочий коммунист, партийный работник), без соответствующего разрешения которого ни одно оперативное и административное распоряжение не может быть отдано.

Кроме политического комиссара, существуют в полках коммунистические ячейки, заведывающие культурно-просветительной работой и являющиеся своего рода полковым верховным трибуналом, в которых решаются только серьезные дела.

Литературой (беллетристической, газетной, агитационной) войска снабжены довольно хорошо. В Москве существуют специальные бюро агентов, отправляющихся ежедневно на фронты с вагонами литературы.

Хозяйственная часть не налажена. Обозы функционируют плохо. Громадный падеж лошадей (нет корма, болезни). Телефонной связи почти нет за отсутствием аппаратов, довольствие плохое. Обмундирования недостаточно. Гарнизоны ходят, кто в старом солдатском платье, кто в своем,— но перед отправкой на фронт по возможности стараются снабдить всех новым обмундированием.

Боевого снаряжения, патронов и снарядов в городах очень мало. Все на фронте. Смазочных средств совершенно нет. Винтовки, пулеметы, орудия в невозможном состоянии. Оружие старого запаса, нового не видно. Резервов в стране мало.

Настроение Красной армии угнетенное. Недовольство общей разрухой и гражданской войной растет.

Кое где открыто бунтуют, так было в Вятке, Туле, Смоленске и др. городах. Ленин очень удачно определил Красную армию: это — морковь, по краям красная, по середине белая. Дезертирство громадное. Борьба с ним – исключительно расстрелы, но на ряду с этим миллионы воззваний".

Наконец, внимание Красной армии сочла необходимым уделить и газета „Русская армия", передовиком в которой был уже знакомый нам генерал А. И. Андогский, писавший под псевдонимом А. И. Волховского. В № 164 от 2 августа 1.19 г. передовая газеты задается вопросом:

„Чем же держится Красная армия,—порою заставляя наши войска отходить?"

„Прежде всего своею численностью. И вот там, где красноармейцы сосредоточиваются в силах, превышающих наши войска раз в 6 · 8, понятно, они давят своей численностью. Там же, где число их не более как раз в 5 превышает нашу численность – наши войска отлично справляются с ними и бьют на голову...

Во-вторых, в Красной армии встречается порою хороший командный состав из партийных работников, а равно из немцев и австрийцев[1]), которые тепло устроились в Красной армии.

В-третьих, – среди красноармейцев введена жесточайшая палочная дисциплина, а расстрелы за малейшее неповиновение десятками и сотнями составляют обычное явление, обостряя лишь, в конечном итоге, ненависть мобилизованных к коммунистам (ядру), но сдерживая людей в Красной армии до первого удобного случая свергнуть иго большевиков. За последний месяц введено для красноармейцев наказание плетьми[1]).

В-четвертых, — темные элементы удерживаются в Красной армии потаканием низменным, разбойничьим инстинктам толпы со стороны советских руководителей. Широко практикуется подкуп, потворство грабежам и насилиям над мирным населением и буржуазией".

„Однако, на таких устоях — резонерствует газета — создать прочную армию, могущую долго поддерживать большевиков, нельзя.

---

[1]) Курсив подлинника.

Прежде всего, Красная армия, как видно из вышеизложенного, представляет организм, оторванный от народа, чуждый и враждебный народу...[1]) Рано или поздно элементы населения, удерживаемые террором в рядах Красной армии, разобьют сдерживающие их оковы.

Вот почему для советского правительства вскоре явится грозный вопрос — невозможность увеличивать далее численность Красной армии. Соотношение коммунистов и принудительно мобилизованных вскоре будет таково, что последние легко справятся с первыми и, сорвав ненавистные оковы, перейдут на сторону возрождающейся России.

Такая вооруженная сила долго существовать не может. Распадение ее начнется скоро, а с тем вместе— скоро пробьет и последний час владычества советской власти".

Дальше следует обычный припев „не преувеличивать нынешние временные местные военные успехи большевистских войск", которые в то время овладели районом Екатеринбурга и сражались под Челябинском.

Приведя эту передовицу, мы считаем излишним задерживать внимание читателя комментариями по поводу „палочной дисциплины", „наказания плетьми" „потакания разбойничьим инстинктам толпы" и пр. Все это—яркая иллюстрации свойственной белым изобретательности по части лжи и чудовищных нелепостей.

На этом мы пока расстанемся с восточным фронтом, чтобы бросить беглый взгляд на то, какое впечатление производила Красная армия на провинциалов гражданской войны — белых руководителей армии временного правительства северной области.

Линия соприкосновения красных частей с войсками архангельского правительства к январю 1919 г. после ряда боев, явившихся результатом неудачной для

---

[1]) Курсив мой. Нет, конечно, нужды доказывать, что здесь нет ни грамма правды... Превращение казармы в школу, а красноармейца в инструктора по приведению в жизнь приемов и методов с весеннего строительства среди своих односельчан уже дало конкретные результаты в виде, хотя бы, селькоровского движения. Кто, как не бывшие красноармейцы, бы и первые селькоры, положившие начало этому движению, все значение которого для дальнейшего успеха и торжества революции еще предстоит оценить?..

белых попытки похода на Москву, проходила от р. Оби до Онежского озера, при чем в руках белогвардейцев находился район р. Ухты и города Пинега и Повенец.

В течение всего 1919 г. верховное командование красных не имело возможности, да в конце концов и необходимости, заняться северным фронтом. Все операции на участке 6 армии носили глубоко пассивный характер. Наши части быстро ликвидировали попытку белых предпринять наступление в направлении Сердоболь-Лодейное поле, успешно отбрасывали белые части, не раз пытавшиеся прорваться на Волгу и Урал для соединения с тамошними белогвардейцами.

Утомленные продолжительным периодом затишья и стояньем на одном месте красные войска иногда сами предпринимали частичные активные действия, иллюстрацией коих может служить известный стремительный захват гор. Шенкурска, в панике оставленного белыми, не успевшими вывезти оттуда богатые запасы военного имущества.

Но в общем и целом операции носили пассивный характер, времени и досуга для изучения противника было достаточно. Тем не менее в белых газетах северной области того времени почти не встречается сведений о Красной армии, если не считать сообщений, представлявшихся отрыжкой международной пропаганды и обычно перепечатывавшихся белыми газетами из американского издания „Американский Часовой", предназначавшегося для солдат американского и английского дессантов. Так, в феврале месяце белые газеты в перепечатанном из № 9 „Американского Часового" „Военном обзоре за неделю" воспроизводили следующие строки [1]).

„По случайным сведениям, дошедшим до главного штаба, оказывается, что большевики направили против нас на р. Ваге китайские или маньчжурские отряды, которые до этого времени находились в резерве. Число желтых солдат в большевистских войсках довольно значительно.

Союзники тоже пользуются китайцами, но только в рабочих батальонах. Согласно сведениям из прибал-

---

[1]) „Вестник временного правительства северной области" № 35 от 15 февраля 1919 г.

тийского края, большевики послали их для расстрела пленных".

Лишь в № 145, от 4 июля 1919 г., того же „Вестника временного правительства Северной области" впервые появились „некоторые данные о Красной армии", характеризующие ее, как вооруженную силу организованного порядка, а не банды.

„Вооруженные силы совдепии состоят из 14 армий... Общая численность армий около 500 тысяч.

На фронте северной области действуют: у Ладожского и Онежского озер олонецкие отряды, далее на восток—6 армия под командой генерала генерального штаба Самойло (бывшего в Архангельске перед бегством большевиков начальником штаба у ген. Огородникова, в 18 дивизии) и отряды Мандельбаума. Армии, повидимому, подразделяются на дивизии (корпусов нет), дивизии на полки, составом около 500 человек. В армии входят пехота, артиллерия, конница и пр. рода войск.

Во всех воинских частях (армиях, дивизиях, полках, ротах и проч.) высшей властью является не командир, а совет, в который непременными членами входят комиссар и командир.

Комиссар руководит общим направлением деятельности части и на его обязанности лежит наблюдение за командным составом. Дисциплинарная власть принадлежит комиссару, а не командиру, почему воинская дисциплина отсутствует.

Красная армия комплектуется добровольцами-коммунистами и мобилизуемым населением. Главное ядро армии — это мобилизованные рабочие и крестьяне, которых большевики считают далеко не надежным элементом...

Занятий в частях почти не производится и солдаты большую часть времени бродят по городу.

Несмотря на такие отрицательные явления в деле организации и обучения войсковых частей, большевики террором достигают того, что их армия является не только боеспособной, но даже преимущественно прибегающей к активным действиям. Тактические приемы у нее вполне правильные и современные. Для достижения намеченной цели употребляются все рода войск, согласно современным требованиям.

В боях Красная армия проявляет очень большую настойчивость. Атака, в случае ее неудачи, немедленно и многократно повторяется. Нередко упорные наступательные бои Красной армии продолжаются без перерыва несколько дней, и красные не только принимают штыковой бой, но и сами бросаются в штыки. В оборонительных боях они оказывают упорное сопротивление.

Вышеприведенные данные указывают, что под давлением сзади поставленных пулеметов и прочего террора, применяемого к личному составу воинских частей и к их семействам, Красная армия представляет весьма серьезного неприятеля, который требует с нашей стороны не только огромного напряжения сил, но и в высшей мере вдумчивого и внимательного отношения при проведении боевых операций. Пренебрежение этим, как это всегда бывает на войне, неминуемо повлечет за собой весьма печальные результаты [1]). (Арбюро)".

Небезынтересно привести здесь сообщения, относившиеся к этому, примерно, времени и распространявшиеся за рубежом.

„Познанские газеты, со слов офицера русской службы, поляка, насильно мобилизованного большевиками к службе и находившегося более 8 месяцев в числе офицеров главного красного штаба, передают [2]) подробности организации Красной армии, откуда офицеру-поляку удалось благополучно бежать и добраться до Варшавы.

Вся организация армии держится на основе самой строгой дисциплины, и за самые незначительные проступки, вроде самовольной отлучки, существует одно наказание: расстрел.

Во время строя всякий начальник, форма одежды которого не разнится от формы рядового, обязан носить красный бант на рукаве. Во время службы офицер не имеет права разрешить подчиненному отнять руку от козырька. Старым уставом это разрешалось, но Троцкий, введя отдание чести, запретил.

Вне службы всякое чинопочитание отменено, и начальник не вправе носить никаких отличительных зна-

---

[1]) Курсив подлинника.

[2]) Цитирую по „В-ку врем. п-ва Сев. обл.", № 169, от 3 августа.

ков своего положения. Характерно, что восстановлен институт денщиков, при чем право пользования денщиками расширено с прежним уставом.

Строгая дисциплина, следует оговориться, соблюдается только лишь в центрах: вне их часто происходят волнения, бунты и неподчинение власти. Сообщение газет о бунте 5 полков, посланных на уральское направление и отказавшихся выступить на фронт, — совершенно справедливо.

В числе убитых во время бунта комиссаров находился личный секретарь Троцкого—Линдов. Троцкий лично приезжал расследовать дело о бунте, и по его приказу в мятежной роте, поднявшей восстание, было расстреляно более половины состава...

Так проводится система власти в армии. Продовольственное положение армии относительно хорошее. Форма Красной армии — однообразные хаки с черным воротником и красной нашивкой... Обязательная воинская повинность фактически введена лишь с 22 марта. Срок обучения — шестинедельный.

Численность состава Красной армии безусловно преувеличивается заграничной печатью. Вооружения хватает далеко не для всех, ибо оружейные заводы проявляют минимум деятельности, несмотря на введенную в них систему наград за повышение продуктивности (Арбюро)".

И в этих сообщениях то же непонимание белыми Красной армии и причин ее наступательного порыва и дисциплинированности. Лишь изредка появлялись у них намеки на некоторое понимание.

„Для гражданской войны нужна какая-то особая, железная сверхдисциплина. Это хорошо поняли большевики. Но они поняли ее своеобразно и решили, что одной дисциплины мало, что нужна внутренняя спайка, цемент, который не позволял бы разваливаться зданию от первого же ничтожного дождя,—они этим цементом, вкрапленным в мельчайшие воинские единицы, поставили ком'ячейки. Благодаря последним, они держали в своих руках солдатскую массу. Но держали ее не только наружной спайкой, но и внутренней" [1].

---

[1]) Д-р Борис Соколов. „Падение Северной области". „Архив русской революции", т. IX.

Партийная организация Красной армии не могла не заинтересовать и не броситься в глаза белым наблюдателям, хотя бы потому, что внешние проявления, так сказать, результаты существования и жизнедеятельности таковой были для них всегда слишком чувствительны и болезненны. Но внутренняя сущность ее, основы этой „внутренней спайки" оставались для них глубоко чуждыми и до конца существования белого движения ими не понятыми.

До какой чудовищной степени извращенности в своих представлениях они доходили — показывает следующая выдержка:

„Нами [1]) получены некоторые сведения об организации полковых и ротных коллективов в Красной армии.

Принявшее огромные размеры дезертирство из Красной армии заставило Советскую власть предпринять исключительные меры борьбы с угрожающим ее существованию злом: стоявшие часто в оппозиции к власти ротные и полковые комитеты были упразднены, в частях установлены суровая военная дисциплина, действие дисциплинарного устава, единоличное командование, поднят престиж командного состава, образованы исключительные суды с неограниченной юрисдикцией, вплоть до применения смертной казни за воинские преступления и т. д.

Особые надежды Советской властью возлагаются на так называемые ротные или полковые „коллективы",— не так давно созданные своеобразные органы для наблюдения за состоянием умов в воинских частях и для провед ния и укрепления на местах „внутренней" политики центральной власти.

Деятельность этих коллективов к настоящему времени определилась весьма ярко...; сущность ее сводится к следующему: коллективы, вербуемые исключительно из коммунистов, состоят на особом положении в смысле служебных преимуществ и довольствия; составляют как бы касту, недоступную для непосвященных красноармейцев; вновь принимаемые члены коллектива подвергаются тщательной фильтрации.

---

[1]) „Вестник врем. пр-ва Сез. обл., № 167, от 1 августа, ст. „Демократическая" Красная армия".

Пользуясь почти неограниченной властью, коллективы развели сложную сеть шпионства в частях в целях уловления всякой оппозиции, подавляемой самыми суровыми и решительными мерами, до расстрелов включительно; в результате чисто животный страх перед коллективами и ненависть к ним, во вне выражаемые лишь переходом на нашу сторону при первой возможности или дезертирством на родину, так как других средств борьбы с новым злом и придумать невозможно,—красноармейцы, выслеживаемые членами коллективов, боятся друг друга, скрывая намерение дезертировать даже от ближайших друзей, ибо свободное появление (очевидно, выявление. *К. С.*) мысли и чувства задавлено в корне—„рты закрыты".

„Перебежчики и пленные, рассказывая подробно и охотно о деятельности коллективов, вместе с тем не могут дать никаких показаний о внутреннем их устройстве и статуте, так как зто дело держится в строжайшей тайне".

Весьма любопытно и пикантно это обвинение „коллективов" в „разведении сложной сети шпионства" за... дезертирами. Чудаки эти белые: ведь не было еще армии, в которой бы дезертир так или иначе, готовясь к бегству, „не скрывал своего намерения даже от ближайших друзей" и не испытывал вечного страха за дезертирство! Надо было бы выдумать что-нибудь более остроумное и удачное.

Описав далее на основании „захваченных в одном из боев" „совершенно секретных" документов коллектива Ижемско-Печорского советского стрелкового полка, „датированных маем и июнем текущего года", схему парторганизации в полку, архангельский отдел печати (А. О. П.) приходит в статье к следующим выводам.

„Из изложенного видно, насколько основательны упомянутые выше страх и ненависть мобилизованных красноармейцев к коллективам; последние, представляя в солдатской массе значительное меньшинство держат в своих руках свыше 1000 человек мобилизованных красноармейцев.

Таким образом, новая организация коллективов представляет для советской власти величайшую ее поддержку в армии и, повидимому, единственную и действительную мощную поддержку (А. О. П.)"

Выше, в начале главы, мы назвали девятнадцатый год годом тягчайших испытаний и для Красной армии и для пролетарской революции. при чем отметили, что начинался он, казалось благоприятно.

Действительно. боевое счастье сопутствовало в начале года красным знаменам не на одном только восточном фронте. Минуя северный фронт, как уже описанный, и переходя прямо к западному, можно сказать, что молодые революционные войска проявили себя в начале года в следующем.

Наступавшие на бывшем северном фронте (7 армия) красные части энергично продвигались к Валку и Ревелю, к которому в начале января они подошли на 30 верст. Один из болтливейших белых журналистов по этому поводу замечает [1]), что —

„Красные дивизии, подошедшие 5 января 1919 г. (т. е. через месяц после ухода германцев) к Ревелю на расстояние тридцати верст, были отброшены с большими потерями отрядами ревельских... гимназистов, которые наспех были организованы местными общественными группами от социал-демократов до народников (к.-д) включительно".

Но эти строки—не что иное, как беспардонная болтовня, так как напор красных частей был настолько стремителен, что эстонцы, не расчитывая с ними справиться единолично, обращались за помощью к финнам.

По крайней мере, ген. Родзянко, будущий командующий северо-западной армией, определенно свидетельствует [2]), что в это, примерно, время, кроме сосредоточенных на Карельском перешейке 48½ тысяч финнов, „на эстонском противобольшевистском фронте находились весьма успешно оперировавшие финские добровольческие отряды".

Несколько дальше Родзянко — в своих „Воспоминаниях" дает вполне ясную характеристику операций красных частей на эстонском фронте.

„В конце февраля месяца противник стал теснить эстонские части, занял линию железной дороги у станции Печоры. У Раппина обозначилось большое сосредоточение его сил, а вместе с тем по всей линии

---

[1]) Г. Кирдецов. „У ворот Петрограда" (1919 — 1920). стр. 19.
[2]) А. П. Родзянко. Воспоминания о северо-западной армии, стр. 17.

эстонского фронта большевики начали проявлять активные действия. Эстонские части на нашем правом фланге были очень неважные и при первом же натиске большевиков начали весьма поспешно отходить.

Большевики повели энергичное наступление довольно значительными силами от Нового Раппина и вдоль по линии железной дороги Псков—Валк и на Мариенбург, с очевидным намерением разрезать эстонскую дивизию на две части. Положение делалось серьезным, и прорыв эстонского фронта мог стать угрожающим для городов Юрьева и Верро[1]).

Таким образом, положение недавно создавшихся частей Красной армии можно было считать в это время на участке эстонского фронта достаточно прочным.

Действовавшая южнее эстонских красных частей — в районе Валк, Гайнаш, Рига, Виндава, Шавли, Двинск, — латвийская Красная армия занимает в январе Поневеж, Митаву и Ригу, в феврале Шавли, а в середине февраля — Виндаву. Красные части, следовательно, выходят непосредственно к Балтийскому морю, захватив один из важнейших портовых городов.

Еще южнее, в районе Ковно, Гродно, Брест-Литовска, Смоленска действовали части западной армии, стремившиеся под давлением превосходных сил противника к активной обороне, к захвату сильного естественного рубежа—р. Немана с крепостями Ковно и Гродно и рек Шары, Ясельды и Припяти; к середине февраля продвижение частей западной армии достигло наибольшего развития, завершившись захватом переправ на Немане в районе Ковно - Олита.

И, наконец, на южном фронте красные части встретили новый—1919—год на линии, совпадавшей с границами Донской области и остававшейся неизменной до перехода наших войск в общее наступление, начавшееся 4 января 1919 г. Результаты этого наступления определились уже 21 января, когда выяснилось, что воронежская группа донцов отступает, сломлено сопротивление на балашовском участке и нет успеха у белых в царицынском районе. А к половине февраля воронежской и царицынской групп противника — не существовало. На очередь ставилась ликвидация доброволь-

1) А. П. Родзянко, стр. 24.

цев на правом фланге южного фронта и захват Ростова и Новочеркасска.

Успехи наши на южном фронте оставались устойчивыми дольше, чем на других фронтах и продолжались до 16 мая. Мы овладели большей частью донецкого бассейна, вышли в тыл донецкой группе войск противника, прервали ее сообщения с Ростовом и подошли на 40 верст к этому городу.

С этой датой—16 мая — связано окончание успехов и начало периода длительных неудач революционного оружия, определившихся то раньше, то позже на всех, кроме северного, фронтах гражданской войны.

На восточном фронте адмирал Колчак сосредоточил значительные силы под Уфою и в начале марта перешел в энергичное наступление. В марте им была занята Уфа и к середине апреля красные войска откатываются на линию в среднем на 50 верст восточное Оренбурга, Самары, Симбирска и Казани. Волжская артерия вновь оказывалась под непосредственной угрозой сибирской контр-революции. Красное командование напрягало все усилия, чтобы вырвать инициативу из рук белогвардейцев и произвести благоприятный для нас перелом. Пополнения шли из центра, снимались с других фронтов, где только была малейшая для того возможность.

На западном фронте поляки внимательно следили за перипетиями гражданской войны и чутко учитывали обстановку. В марте они начинают сосредоточение на пинском, слонимском и лидском направлениях; на сарненском и коростельском направлениях их деятельно поддерживают петлюровцы, левый фланг—в ковенском и олитском направлениях—обеспечивают бело-литовские части. 15 апреля поляки по всему указанному фронту переходят в наступление и заставляют ничтожные по численности части Красной армии очистить 16 апреля Лиду и Барановичи, а через три дня боев 19 числа — Вильну. С прибытием в июне м-це из Франции дивизий Галлера, поляки возобновляют свое продвижение и, последовательно оттесняя красные части, занимают 5 июля—Молодечно, 10—Лунинец, 8 августа—Минск, 10—Слуцк, 28—район Бобруйска.

Уже упоминавшийся выше „Бюллетень осведомительного отдела штаба верховного главнокомандующего“ (в Омске) в статье „Близкий конец“ запечатлел авгу-

стовское положение Красной армии следующими строками [1]):

„Красная армия терпит поражения и от поляков и от эстонских войск и на севере у Архангельска, где соединенный отряд русско-английских войск разбил на Северной Двине 6 большевистских полков, взявши в плен 1000 человек и захвативши 12 орудий...

Красная армия расходует старого запаса патроны и, израсходовав их, должна будет сражаться камнями и палками, ибо новых патронов получить большевикам неоткуда.

Неизбежный, скорый конец большевиков не за горами“...

Острота положения усугублялась еще более чрезвычайно интенсивным наступлением войск ген. Деникина. Обстановка на южном фронте еще в мае круто изменилась не в нашу пользу. 19 мая добровольцы энергично атаковали правый фланг нашего расположения на южной окраине донецкого бассейна. В образовавшийся прорыв была брошена белая конница и уже через четыре дня линия фронта откатилась более чем на 100 верст к западу от прежней. 24 мая последовал второй прорыв у ст. Каменской, куда тоже была брошена конница. Нашим частям, занимавшим позиции по Н. Донцу, Дону и Манычу пришлось начать отступательный марш.

К 31 июня мы оставили Царицын, всю Донскую область, станцию Лиски, Харьков, Екатеринослав. В конце августа петлюровцы заняли Киев. После небольшой передышки деникинская армия, отбив наши контр-удары, перешла „на московском направлении“ в новое наступление, и 21 сентября наши арьергарды оставили Курск, а 14 октября был отдан Орел.

По тылам Красной армии гуляла в это время донская конница, захватившая во время своего полуторамесячного рейда Козлов, Тамбов, Елец и Воронеж.

Белые торжествовали. Их уверенность в близком и неминуемом „конце большевиков“ не имела и тени сомнения. Наиболее хладнокровные, умудренные опытом и знаниями, наиболее подготовленные из них утра-

---

[1]) № 55 от 24 августа.

чивали чувство душевного равновесия. Вот небольшой, но яркий тому пример.

„Большевики [1]) бьют смертельную тревогу.

Действительно,—успехи генерала Деникина лишают их всяких дальнейших жизненных перспектив. Вспомним, какие колоссальные усилия были затрачены большевиками истекшей весной для того, чтобы разгромить войска генерала Деникина и, овладев Доном, Сев. Кавказом и Украиной, выкачивать оттуда хлеб, уголь, нефть. Все мечты, все чаяния большевиков рухнули. Их не допустили до Северного Кавказа (нефть, хлеб); их выгнали с Дона и Украины.

Что же касается угля, то с утратой донецкого бассейна положение Советской России действительно безвыходное и ужасающее, так как оставшийся в распоряжении большевиков московский каменноугольный район не дает ныне почти никакой добычи.

Итак, в перспективе на грядущую зиму у большевиков: полная остановка фабрично-заводской деятельности и полная остановка железно-дорожного транспорта [2]), а следовательно миллионы голодающих безработных и полный паралич производительной жизни страны и товарообмена.

Если к этому добавить — неотступно продолжающееся на всех фронтах наступление освободительных войск... то становится ясно, что часы жизни советской власти в России сочтены“ [3]):

Спустя немного времени тот же автор и в той же газете [4]), оценивая ход военных событий на всем огромном общем фронте борьбы с большевиками, пришел „к следующим выводам“.

„Большевики безусловно проиграли борьбу на своих—западном, юго-западном и южном фронтах.

На западном фронте красные советские войска беспрерывно отступают под напором польских войск...

На юго-западном большевистском фронте войска Петлюры заканчивают ликвидацию красных войск, отрезанных в районе между Днепром и Днестром

---

[1]) Газета „Наша армия“ № 4 от 29 сентября.
[2]) Курсив подлинника.
[3]) Курсив наш.
[4]) „Наша армия“ № 13 от 9 октября.

и стремившихся прорваться на север через район Казатина и Житомира на соединение с большевистскими войсками, отходившими от Киева...

На южном фронте продолжающееся победоносное наступление войск генерала Деникина... ставит большевиков в катастрофическое положение на громадном участке от Коростеня до Балашова.

Таким образом, совокупными усилиями поляков и войск ген. Деникина, в связи с обнаружившимися успехами войск ген. Миллера и Юденича, — б о л ь ш е в и к и, к а к б ы в ы ж и м а ю т с я и з ц е н т р а л ь н о й (Е в р о п е й с к о й) Р о с с и и в с т о р о н у в о с т о к а[1]).

Истекший боевой летний период дал большевикам первоначально возможность отодвинуть наш сибирский фронт до р. Ишима и прорваться в Туркестан. Для большевиков как будто стала вырисовываться перспектива, потеряв часть Европейской России, восполнить эту потерю захватом части сибирской территории и Туркестана.

Думается, что за удержание такого положения с п е р е м е щ е н и е м с о в е т с к о й т е р р и т о р и и б о л е е к в о с т о к у [1]) — большевики и будут теперь бороться изо всех сил.

Думается, что, если им придется потерять Петроград и Москву, они переместят свой центр восточнее. Были сведения, что совет народных комиссаров со всеми своими чрезвычайками и преторианцами — латышами и китайцами уже эвакуируется из Москвы в Казань".

Кто-же автор столь удачных оперативных предсказаний и пророчеств? Кому принадлежат эти во всех отношениях замечательные стратегические вензеля?.. На нем стоит остановиться.

Даже не обладая особым человеколюбием,—нельзя все же по человечеству не пожалеть А. И. Волховского-Андогского—авторитетнейшего передовика руководящей военной газеты сибирской контр-революции. Не потому, конечно, и не за то, что ген. Андогский, находясь среди красных, был искусным предателем и играл изменническую роль ген. Дюмурье, и не за то, что, перейдя к белым, он проявил себя откровенным

---

[1]) Курсив подлинника.

врагом пролетарской революции и Советской России. Причины и поводы для сожаления кроются совсем в другом.

Профессор и начальник николаевской академии генерального штаба, ген. А. И. Андогский среди офицеров генерального штаба пользовался давнишней и заслуженной известностью, как стратег-теоретик по преимуществу. Его капитальнейший труд — „Встречный бой"— стратегическо-тактическое исследование способов и приемов ведения встречного боя с учетом указаний боевого опыта империалисткой войны 1914—1918 г.г. писался автором полтора десятка лет и по справедливости считается классическим.

И тем не менее стратегические прогнозы ген. Андогского для гражданской войны оказались неприемлемыми: его „стратегия" оказалась вне гражданской войны...

Это обстоятельство, кстати сказать, в числе многих других является наглядным показателем внутренней необходимости и законности того кризиса, в каком ныне, после империалистской и гражданской войны, находится стратегия.

Однако, тогда ген. Андогский не был одинок в своих предсказаниях.

Царицынские, например, осважники — (работники освага — осведомительно-агитационного отдела добровольческой армии. *К. С.*) вполне разделяли его точку зрения о том, что „Красная армия доживает свои последние дни". При этом они даже не настаивали на своем приоритете, а скромно уступали честь этого открытия эс-эрам:

„Красная армия... [1]) ничего не имеет общего с той армией или вооруженным народом, о которой с пеной у рта говорили глашатаи революции...

Социалисты-революционеры, пытаясь отстоять принцип революционной армии по своей программе, жестоко раскритиковали на своем четвертом съезде Красную армию по проекту Троцкого, т.-е. ту армию, которая доживает теперь, надо полагать, свои последние дни вместе с советской властью.

Эс-эры говорили:

---

[1]) „Голос Руси" № 29 от 29 сентября 1919 г. Ст. „Крах революционной армии".

„Армия, создаваемая военными комиссариатами во главе с бездарными генералами, на подобие шовинистической, но с комиссаровской надстройкой, не будет в состоянии разрешить поставленной ей задачи уничтожения и разложения сил противника.

Мобилизация ряда лет вливает в армию и вооружает чуждые и вредные элементы, влияние которых на политическое сознание масс и настроение мобилизованных не поддается даже учету при полном отсутствии каких-либо выборных органов.

Такое явление создает чрезвычайно опасное для советов положение".

„Социалисты-революционеры предвидели крах армии Троцкого, потому что его нельзя было не предвидеть мало-мальским вдумчивому и наблюдательному человеку..."

И дальше.

„Красная армия мало, особенно вначале, отличалась от Красной гвардии. Бандитизм и в ней свил прочное гнездо.

Красноармейцы также, как и красногвардейцы, грабили и убивали, кого хотели, особенно в полосе военных действий.

Командиры в Красной армии, большею частью из солдат и матросов, являлись попросту разбойничьими атаманами, но с большим самомнением о своей революционности.

Орудовали они без всяких планов и руководства за свой страх и риск.

Троцкий снова начинает чистку и реформы в этой армии...

Армия наружно была создана, действительно, хоть куда, великолепно снабжена технически, но червь развала не только не умер в ней, а продолжал свою разрушительную работу"...

И тем не менее вывод автора.

„Красная армия накануне своего полного рассеяния и сражаются теперь только те, кому нет другого выхода, как только победа или смерть".

Картина „боевой работы" Красной армии в 1919 г., или ее „агонии", „доживания ею последних дней", как уверяли белые листки, была бы не полна, если бы мы оставили в тени северо-западную дугу того пятачка, на котором сдавленная с всех сторон геройски боролась

Красная армия, используя все преимущества действий по внутренним операционным линиям. Мы говорим об обороне Петрограда.

Упомянутое выше наступление поляков, начавшееся 15 апреля на западном фронте, было энергично поддержано незадолго до того образовавшейся „северо-западной армией". Прорыв частями этой армии 14 мая нашего фронта на участке Нарва—Гдов повлек за собою откат красного фронта на 45 верст западнее линии Ораниенбаум—Гатчина—Луга. 25 мая мы сдали Псков. На этой линии первая попытка белых захватить Питер была остановлена.

Лето и начало осени северо-западная армия употребила на организацию и упорядочение тыла, а в начале октября ее части перешли в новое, второе наступление, получив задачу взять Петроград. 11 октября они овладели Ямбургом, 13—Лугой, 17—Гатчиной, 20 октября—Детским Селом и Павловском.

Авангарды белых были уже у Пулковских высот, продвижение на Колпино или к Тосно грозило прервать октябрьскую (николаевскую) железную дорогу и предоставить Питер собственным силам. В самом Петрограде был создан белогвардейский заговор, образовано новое „правительство".

„Большевики—повествует Г. Кирдецов об этой операции [1])—в первые дни растерялись и бежали, их 7-ая армия в течение первой недели операции раздробилась, побросала оружие, обозы, снаряжение и без связи отступила на восток, а на ее плечах северо-западники ворвались в ближайшие к Петрограду пункты. Таким образом, Юденич уже на 10 день операции, т.-е. 20 октября был в Царском, а его разъезды. „видели" со стороны Лигова золоченый купол Исаакия.

Но тут обстановка круто изменилась: у большевиков сказалось их дьявольское уменье выходить из затруднительных положений путем напряженнейшей агитационной борьбы и энергичных военных действий... Троцкому относительно очень легко удалось, кроме быстрой переброски в петроградский район резервов из Москвы, Твери и финляндского и архангельского фронтов, сорганизо-

---

[1]) Г. Кирдецов.—„У ворот Петрограда" (1919—1920), стр. 351—353

вать еще в самом Петрограде сильные духом рабочие коммунистические отряды и бросить их в гущу борьбы.

По свидетельству штаба Юденича, эти-то отряды, а не красноармейские части, да еще матросские батальоны и курсанты дрались, как львы. Они „лезли на танки со штыками на перевес и, шеренгами падая от губительного огня стальных чудовищ, продолжали стойко защищать свои позиции".

Еще 16 октября на петроградский фронт спешно приехал Троцкий и растерянность красного штаба сменилась его кипучей энергией. За несколько часов до падения Гатчины он еще пытается здесь остановить наступление белых, но видя, что это невозможно, спешит выехать из города, чтобы наладить защиту Царского. Крупные резервы еще не подошли, но он быстро сосредоточивает всех петроградских курсантов, мобилизует все мужское население Петрограда, пулеметами гонит обратно на позицию все красноармейские части и своими энергичными мерами приводит в оборонительное состояние все подступы к Петрограду. Для более успешной борьбы с наступающими белыми, он стремится поскорее взять инициативу ударов в свои руки и 20 октября дает приказ об общем наступлении красных войск".

Операция белых, в успехе которой они так были уверены,—ведь одни „ревельские гимназисты" отбили несколько месяцев назад красные части, — потерпела крушение,—потерпела, по словам командующего северо-западной армией Родзянко[1]) потому, что железная дорога Москва—Петроград не была прервана. Результаты этого, по словам Родзянко, начали сказываться немедленно и в конце концов поставили северо-западную армию в „безвыходное положение":

„Троцкий, проявивший, надо ему отдать справедливость, колоссальную энергию, не теряя ни одной минуты, начал подвозить подкрепления, и численное неравенство наших сил стало возрастать с каждым днем".

И дальше:

„После неудачной попытки занять Царское Село, окончательно выяснилось, что инициатива ускользнула из наших рук.

---

[1]) А. П. Родзянко. „Воспоминания о северо-западной армии", стр. 113, 115 и 116.

Большевики эшелон за эшелоном подвозили свежие подкрепления с карельского, финляндского, латвийского и эстонского фронтов и высылали на фронт всех курсантов и коммунистов, находившихся в Петрограде, Твери и Москве; надо отдать справедливость, что войска этих двух категорий дрались отлично.

Тяжелые орудия большевиков с моря свободно громили наш левый фланг, так как английский флот не показывал признаков своего существования [1]). Красные броненосцы беспрепятственно обстреливали 12-дюймовыми снарядами наши позиции, но, к счастью, попадания были очень редки и серьезного вреда этот обстрел нам не принес.

При наступлении от Гатчины мы встретились с серьезными техническими средствами противника: его хорошие броневые поезда не боялись огня нашей легкой артиллерии, а большое количество бронированных автомобилей и орудий, поставленных на грузовики, сильно затрудняло наше продвижение. Неоднократно я лично выводил наши батареи на открытые позиции, и артиллеристы прямой наводкой пытались подбить бронепоезд, но ничего из этого не выходило.

---

[1]) Для данного момента это было, может быть, и верно, но вообще говоря, автор слишком строг к английскому флоту. Англичане имели тогда определенный план (но, конечно, только не помощи белогвардейцам) и один раз сделали попытку напасть на Кронштадт на гидропланных моторных лодках, обладавших скоростью в 40 узлов, т.-е. 70 верст в час. Они согласились пожертвовать и своими людьми и своими лодками ради этого плана, т.-е. для того, чтобы „уничтожить бригаду единственных в мире по своей однотипности и боевым качествам русских линейных кораблей, играя на войне с большевиками". Они заслуженно поплатились:

„18 августа 11 английских моторов ворвались в Кронштадтскую военную гавань.

Это был, действительно, лихой налет. 7 моторов было потоплено „Гавриилом", которым командовал замечательный моряк и артиллерист Севастьянов. Последний не мог видеть равнодушно, как атакуют минами дредноуты, не мог видеть их гибели. Очевидцы передавали, что его миноносец буквально танцовал среди 11 английских моторов и в короткое время потопил 7 из них. Остальные бежали:..

К чести русских матросов „Гавриила", хотя и большевиков, надо сказать, что к разбитому врагу они отнеслись милосердно, подобрав всех до одного".

Естественно, что после этого прискорбного случая доблестные английские моряки утратили вкус к новым попыткам.

А. Гефтер. Воспоминания курьера, „Архив русской революции", т. X, стр. 146.

Сильно развитая железно-дорожная сеть давала противнику возможность, в каком бы направлении мы ни повели наступление, противопоставить нам бронированный поезд, которого мы не имели. Левый наш фланг постоянно подвергался фланговым ударам противника, который беспрепятственно по железной дороге подвозил подкрепления к Петрограду и неоднократно пытался обойти или прорвать наш фланг, что ставило бы всю армию в безвыходное положение. Таким образом, наш блестящий полный порыва удар поневоле замер".

На этом мы заканчиваем характеристику Красной армии 1919 года по отзывам белых.

Боевая работа красной конницы в гражданской и советско-польской войне.

Весьма любопытны отзывы и характеристики белых писателей, как русских, так и иностранных, для различных родов войск Красной армии. Вопрос о том, чем же именно, какими своими качествами или каким оружием побеждала Красная армия своих противников на полях сражений, очень занимал последних, особенно в эпоху гражданской войны. Естественно, что коннице уделялось под этим углом зрения преимущественное внимание, как неоспоримому фактору боевых успехов Красной армии.

„Тот, кто хоть раз побывал в бою с красноармейцами,—пишет генерал А. К. Кельчевский,—не только в начальный, но и в последующий период борьбы, мог сразу же заметить, что у них не было настоящей, воспитанной, дисциплинированной и обученной пехоты“ [1]). Различные причины способствовали тому, „что пехотные части обеих сторон не отличались надлежащей стойкостью“.

Недостатки своих войск в тактическом отношении красное командование стремилось во время гражданской войны парализовать приемами стратегического значения, характеристику которых дает Дрейер, противопоставляя их стратегии белых [2]).

„Гоняясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть

---

[1]) А. К. Кельчевский. „Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской гражданской войне“, Константинополь. 1920. Стр. 6.

[2]) В. фон Дрейер. „Крестный путь во имя родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом“. 1918—1920 г.г.

сильными, оказались всюду слабыми... Между тем, в противоположность нам, большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточия сил и действий против живой силы врага".

И далее:

„Несмотря на расстройство транспорта и прочие затруднения, принцип сосредоточения сил проводился красным командованием полностью".

Выдержки, характеризующие эту сторону управления красного командования, можно без труда умножить. В несколько иных выражениях, но, примерно, то же говорит известный белый летчик-практик, Ткачев.

„Уже в 1919 г. белые и красные имели организованные армии и вели борьбу. Стойкость войск той и другой стороны была слаба, почему каждая из них стремилась вести непрерывные наступательные операции, что придавало гражданской войне вполне определенный характер маневренный". [1]).

Благодаря изменчивости боевого счастья, Екатеринодар к 1920 г. оказался в руках белых и в конце февраля и в начале марта по тем самым степям и станицам, где два года назад прошли добровольцы, шла Красная армия, безостановочно преследуя отступивших донцов, „не давая им ни отдыху, ни сроку" и прижимая их к Екатеринодару.

И другой наблюдатель из того же лагеря дает оценку белых маневренным операциям уже регулярных частей Красной армии:

„Искусно маневрируя, применяя все время обход и охват, воодушевленные успехом, большевики шли по Кубани триумфальным маршем, не давая своему противнику дня для передышки..." [2]).

Недостаточную стойкость пехоты и слабость своей стратегии белые стремились компенсировать широким, как известно, использованием технических средств борьбы. Но, по словам полк. Добрынина, долгий опыт

---

1) Ткачев. „Вопросы тактического применения авиации в гражданской войне" в „Военном Сборнике О-ва ревнителей военных знаний". Кн. I. Август — сентябрь 1921 г. Стр. 121. Белград. Королевство сербов, хорватов и словенцев.

2) Г. Н. Раковский. „В стане белых (от Орла до Новороссийска)" Стр. 164.

гражданской войны показал полную несостоятельность белого инженерного ведомства в полевой работе.

„Больше вреда, чем пользы, принесли также и броневые автомобили. В то время, как противник пользовался ими с большим уменьем, донские броневики, за ничтожным исключением, в самые нужные моменты всегда отказывались служить; не принесли пользы и танки... Мало того, в самые критические минуты, под Новочеркасском в декабре 1919 г., танки попали в руки противника“ [1]), взявшего их, кстати сказать, голыми руками.

Оставалось еще одно средство, которое и было широко использовано белыми,—конница. Однако, этот способ ведения войны не получил желательного для белых развития в добровольческой армии, зато в казачьих армиях, а особенно в донской, он стоял на должной высоте, и во второй половине 1919 г. в донской армии насчитывалось примерно 30.000 сабель, из числа которых 15 тысяч были сведены в отдельный конный корпус под командой ген. Мамонтова.

Начальником штаба Мамонтова, а впоследствии начальником штаба донской армии был ген. А. К. Кельчевский, выпустивший в Константинополе книжку [2]), специально посвященную характеристике действовавшей против белых красной конницы.

„Красные,—пишет Кельчевский,—испытав на себе могучие удары донской и кубанской конницы в летний период 1919 г., поняли значение конницы в гражданской войне и, взяв с нас пример, приняли целый ряд до жестокости решительных мер, чтобы образовать у себя конные массы“.

Эти „до жестокости решительные меры“ дали чрезвычайно быстро совершенно неожиданные, как теперь выясняется, результаты. Уже в конце 1919 г., а именно в декабре месяце, во время общего отступления белых за Дон, —

„как донские части, так и стоявшие во главе их начальники, быть может совершенно того не замечая, проявили полное нежелание встречаться с конницей противника в открытом бою. К счастью кавалерийские

---

[1]) Полк. Добрынин. Указ. соч., стр. 88.
[2]) А. К. Кельчевский. Указ. сочинение.

начальники противника (Буденный и Думенко) либо не учитывали этого и не использовали для дешевого успеха, либо сами недостаточно верили в свои силы“ [1]).

Эта аттестация красных кавалеристов расходится с той оценкой, которую дает им ген. Кельчевский. По его словам:

„Вахмистр Думенко и его ученик рядовой Буденный—два крупных самородка. Они не только поняли сущность и психологию конного боя, но они внесли некоторые и притом существенные поправки в приемы и способы ведения этого боя“.

У специалиста старой школы, прошедшего притом серьезный стаж на крупных кавалерийских должностях в гражданской войне, эти поправки вызывают нескрываемое изумление:

„Талантливый ученик Думенко,—рядовой Буденный пошел еще далее и дал незаурядные образцы ведения комбинированных боев конницы с пехотой...

Характеризуя того и другого с точки зрения ведения боя вообще, мы можем сказать, что Думенко—кавалерист чистой воды, Буденный не только кавалерист, но и талантливый начальник вообще“.

Анализируя далее элементы боевых операций красной кавалерии и останавливаясь на разведывательной деятельности конницы в подготовительный к бою период, Кельчевский признает, что Думенко и Буденный—„смелые исполнители тактических идей по ведению разведки передовыми эскадронами, они и сюда внесли свое новое“.

„Новизна эта заключалась в том, что, высылая на каждое направление на разведку по два и даже по три эскадрона, вместо одного, они придавали этим эскадронам значительное количество пулеметов на тачанках, чем, конечно, несравненно увеличивалась огневая мощь и активность разведывательных частей. Благодаря этому, они подходили к полю боя и вступали в бой всегда с открытыми, а не с закрытыми неизвестностью глазами“.

Весьма любопытно здесь отметить, что операции турецкой кавалерии в Анатолии во время греко-турецкой войны имели моменты, представляющие хорошую

---

[1]) Полк. Добрынин. Указ. соч., стр. 93.

иллюстрацию подавляющего морального действия неожиданных маневров тачанок и флангового и тылового огня, внезапно с них открываемого. Белым в то время везде мерещились большевики: по крайней мере они „поражение греков под Бруссой всецело объясняют применением именно этого способа действий казачьими большевистскими частями армии Кемаля-паши“ [1]).

Отличительной особенностью проникнутой волей к победе, высокими моральными качествами красной кавалерии являлось нежелание считаться со старыми шаблонами, проторенными путями разрешения оперативных задач, выпадавших на ее долю. И, переходя от анализа разведывательной деятельности конницы к описанию момента завязки боя, Кельчевский указывает (стр. 11) на своеобразные оригинальные особенности приемов красного командования, назначавшего в авангард силы от полка до бригады от дивизии.

„Авангард совместно с разведывательными эскадронами, которые на поле боя собирались к нему или же отходили в стороны для обеспечивания флангов, завязывал бой лавою или разомкнутым строем, искусно прикрывая своими действиями и действиями лихо маневрирующих пулеметов подход и развертывание для боя главных сил“.

Отличительные особенности кавалерийского боя, издавна установленные теоретиками его, заключаются в исключительной скоротечности схватки, безусловной желательности для нападающего обеспечить элемент внезапности и в чрезвычайной трудности, если не полной невозможности исправить во время боя случайные ошибки в развертывании конных масс и направлении удара.

И мы видим, что, по описанию Кельчевского, кавалерийские начальники красных, применяя отличающие их способы разведки и завязки боя, обеспечивали, с одной стороны, для себя всестороннее ознакомление с силами и направлением атаки противника, а с другой стороны,— для противника полную неизвестность в этом отношении до самого последнего момента, когда начиналась атака главных сил.

---

[1]) Н. Нечаев. „Некоторые особенности гражданской войны на юге России в 1918—1920 г.г.“ — в „Военном сборнике о-ва ревнит. воен. знаний“. Кн. I. 1921 г. Стр. 120.

„Главные силы, подходя к полю боя, перестраивались на широком фронте (курсив автора) в линию полковых взводных или двойных колонн и, сойдясь на дистацию действительного артиллерийского огня, выдвигали вперед на карьере могучую артиллерию с огромным числом ездящих пулеметов и с двумя-четырьмя автоброневиками, которые, выдвинувшись, своим огнем расстраивали главные части конницы противника.

В период действий артиллерии и пулеметов, как правило, головные полки конной дивизии или конной массы (в атаках участвовало иногда до 22 полков) на широких аллюрах развертывались вперед и вправо и влево от пути следования и безостановочно шли в атаку на передовые части противника".

Искусство управления войсками в бою всегда служило пробным камнем способностей военачальника и составляло удел немногих командиров. Кавалерия петровской армии за последние десятилетия не выдвинула ни одного кавалерийского начальника, таланты и способности которого в этом отношении могли бы остановить на себе внимание специалистов. Что касается кавалеристов Красной армии, то Кельчевский следующим образом характеризует их способности управлять войсками и ориентироваться в быстро меняющейся обстановке кавалерийского боя.

„Думенко, точно также, как и Буденный, никогда не боялись неудачи в атаке головных полков своей дивизии или конной массы. Наоборот... они всегда и часто с большим успехом пользовались этой неудачей.

Дав возможность успешно атаковавшим полкам противника увлечься преследованием своих расстроенных головных полков, они... наносили могучие удары, а нередко и окружали конницу противника своими, шедшими на уступе за флангами головных полков, лучшими и отборными полками"...

Автор отдает справедливость красным кавалеристам: их конные части были почти всегда в отличном порядке. Люди бодры и веселы, лошади сыты и хорошо убраны. Конский состав сильно изнашивался лишь в периоды длительных операций, в роде, например, операции Буденного на Воронеж, Касторную и далее на Валуйки и Купянск в октябре 1919 г. Но даже и в этих случаях

искусство и продуманность управления давали очень многое.

„Названные кавалерийские начальники, особенно Буденный, сумели искусно сочетать действия конницы с пехотой, пользуясь последней в известное время, как щитом для прикрытия поработавшей и заслужившей отдых конницы".

Это искусное сочетание выражалось в том, что пехота Буденного в период действий его конницы, спокойно совершая марш, подтягивалась к определенным пунктам.

„Здесь в зависимости от физической усталости людей и лошадей конницы, пехота или располагалась на отдых, прикрытая конницей, или же выдвигалась вперед и, заняв боевой фронт, служила щитом уводимой на отдых конницы. Эта последняя, после указанной боевой работы, располагалась на отдых позади пехоты, усилив, если нужно, пехоту конными частями от более свежих полков для ведения разведки".

Время и пространство, последнее в особенности, в гражданской войне, во время боевых операций, всегда имели важное значение. Выигрыш во времени иногда на несколько часов, а также неизменное проявление инициативы и творчества часто давали обладавшему этими качествами начальнику возможность обеспечить себе успех, несмотря на все, казалось бы, неблагоприятные обстоятельства. И красное командование, по словам Кельчевского, великолепно учитывало оба элемента.

„Располагая свою конницу на отдых позади пехоты, Буденный, чтобы не терять времени и завоеванного пространства, продолжал дальнейшее наступление своей пехотой, нисколько не опасаясь, что она, как слабейший род войск, потерпит неудачу. Наоборот, он чрезвычайно искусно пользовался этой неудачей, чтобы обратить ее снова в победу. Здесь повторялся тот же маневр, что и в бою конными массами".

Способность быстро ориентироваться в обстановке и опять-таки уменье распорядиться подчиненными частями позволяли военачальнику выходить из затруднения.

„Отступление разбитой и отходящей пехоты служило ему той приманкой, тем вентерем, который увлекал за

собой, — пишет Кельчевский, — наши конные и пешие части и которым он затем наносил удары во фланг, быстро и решительно выдвигая свою отдохнувшую конницу из-за флангов отходящей в беспорядке пехоты".

И, наконец, Кельчевский следующим образом характеризует приемы красных кавалеристов в преследовании разбитого противника.

„Если противник, потерпев неудачу, давал тыл, они жестоко преследовали его на десятки верст, сперва отборными по конскому составу полками с автоброневиками, а затем отдельными эскадронами и автоброневиками.

Преследование велось на один, нередко на два перехода (был случай преследования на 70 верст), не опасаясь, что их части очутятся далеко в тылу превосходных сил противника. По окончании успешного боя, конница обычно шла на отдых в неглубокий тыл. Этот обычай у Думенки, а затем и у Буденного, был возведен в разумное правило".

Воспитанный на понятиях и традициях старой школы, учившей, что „история конницы есть история ее начальников", автор поставил в фокус своего исследования кавалерийских операций гражданской войны фигуры двух красных кавалеристов, не интересуясь ролью и значением севшего на коня пролетария. Он не уловил тех глубоких изменений в психологии рядовых красноармейцев, какие были вызваны революцией и в свою очередь обусловили собою и исключительные волевые импульсы и общий дух инициативы и решимости, явившиеся той канвой, на которой уже были вышиты узоры, возбудившие внимание ген. Кельчевского.

Исследованию кавалерийских операций советско-польской войны 1920 г. уделяет внимание не мало авторов-поляков. Лучшим, пожалуй, исследованием является статья подполковника Клебер, печатавшаяся в 1923 г. во французском журнале „Revue de Cavalerie". Во многих отношениях она очень удачно дополняет вышеприведенный анализ ген. Кельчевского, в других дает попутную и параллельную характеристику, и сопоставление отражений в двух, в конце-концов, одинаково враждеб-

ных для нас зеркалах позволяет нам с большей полнотой рассмотреть действительное изображение.

Подполк. Клебер начинает свою статью откровенным признанием.

„Гибельные последствия операций масс большевистской кавалерии в начале кампании 1920 г. слишком известны, чтобы их напоминать здесь.

Подавляющее превосходство большевистской конницы — которой поляки могли противопоставить лишь несколько бригад — имело непосредственным результатом приведение Польши в состояние материальной и моральной слабости.

В отчаянном порыве возбужденного национального чувства удалось противопоставить кавалерийскую массу массам Буденного и Гая. Но какой ценой!“ [1]).

Конная армия, пройдя походным порядком свыше тысячи километров, прибыла на польский фронт во второй половине мая 1920 г. Прибытие ее сейчас же сказалось на общем положении и настроении фронта.

„В то время, как в конце апреля и начале мая инициатива действий была в руках поляков, начиная с половины мая в районе, лежащем к северу от Припяти, начинают проявлять активность большевики“... [2]).

Спокойно, уверенная в себе и в своих силах, перенебрегающая, может быть, несколько неосторожно противником, подходила красная кавалерия к линии фронта:

„Буденный нисколько не скрывает ни своих передвижений, ни намерений; все его переговоры по радио— донесения в главную большевистскую квартиру, приказы подчиненным частям обыкновенно не зашифровываются; все его передвижения совершаются днем, без всяких предосторожностей в отношении воздушной разведки“ [2]).

Немедленно после своего прибытия конная армия начинает серьезную и длительную операцию. Подробнейшим образом описывает Клебер бои 26 мая—9 июня, закончившиеся прорывом красными кавалеристами польского фронта и захватом 9 июня Житомира. Из его статьи мы возьмем несколько наиболее характерных, резолютивных отрывков.

---

[1]) Lieut-col. Kleeberg. Quelques opérations de cavalerie sur le front oriental. Revue de Cavalerie: Mars—avril 1923, p. p. 232—233.

[2]) Kleeberg. Revue de Cavalerie. Mai—juin, p. p. 353—354.

Так, описав троекратную атаку 31 мая 13 польской дивизии у Быстрика, Клебер говорит:

„Атака Быстрика, при сопоставлении ее с предшествующими атаками, позволяет нам составить себе уже довольно ясное представление о приемах боя, применявшихся в конной армии.

Это прежде всего — выбор слабого пункта в расположении противника (в Быстрике—одна рота для связи двух центров сопротивления), подготовка атаки разрушительным и деморализующим действием артиллерии и броне-автомобилей, подавление обороняющегося противника, уже и так надломленного в своей силе сопротивления, массой конницы, не обращая внимания на потери, затем непосредственное расширение прорыва действиями вдоль фронта, чтобы ввести в брешь главные силы конной армии и бросить их на тылы противника.

Броне-автомобили принимают деятельнейшее участие во всех этих операциях и в большой мере способствуют их успеху“ [1]).

А вот образчик атаки конной армии в описании Клебера:

Днем 31 числа положение польской 1 кавалерийской дивизии, вследствие перемен, происшедших на фронте, стало рискованным. Командующий армией приказывает дивизии отступать. Исполняя приказание, начальник дивизии в свою очередь отдает приказ об отступлении. И вот, лишь только первые партии поляков начали отступательное движение,—

„большевистский фронт, до того относительно спокойный, внезапно оживает. Изо всех лесов, деревень или складок местности показывается противник и в несколько минут весь горизонт, поскольку хватает глаз, наводняется кавалеристами, которые в огромном облаке пыли, предшествуемые броне-автомобилями, прикрытые огнем тачанок, артиллерии и конных стрелков, начинают надвигаться на поляков.

Превосходство противника (три кавалерийских дивизи против одной) позволит ему вскоре охватить 1 кав. дивизию с востока и запада, и польский солдат, следящий взглядом за облаком пыли, быстро продвигаю-

---

[1]) Kleeberg. Revue de Cavalerie. Mai—juin, p. p. 363—364.

щимся на флангах к северу, испытывает такое ощущение, как будто он сражается среди гигантского кольца, которое вскоре замкнется за его спиной"... [1]).

Более поэтическим языком, рисующим общую картину, зрительное воздействие и психологические переживания атакуемого бойца, — но здесь дается характеристика того, анализ чего дан выше Кельчевским — атака крупных масс красной кавалерии.

Останавливаясь на приемах боя, применявшихся на восточном фронте, Клебер считает излишним говорить о германской коннице, так как характер ее действий на востоке почти ничем не отличался от такового во Франции в 1914 г.

„В польско-большевистской войне — пишет он [2]), — именно образ действий красной кавалерии наложил известные, весьма замечательные черты на приемы кавалерийского сражения.

Приемы Буденного основаны всецело на тактике слабых пунктов и состоят в очень продуманном сочетании огня и движения, чтобы сломить неприятельское сопротивление путем—частью прямого прорыва, частью просачивания в его линии и добиться охвата противника,—прием, представляющий неизменно конечную цель Буденного. Он принципиально избегает боя и, если можно, старается маневром вызвать отступление противника. Он завязывает сражение, развернувшись на широком фронте, эшелонированном в глубину; некоторые боевые группы имеют задачей нащупать фронт противника и определить его слабые пункты.

Каждой боевой группе предшествует „лава" [3]), а поддерживают ее „тачанки", но „лава" не является фазисом сражения, она предназначается скорее для того, чтобы разведать противника и вовлечь его в бой, заставить раскрыть его планы и намерения.

„Лава", исключительно гибкая и неуловимая, просачивается всюду; она утомляет, она волнует, но не атакует, она довольствуется вообще стрельбой с лошади. Если противник оказывает противодействие,

---

[1]) Ibidem, p. p. 366—367.

[2]) Kleeberg. Revue de Cavalerie. Novembre—décembre, p. p. 774—776.

[3]) „Лава—форма боя, характерная для русской кавалерии; сражающиеся в лаве сохраняют наибольшую свободу действий".

переходит сам в наступление, „лава“ немедленно отходит, а следующие за нею „тачанки“ вступают в действие, в то время, как главные силы, маневрируя сзади, стремятся, растягивая линию „лавы“, к окружению противника.

В самой атаке, там, где к ней вынуждают обстоятельства, мы видели Буденного на деле—с 28 мая по 5 июня 1920 г.; в этом случае, — выбор слабого пункта, ослепление его защитников огнем и то просачивание в конном строю с целью его окружения, то захват при непременном содействии броне-автомобилей.

В боях Буденного следует подчеркнуть важную роль, предоставляемую броне-автомобилям; последние оказывали Буденному значительные услуги. Благодаря хорошей погоде, эти машины могли проходить всюду, даже без дорог, и проникали внутрь польских линий, в упор атаковывая пулеметы, расстреливая лошадей и тем обрекая на неподвижность батареи.

Поляки сначала были бессильны против них, а затем прибегли к содействию артиллерии и не колебались дробить батареи на взводы и даже поорудийно для распределения их по колоннам и группам.

Наконец, любопытно отметить распространенность столкновений в конном строю в операциях польско-большевистской войны. Причины?—Может быть, меньшее, чем где-либо, могущество огня. Может быть, желание обоих противников оставаться на лошади до границ возможного. Фактом является то, что во всех кавалерийских операциях этой войны, за исключением нескольких случаев, число коих довольно ограничено, обе кавалерии предпочитали оставаться в седле и выполнять все передвижения почти исключительно в конном строю, что допускало возможность непосредственного и быстрого использования внезапности и достигнутого успеха.

Хотя бой в спешенном строю не был в чести ни в конной армии, ни у поляков, тем не менее расход боеприпасов был очень значительным, благодаря, главным образом, применению автоматического оружия и отчасти стрельбе с седла“.

Менее объективный, более пристрастный автор дает иную характеристику приемов боя конной армии,—

правда в период более поздний, чем описанный подполковником Клебер [1]).

„Основным в характеристике действий армии Буденного, в период с 1 июля по 6 августа (1920 г.), следует признать разброску сил на широком фронте и отсутствие определенной, строго стратегической решимости. В тактических действиях командования конной армии надо признать большую гибкость и быстроту решений".

Более строго отзывается он и о конных атаках:

„Настойчивость, с которой казаки Буденного беспрерывно атаковали нашу пехоту в конном строю, неся при этом значительно большие потери, чем если бы они это делали в пешем строю, была большой ошибкой конной армии. Нельзя отказать казакам Буденного в большой смелости, но одной смелости недостаточно для боя с современно вооруженным противником".

Конечно — „недостаточно". Кто станет с этим спорить? Но польский автор не хочет заметить и ни звуком не обмолвился о том, каков должен был быть дух войск, раз их можно было поднять в конную атаку на нерасстроенную пехоту.

„Нельзя закончить описания боев 31 мая, — пишет в другом месте Клебер, — не признав, что большевистская 6 кавалерийская дивизия проявила во время этих столкновений не только храбрость, которая делает ей честь, но и совершенно исключительное искусство маневрирования.

Все передвижения совершались с превосходным применением к местности, в блестящем порядке, а атаки на польские батареи и пулеметы велись с решимостью и хладнокровием, которые заслуживают быть отмеченными".

В аналогичных почти выражениях описывает эти столкновения другой польский автор:

„... Надо признать, что неприятель представлял (из себя) хорошо организованные части, маневрировавшие в прекрасном порядке и шедшие на пулеметный (даже)

---

[1]) Подполк. Ф. Артишевский. „Бои 18 пех. дивизии с конной армией Буденного". Варшава. 1923 г. Пер. В. И. Николаева.

огонь с необыкновенной дерзостью и хладнокровием, имея в руках лишь холодное оружие“ [1]).

Закончив описание операции 26 мая—9 июня, Клебер спрашивает:

„Каковы же результаты действий Буденного?

Прежде всего результаты чисто стратегического порядка,—последствие вторжения значительных неприятельских сил внутрь польского расположения: командование 3 армией, видя ее отрезанной и окруженной, видя разрушение системы своего тыла, отдает приказ об эвакуации Киева (9 июня) и отводит армию на линию р. Тетерев (12 июня).

Польское командование на Украине в корне дезорганизовано ударом на Житомир и не в состоянии управлять действиями своих армий, которые, выполняя отступление по расходящимся линиям, увеличивают широко открытый прорыв польского фронта. Тогда высшее польское командование оттягивает свои армиии на исходную линию атаки 25 апреля и старается заткнуть дыру между 3 и 6 армиями, используя для этого свои последние резервы; правда, ему это удается, но в этих соединениях ощущается недостаток севернее Припяти, где решается судьба первой части кампании 1920 г.

На-ряду с результатами стратегического порядка, Буденный сильно подорвал дух польских войск. Именно его прорыв является одной из главных причин, которые привели польскую армию к стенам Варшавы и Львова. Конечно, положение Буденного было не менее трудно, чем и положение польских войск, по крайней мере в начале. Он также был отрезан и не был в состоянии возобновлять свои средства, но он обладал моральным превосходством, которое компенсировало все неудобства его опасного положения.

Наконец, Буденный классически подготовил момент общего большевистского наступления на север от Припяти—не только отвлечением на себя всего того, чем располагал противник, но и полным принятием на себя инициативы в операциях.

---

1) Bellona, авг. 1921 г. Статья майора генерального штаба Куртюша — „Первая встреча 13 пех. дивизии с Буденным“. Пер. В. И. Николаева.

Если польское высшее командование почти два месяца было лишено возможности руководить отступлением своих войск, если только к половине августа, во время сражения под Варшавой, оно прочно накладывает руку на свои части и вносит порядок в их расстроенные ряды, то причину этого исключительно тяжелого, можно даже сказать, отчаянного положения следует искать в операции конной армии Буденного" [1]).

Еще, пожалуй, эффектнее обрисовывает влияние операций Буденного не на одну только польскую армию, а на всю польскую государственность тогдашний вождь польской армии Иосиф Пилсудский в своем труде „Двадцатый год". По его словам, наступательные операции конной армии „сильнее сказывались не на самом фронте, но за ним,—на тылах. Паника в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, вспыхивала одна за другой, иногда даже в высших штабах, распространяясь все дальше и дальше. Начинала разваливаться даже государственная работа; в ней можно было заметить какие-то неуверенные колеблющиеся перебои. Рядом с необоснованными обвинениями наступали минуты неопределенной тревоги с нервными потрясениями. Я наблюдал это постоянно вокруг себя. Это новое оружие борьбы, каким оказалась для наших, неподготовленных к этому войск конница Буденного, становилось какой-то легендарной непобедимой силой. И, можно сказать,—чем дальше от фронта, тем влияние этого неподдающегося пониманию давления было сильнее и непреодолимее.

Таким образом, начинал организовываться для меня наиболее опасный фронт—внутренний" [2]).

Не менее любопытны и другие выводы, к которым приходит Клебер, рассматривая операции Буденного в советско-польской войне. По его мнению, для того, чтобы получить действительный успех от крупных кавалерийских операций, необходимо иметь:

1) соединения, организованные еще в мирное время;

2) соединения, мощные, богато снабженные, обладающие максимальной независимостью в отношении коммуникации снабжения;

---

[1]) Kleeberg. Revue de Cav. Mai-Juin, p. p. 372—373

[2]) Пилсудский. „Двадцатый год" 1924. Гл. IV. Перев. с польского Б. В. Петрусевич.

3) необходимо искать решения действительными массами кавалерии.

Последний вывод Клебера целиком вытекает из его изучения буденновских операций.

Вот что он пишет [1]):

„Изучая, например, операции Буденного, мы найдем, что успехами он обязан, конечно, своей энергии, своей воле—действовать и преуспевать, своей специфической тактике, быстрым и очень продуманным сочетаниям движения и огня, а прежде всего,—своему численному, буквально подавляющему превосходству, благодаря которому частные неудачи, которые с ним довольно часто случаются, не влияют на общее положение и не могут приостановить его маневра.

Операции Буденного дают нам поразительный пример могущества кавалерии при массовом ее применении [2]). Они находятся в прямой противоположности с использованием этого рода войск отдельными, разобщенными бригадами или дивизиями кавалерии, которое так часто имело место в начале польско-большевистской войны, и было ни чем иным, как мотовством дорого стоющего и трудно заменимого рода войск".

В тесной связи с этими мыслями стоит вопрос о роли так называемых пехотных поддержек для кавалерии.

Он был выдвинут опытом гражданской войны 1918—1920 г. г. и до сего времени является мало разработанным и спорным. Останавливаясь на нем в заключительной части своей интересной и богатой выводами статьи, Клебер высказывается за необходимость придачи коннице пехотных поддержек. Тесная связь в действиях двух родов войск, последующее использование маневра кавалерии пехотой и углубление успеха пехоты конницей, которая его развивает, — обеспечит этому сотрудничеству быстроты с силой исключительно полезный и действительный результат.

„Чтобы подтвердить—пишет Клебер [3]) — необходимость пехотных поддержек для крупных кавалерийских

---

1) Kleeberg. Rev. de Cav. Novembre—decembre, p. 766.
2) Курсив подлинника.
3) Kleeberg. Ibidem, p. p. 763 — 764.

соединений, мы можем сослаться на германскую операцию на Молодечно, которая представляет убедительный пример.

Германская кавалерия оперирует без всякой связи с своей пехотой. Когда, в результате событий, германское командование обнаруживает достигнутые успехи, ему в то же самое время становится ясным угрожаемое положение своих кавалеристов, оно назначает две дивизии пехоты на поддержку, но, оказывается, слишком поздно. Не следовало давать событиям захватить себя врасплох, а надо было их предвидеть.

У Буденного всегда находятся в распоряжении две дивизии пехоты—24 и 44 пех. дивизии. Он употребляет их—то чтобы обеспечить коммуникации и поддержать две половинки двери, которую он себе открыл, то для крупных операций, как, например, прорыв польского фронта на Случе в июне 1920 г.".

Из кавалерийских операций, хронологически более поздних, заслуживает внимания характеристика действий конницы в бою под Волочиском, данная полковником генерального штаба Кукелем [1]). Мы приведем несколько строк, специально относящихся к красной кавалерии.

„Дивизионная кавалерия [2]) была смела и предприимчива, работала в тесном контакте со своей пехетой; стремилась действовать взаимно с нею даже в полевом бою; искала случая атаковать чуть поколебавшегося противника; действовала на его флангах и в тылу, стремясь вызвать смятение.

Армейская конница была представлена известной дивизией „Червонного казачества" — 8 кавалерийской дивизией, уже прославившейся своими набегами, проводимыми необыкновенно ловко. Нельзя ей отказать в смелости как в конных атаках, так и в пешем бою, хотя она ставила себе целью не столько боевую развязку сражения, сколько выход в тыл нашим сражающимся войскам; ее стихией являлся набег, „стратегическое" значение которого чрезмерно переоценивалось советскими командирами, в особенности в их последних успехах (Плоскиров), которым они совершенно ошибочно приписывают отход 6-й армии к Збручу."

---

[1]) Полк. М. Кукель. „Бой под Волочиском (11 — 24 июня 1920)" Варшава 1922 г., стр. 18. Пер. В. И. Николаева.

[2]) То, что мы называем войсковой конницей.

Тот же полк. Кукель посвятил рейдам червонного казачества специальную статью в Беллоне [1]). В ней он отмечает, что

„в горячем встречном бою, а в особенности в ряде встреч в дни 27 и 28 августа (1920 г.) советские войска (в особенности червонные казаки) понесли кровавое поражение, были отброшены и преследуемы. Об этом случае реляции Примакова не упоминают ничего, однако это послужило важным фактором для окончательной оценки набега на Стрый. Попросту говоря, действия 21—28 августа подтверждают с большей очевидностью, чем всякий анализ, что оперативная польза этого набега равняется нулю."

„Совершенно иначе оценивает свою работу Примаков, чему трудно удивляться! Он очень высокого о себе мнения; перечисляет свои успехи и их результаты; рассматривает свой набег, как стратегический пример для будущих революционных войн, ожидающих Россию".

„Далее автор, перечисляя все, яко бы, успехи этого набега, утверждает, что каждый из них для польской стороны не был поражением или не имел сколько-нибудь большого значения на развитие дальнейших действий и затем отмечает, что даже „редакционный комитет журнала „Красная армия" не соглашается с тов. Примаковым. Тов. Цифер высказывает удивление по поводу способа действий, применявшегося этой дивизией,—самостоятельного и не учитывающего необходимость подчинения; подчеркивает бесцельность ее (дивизии) действий" и т. д.

„Тактические успехи Примакова под Ходоровым, Миколаевым и на Стрые представляются великолепными. Однако, и в этих случаях он имел против себя солдата немногочисленного, необученного и плохо вооруженного, из этапных и запасных частей, и вовсе не поддержанного артиллерией".

А каким—следует спросить—матерьялом располагал сам Примаков? Так ли уж отличалась рейдирующая конница и по своей численности, и по обучению, и по вооружению от столкнувшихся с нею польских частей? Уже самый факт подчеркивания этих ее преимуществ

---

[1]) Полк. Кукель. „Рейды червонного казачества". Беллона. Октябрь 1922, стр. 21 и 22. Пер. В. И. Николаева.

говорит за то, что и результаты набега были не так уж плохи. Наконец, нет ничего удивительного в том, что красная кавалерия имела против себя этапные и тыловые части: явление это следует считать нормальным, ибо рейд и был как раз по тылам польского расположения.

В виде заключительного суждения о красной коннице и ее значении автор приводит мысли французского военного писателя, капитана Морель, который в статье „Les campagnes mongoles au XII siècle", напечатанный в „Revue Militaire Fransaise", —

„обращает внимание на бросающуюся в глаза аналогию между конными армиями Чингис-хана, их организацией, стратегией и тактическими приемами и недавними явлениями, когда новые конные армии, вышедшие с востока, очутились в сердце Польши, в 30 днях марша от Парижа, при чем скорость их движения равнялась скорости движения монголов.

Капитан Морель предостерегает Запад о тех неожиданностях, которые таит в себе Восток.

„Не будем полагаться целиком на нашу высокую технику и организацию. Все наше военное искусство вырабатывается в расчете на противника с одинаковыми с нами уставами, сражающегося и действующего однородными приемами. А если кто-либо придет и не признает наших правил игры? Если недозволенными приемами перемешает игру?"

Опасения известного французского писателя, в первую очередь, должны быть нашими опасениями. Очевидно, если нам придется вести войну с Советской Россией, с этим „Востоком", который, разрушив дело Петра Великого, применяет первобытные, варварские приемы в области военной организация и войны, то сразу же, в первые дни мобилизации противник бросит на нас массы конницы, неведанные нами еще в 1920 году, с целью прорыва нашего прикрытия и вторжения огромными рейдами в глубь страны с тем, чтобы обойти и прорвать нашу завесу, сделать невозможным сосредоточение и парализовать всю нашу военную систему".

Забегая несколько вперед, мы приведем, чтобы закончить эту главу, небольшую выдержку из Беллоны за 1922 г., дающую понятие о том, какое влияние ока-

зали, по мнению поляков, две последних войны, гражданская и советско-польская, на подготовку и теперешнее воспитание красной кавалерии.

„Кавалерийские части являются в большинстве случаев частями с определенно выработанной идеологией, спаянными внутри определенными боевыми традициями, возникшими во время гражданской и польско-русской войн. Трактуя эти традиции под большевистским углом зрения, следует признать, что они носят в себе характерные черты тщеславия прошлым.

За короткий период своего существования молодая большевистская конница обладает таким блестящим прошлым, каким было время ее неожиданного возникновения (эпоха набега Мамонтова на Москву!—*К. С.*) во второй половине 1919 года, период реализации, точного проведения в жизнь знаменитого клича „пролетарий на коня“).

Стихийно созданные массы большевистской конницы, будучи проявлением жизненных сил народа, сильные своим революционным духом, своим боевым задором, готовностью к самопожертвованию, предводимые молодыми командирами, полностью преданными коммунистической идеологии и проникнутыми духом самой смелой инициативы, совершили в течение последних двух лет много боевых подвигов, которые явились блестящим доказательством высокой ценности этой конницы.

Большевистская Россия, бедная в настоящее время запасами промышленности, небогатая капиталами, должна обладать таким родом войск, который уравновешивал бы ее шансы в отношении западных государств, богато снабженных боевыми техническими средствами. Этим уравновешивателем должна явиться ее „бронированная конница“, способная не только вести самостоятельный бой с неприятельской пехотой, но также противостоять и другим родам войск, развитие которых ясно обозначилось в последние годы; среди них в первом ряду стоит авиация.

По мнению большевистских военных кругов, дивизия „бронированной конницы“, имеющая свыше 96 ручных пулеметов и 96 станковых на тачанках, совершенно выравнивает данную задачу; она тем более будет способна вести успешный бой, что станет пользоваться не только своей маневренной подвижностью и лег-

костью, но в равной мере будет обладать, благодаря прошлым боевым успехам, сильным духом, дающим уверенность в победе.

Исходя из того положения, что в течение нескольких ближайших лет техника в русской армии не сможет удовлетворить требованиям войны, проводимой в европейском масштабе, большевистский генеральный штаб остановился на мысли создать могущественную конницу, могущую успешно сражаться.

Последовательность действий в этом направлении проследить легко. Обильное вооружение конницы автоматическим оружием, интенсивное обучение, развитие наступательного духа, умелая агитация на коммунистически-шовинистической основе—все это повышает боевую ценность советской конницы.

Внедрение в красных всадников убеждения, что будущая война будет иметь преимущественно маневренный характер, и соответствующее воспитание создадут из частей конницы единицы, способные действовать с полной, смелой инициативой и обладающие всеми качествами, необходимыми для маневренных боев.

Тем более, что, по мнению русского генерального штаба, Красная армия в будущей войне явится вообще „выразительницей духа самой большой активности, вытекающей их стихийного стремления пролетариата к свободе".

Следствием такой проблемы для красной конницы явится необходимость делать глубокие и продолжительные рейды, которые дезорганизовали бы тяжелые и сложные тылы неприятельской армии и были бы одновременно непрерывными конными боями. Эти набеги, будучи координированными с общим планом действий, явятся могущественным средством в руках русского командования" [1]).

---

[1]) Беллона. Сентябрь 1922 г., статья-хроника „Россия"—Фитовского. Пер. В. И. Николаева.

Политработа, как фактор боевых успехов Красной армии.

Весьма распространено мнение, будто гражданская война была борьбой не военной и даже не военно-политической, а скорее политическо-военной, и преимущественную роль в ней играла пропаганда и разложение белых армий и их тыла.

В известном смысле и до некоторой степени это можно признать справедливым. Во всяком случае на белых наша пропаганда, проводившаяся на основе выдержанного классового принципа, производила ошеломляющее действие и тогда, во время гражданской войны, и тем более теперь их наблюдатели откровенно признавались в своем полном бессилии бороться с разлагающим ядом классовой пропаганды.

С другой стороны, и внутренняя сила Красной армии и ее превосходство над армией противника в значительной степени достигались методами и приемами морального воздействия и политического воспитания, составлявшими отличительную особенность Красной армии.

Выше, в главе о девятнадцатом годе, мы приводили пример того, какое представление в начале имели белые о партийных организациях Красной армии. С течением времени наши враги присмотрелись и к ним и к новым формам и приемам морального воздействия на армию и могли уже давать характеристики, больше приближающиеся к оригиналу. Иллюстрацией может служить характеристика политического воспитания нашей армии, данная подполк. Фурнье [1]).

Автор проявляет большой интерес к этому вопросу, свидетельствующий, несомненно, о таковом же повышен-

---

[1]) „L'armée rouge bolchevique". Revue Milit. Française, № 14. Août. 1922.

ном интересе к нему со стороны широких кругов военно-образованных читателей Франции. Но, как и следовало ожидать, понимание и передача подполк. Фурнье чуждых ему по духу революционных методов сделаны все же так, что часто совершенно искажается сущность политического воспитания Красной армии.

„Коммунистическая партия—пишет Фурнье—ставит своей задачей внушить армии, чтобы подчинить ее и воодушевить в трудные минуты, веру, которой она не обладает"...

„Это достигается двумя путями: институтом военных комиссаров, поставленных на ступеньках военной иерархии до роты включительно, где политрук является настоящим комиссаром при командире роты, и организацией коммунистических ячеек в каждой части, имеющих негласное наблюдение за частью и ведущих внутреннюю пропаганду".

„Таким образом, в Красной армии налицо сосуществование военной иерархии и параллельной ей политической иерархии, индивидуальной и коллективной".

„Внизу, в составе роты, создается самопроизвольно под влиянием пропаганды комячейка (от 3 до 20 человек). Над ней доминируют собрания ротных ячеек и затем полковых, в которых обсуждаются вопросы, интересующие партию".

Роль комиссаров, по мнению Фурнье, сводится к наблюдению. Они следят, во-первых, за лойяльностью командира, при котором они состоят, во-вторых, за настроением части, т.-е. за деятельностью коллективных органов.

„Зависимость коллективных органов двоякая: с одной стороны, они зависят, по словам Фурнье, от комиссара части, который за ними наблюдает, с другой стороны, от коллективного органа степенью выше, который руководит их политической деятельностью".

Как же оценивал французский генеральный штаб, рупором которого в данном вопросе являлся подполк. Фурнье, политическую организацию Красной армии?

Эти строки представляют, конечно, для нас особый интерес, при чем следует иметь в виду, что представители французской армии менее всего, надо думать, расположены были писать комплименты коммунистам. Вот дословно мнение Фурнье:

„Политическая организация Красной армии дала доказательства своей целесообразности. Кроме особняком стоящего бунта в Кронштадте, нельзя указать ни одного военного возмущения, представлявшего действительную опасность, ни переворота, задуманного каким-либо генералом. Вначале беспорядочная деятельность комиссаров могла стеснять командование. Ныне комиссар не вмешивается в разработку оперативных приказов, но последние подлежат выполнению лишь в том случае, если на них есть виза комиссара.

Комиссарская рамка... способствовала восстановлению дисциплины. Без комиссаров не было возможности положить предел притязаниям солдатских советов и вернуть офицерам право командовать. В бою коммунисты увлекали массы; на их долю падает большая часть успехов Красной армии".

„Политическая организация гарантирует моральное, социальное и политическое воспитание Красной армии. Средством для этого служит организация митингов, концертов, кинематографические сеансы, плакаты.

В дивизиях существует газета: на первой странице фигурируют тезисы политотдела, на второй описывается интимная жизнь частей, жалобы, празднества, письма военных корреспондентов и т. д. Коммунисты втягивают солдата в политические, артистические, спортивные клубы.

Кадровая Красная армия составляет наилучшую почву для изобретательной и комбинированной пропаганды большевизма. И с этой специальной точки зрения постоянная армия несравненно выгоднее, чем милиция. „Отрывая крестьянина 19—20 лет от деревенской жизни— воспроизводит Фурнье слова Л. Д. Троцкого—чтобы привести его в соприкосновение с рабочим-коммунистом, мы ставим его в среду, наиболее благоприятную для коммунистического воздействия. Казармы должны сделаться для молодого поколения школой военного обучения и политического воспитания"...

Итак, „политическая организация" Красной армии дала доказательства своей целесообразности... В чем же они заключались?

Лучшим ответом на этот вопрос могло бы явиться рассмотрение наиболее крупных операций Красной армии в связи с характеристикой подготовительных мероприя-

тий политического характера, предшествовавших самым операциям. Такой очерк в будущем, несомненно, будет составлен.

Пока же, мы приведем свидетельства некоторых авторов „с того берега", упоминавших об интересующем нас вопросе. Вот что, например, находим мы у Добрынина.

„Зимний период 1918—1919 г.г. явился периодом наибольшего напряжения советской России на донском фронте в смысле численности войск, при чем на воронежском направлении советские власти обращают главное внимание на борьбу пропагандой [1])".

Пропаганда сыграла в этот период, по свидетельству Добрынина, совершенно исключительную, решающую роль. К январю 1919 г. —

„Зараза развала остального фронта докатилась в донские войска царицынского района и на всем фронте донская армия должна была отходить". „Казачество дрогнуло не столько перед силой противника, как перед его пропагандой" [2]).

Вина казачества, по мнению автора, заключалась в том, что оно поддалось советской пропаганде, вина же командования донской армией—в том, что оно не сумело организовать широкой пропаганды ни за границей, ни в тылу, ни у себя на фронте,

„что блестяще было оборудовано советской властью, сумевшей не только отуманить доверчивые казацкие головы, но и поколебать взгляды большинства мира" (стр. 68).

Пессимизм, появившийся в первой половине 1919 г., видимо, непрерывно возрастал, и белые стали копировать большевистские методы пропаганды в то время, как Красная армия продолжала проявлять „необычайную энергию, необычайную гибкость, ловкость и уменье в использовании всех средств и возможностей для скорейшей ликвидации вооруженных сил на юге" [3]).

Одним из таких „средств" пропаганды был плакат. В гражданской войне он сыграл громадную роль. Реализм

---

[1]) Генер. штаба полк. Добрынин. „Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 г. Март 1920 г." Стр. 63.

[2]) Там же, стр. 66.

[3]) Г. Н. Раковский. „В стане белых (от Орла до Новороссийска)". Стр. 19.

нашего плаката, строгая конкретность изображения, отсутствие тематической отвлеченности, дыхание гнева, не знающего жалости, которым был проникнут плакат— все это било по нервам белых наблюдателей и невольно наводило на сравнения:

„Отважные плакаты казались жалкими рядом с великолепными плакатами большевиков, а ведь в художественной части работали такие имена, как И. Билибин и Е. Лансере“,—

сокрушенно восклицает один из работников [1]) „освага“ (осведомительно - агитационного отдела добровольческой армии. *К. С.*).

Белые понимали, что агитация хороша и только тогда достигнет цели, когда она „дерзка и напориста“, когда „кажет юркую свою рожу из-за плеч оратора противника“, когда, наконец, агитатор представляется врагам таким опасным, что они гоняются за ним, „подобно тому, как Лафайет гонялся за Жан-Поль Маратом под сводами заштатных французских монастырей“.

Но... в действительности этого, увы, далеко не было: дерзость и напор были, но только не у белых:

„У большевиков за бронепоездом идет агитпоезд; у Деникина агитпоезд трухтел, жалобно и трусливо позванивая скрепами цепей, вслед за пассажирским“.

Белые все время сравнивали свой масштаб, свои приемы и методы пропаганды с приемами и методами, применявшимися у красных, и неизменно приходили в состояние тихой грусти—не на одном только южном фронте, не только в добровольческой армии.

„Обращаясь к вопросу—писал уже упоминавшийся нами, но по другому поводу, военно-полевой прокурор армии северной области, Добровольский [2])—об организации на фронте агитации и пропаганды с целью борьбы с большевистской агитацией и внедрения в солдатские массы разумных государственных идей, необходимо с грустью признать, что это дело было поставлено у большевиков гораздо лучше, чем у нас“... наши войска черпали „все сведения о текущих событиях из больше-

---

1) А. Дроздов. „Интеллигенция на Дону“. „Архив русской революции“, т. II, стр. 53.

2) С. Добровольский. „Борьба за возрождение России в сев. области“. „Архив русской революции“, т. III, стр. 77—78.

вистской литературы, в изобилии разбрасываемой неприятелем".

„Масштаб деятельности культурно-просветительного отделения нашего штаба—признает Добровольский—в области издания агитационной литературы носил скромный характер и не мог сравниться с тем широким размахом, который был присущ противнику, считавшему агитацию и пропаганду самыми верными орудиями своей борьбы.

„В то время как наши плакаты были скромных размеров и большей частью без рисунков, противник выпускал их грандиозных размеров, иллюстрируя свои лозунги великолепными рисунками. Чувствовалось, что мы еще не оценили всего влияния этого могучего средства борьбы на психологию народных масс, что мы не умеем спуститься до уровня понимания последних и судим по самим себе, брезгливо относясь к тому дешевому в наших глазах эффекту, который эти плакаты на нас производят.

Противник лучше нас знал и понимал, с кем имеет дело, и бил нас в этой области на каждом шагу, хотя казалось бы, что его безобразная деятельность давала куда больше материала для использования его в агитационных целях".

Осенью 1919 г. начался постепенный уход союзников (англичан) из Архангельска; окончательная эвакуация предполагалась в средних числах октября, но в ночь с 26 на 27 сентября 1919 г. они незаметно исчезли. Белогвардейцы очутились против своего, конечно, желания, „опять в России", „в русском городе Архангельске". Дела на других фронтах гражданской войны шли частью вполне определенно благоприятно для красных, частью не были точно известны населению северной области. Этому населению, численностью около 450 тысяч человек, т.-е. равнявшемуся, примерно, народонаселению Петербургской стороны старого Петербурга, надо было вступать, после ухода союзников, в единоборство со всей остальной Россией.

При этом белые должны были все время твердить о необходимости борьбы, в то время, как красные призывали к миру.

Обстановка для пропаганды и агитации складывалась для красных благоприятно, а как они ее использовали—

показывает следующая выдержка из той же статьи Добровольского [1]):

„Падение других фронтов было немедленно использовано большевиками в агитационных целях для разложения нашего фронта. Как из рога изобилия посыпались на нас прокламации с призывом немедленного прекращения борьбы. Нужно отдать справедливость, что составлены они были чрезвычайно искусно и несомненно должны были произвести сильное впечатление не только на солдатские массы и население, но даже и на офицеров. Так как наше правительство не давало повода для обвинения в контр-революционности, то политические вопросы в прокламациях большей частью совершенно обходились и центр тяжести был перенесен на доказательства безрассудности и бессмысленности нашего дальнейшего сопротивления всей остальной России.

„Неужели вы серьезно предполагаете продолжать борьбу с нами. Ведь мы можем Вас в любой момент сбросить с вашего пятачка пинком ноги в море"—твердили воззвания к населению и войскам, после чего рекомендовалось немедленно прекратить бессмысленную бойню, а если офицеры будут сопротивляться этому, то связать их и выдать. Однако, и последние не были обойдены вниманием, и к ним последовали специальные обращения за многочисленными подписями офицеров Красной армии".

В резолютивной части своей статьи, остановившись на неудовлетворительности белой агитации и пропаганды, Добровольский пишет [2]):

„Наши руководящие правительственные круги не дооценивали всего значения этого могучего средства борьбы в смысле его исключительного влияния на психологию масс. Между тем, у противника это дело было в руках ответственных коммунистических деятелей и насколько важное значение они придавали ему, видно из того, что в критические моменты они на фронт вместе с броневыми поездами двигали агитационные поезда имени Троцкого и Ленина. Достаточно припомнить последний фазис нашей борьбы на севере, чтобы онять, какого успеха они достигли в этой области".

---

[1]) С. Добровольский. Указ. статья, тот же том, стр. 112–113.
[2]) С. Добровольский. Указ. ст., стр. 144.

Для колчаковского фронта можно считать достаточно интересными замечания Фурнье в июльской книжке „Revue Militaire Française" за 1922 г.[1]).

Французский автор считает, что Красная армия родилась и сложилась в период гражданской и советско-польской войн. Особенности ее организации, комплектования, ее воспитания и применения были обусловлены обстоятельствами непосредственных войн. Поэтому он находит необходимым, прежде чем изучать современное положение Красной армии, сказать несколько слов о выполненных ею операциях, остановившись на наиболее характерных.

К числу таковых Фурнье, в первую голову, относит кампанию против Колчака, решением которой он считает атаку красными 27 апреля 1919 г. 11 дивизии западной армии (Колчака), занимавшей сектор между Самарой и Бугурусланом,—атаку, закончившуюся, по его словам, успешно, благодаря переходу на сторону красных полка Терещенко, находившегося во второй линии, сзади 11 дивизии, который перебил своих офицеров и открыл огонь по впереди стоящим войскам.

„Операция большевиков под Бугурусланом представляет атаку, удавшуюся благодаря измене подготовленной неприятельской частью в заранее избранном месте и в назначенный момент".

Подполк. Фурнье считает это исключительно результатом пропаганды и напоминает известное выражение Гюстава Лебона: „арсенал сил психологических содержит вооружение, которое, будучи хорошо использовано, может оказаться действительнее пушек".

Указав различные факторы, объясняющие такой „полный успех большевистской пропаганды", он резюмирует:

„Своей победой большевики обязаны, главным образом, искусству, с каким деятели пропаганды и агитации использовали эти обстоятельства".

Непреоборимое влияние идей пролетарской революции, коммунистической пропаганды, ее взрывающая сила покоряла своей власти не только крестьян и рабочих, мобилизованных вождями отечественной контрреволюции. Пропаганда политических организаций Красной армии говорила о назревшем, необходимом и не-

[1]) „L'armée rouge bolchevique" p. p. 76, 81.

отложном. Ее покоряющая сила сказывалась и по ту сторону так называемых национальных перегородок.

„Надо отдать справедливость большевикам, что пропаганда их в Эстонии была поставлена хорошо; большевистские тенденции и в рабочих и в армии не ослабевали и, само собою разумеется, большевистски настроенные элементы являлись злейшими нашими врагами. Зависимость наша от них была велика, так как тыл был в Эстонии" — свидетельствует командующий северо-западной армией, Родзянко [1]), имея в виду как раз момент октябрьских успехов этой „армии" под Петроградом.

Применявшаяся Красной армией система политических кампаний, предшествовавших и сопровождавших крупные военные операции, получила, в представлении наших противников, свое наиболее яркое выражение в „попытке" советского правительства „покончить с Польшей".

„Разбивши армии Колчака, Деникина и Юденича— пишет полк. Фори [2]) — советское правительство в конце 1919 г. решило покончить также и с Польшей. Об этом решении говорит официальное письмо Троцкого (опубликованное) в конце декабря.

Большевистское наступление началось энергичной и в равной мере искусной пропагандой коммунистических идей среди польского пролетариата, результатом которой явились весенние забастовки рабочих, а также националистической пропагандой среди населения Белоруссии и Подолии.

Советы не остались пассивными и по отношению к союзным государствам, где их старания дали определенные плоды: крайние элементы европейского пролетариата стали на сторону противника Польши, результатом чего явилось решение блокировать Польшу; начало блокады намечено было на июль, август. Союзные правительства, за исключением Франции и Америки, поверили в захватническую политику Польши и думали с беспокойством, каким способом можно было-бы придержать эти ее стремления. Может быть большевикам

---

[1]) А. П. Родзянко. „Воспоминания о северо-западной армии." Стр. 126.

[2]) Полк. Фори. „Сражение под Варшавой" Беллона. Август — 1921 г. Стр. 658. Пер. В. И. Николаева.

было подсказано дать Польше надлежащий урок. Щитом этой лукавой со стороны большевиков политики были сделанные ими мирные предложения Польше в январе и мае, т.-е. в месяцы усиленных военных приготовлений советов.

Начиная с января, советское правительство было занято исключительно разработкой плана весенней кампании; началась реорганизация армии, кадры ее были пополнены принудительным набором, обращено было внимание на поддержание упавшей дисциплины, приложены все старания к усилению средств сообщения для быстрой переброски войск, наконец, все вооруженные большевистские силы были направлены к польской границе".

В этом кратком очерке мы привели известные нам отзывы наших противников о роли, значении и результатах политической работы и военной пропаганды красных. Отзывы касались операций южного, восточного и северного фронтов гражданской войны, а также нашей борьбы с Польшей и с одним из бело-лимитрофов—Эстонией.

Имела ли наша политработа стратегическое значение?

Исчерпывающий ответ в этом отношении дает один из наиболее выдающихся военных писателей современной Франции, ген. Серриньи.

„Большевики оказались мастерами в искусстве комбинирования моральных воздействий и военных ударов. Их кампаниям в Сибири, в Польше и на Кавказе всегда в надлежащее время предшествовала параллельная кампания по деморализации неприятельской армии и населения. Достигнутые результаты были изумительны и заслуживают тщательного изучения" [1]).

[1]) Gén. Serrigny. „Reflexions sur l'art de la guerre", 2 éd. 1921 p. 150. Курсив автора.

Переход Красной армии на мирное положение.

Демобилизация.

В конце 1919 г. уже не оставалось никаких сомнений, что причинявшая столько бедствий и потерь русским рабочим и крестьянам гражданская война закончится их полной победой. События развернулись очень быстро.

Совершенно разложившаяся армия Колчака быстро таяла под ударами регулярных частей Красной армии с фронта и партизанских отрядов с тыла, и неудержимо катилась на восток. Южная группа белогвардейцев 12 декабря отдала нам Барнаул, 16—Кузнецк; на великом сибирском пути наше наступление было еще стремительнее: 22 декабря был взят гор. Томск, 7 января захвачен Красноярск и, наконец, 7 марта Красная армия вошла в Иркутск. Образовавшаяся тогда же в марте под давлением Антанты буферная верхне-удинская республика — создала народно-революционную армию, частями которой 21 октября 1920 г. была занята Чита.

На северном фронте наши войска 5 февраля 1920 г. перешли в энергичное наступление и через шестнадцать дней, 21 февраля авангарды красных уже вошли в Архангельск. Одновременно с наступлением на архангельском направлении, шло наступление на Онегу, и 26 февраля она была занята. В конце февраля началось продвижение наших частей к Мурманску, который и был нами занят 13 марта. Десять дней понадобилось затем на то, чтобы очистить Печенгу от остатков белых бойцов, перешедших здесь русско-норвежскую границу. На севере все было покончено.

На западном фронте—эстонское правительство согласилось заключить с нами перемирие, которое и было

подписано 31 декабря 1919 г. Разгром нами остатков северо-западной армии превратил это перемирие в мир, заключенный 2 февраля 1920 г. 30 января фактически прекратились военные действия на советско-латвийском фронте, а 16 апреля начались мирные переговоры с Латвией, закончившиеся заключением мира 11 августа. И, наконец, 12 июля был заключен мир с Литвой.

На советско-польском участке фронта военные действия, ограничившиеся в течение декабря 1919 года и января 1920 г. поисками более или менее крупных партий разведчиков, закончились внезапным переходом поляков в наступление, положившим начало формальному состоянию войны между Советской Россией и белой Польшей. Война эта прекратилась, можно сказать, 17 ноября, когда начались в Риге работы мирной конференции для заключения окончательного мирного договора.

Войска южного фронта, выйдя к Мариуполю и Таганрогу, разбили 6 января дотоле сплошной белый фронт на две группы войск—кавказскую и крымскую На кавказском фронте 31 декабря 1919 г. был взят Царицын и под ударами конницы Буденного 8 января пал Ростов. 17 марта в наших руках оказался Екатеринодар, а 27 марта—Новороссийск. Наконец, утром 28 апреля наши бронепоезда вошли в Баку. Последнее убежище отечественной контр-революции—Крымский полуостров был занят нами, 16 ноября, когда наши части вышли на южное побережье Крыма, заняв, как последний пункт, г. Керчь.

К декабрю 1920 г. обе революционных войны были закончены. Победы Красной армии вовлекли в орбиту организующего революционного влияния и строительства 8.457.650 кв. верст территории с 53.949.000 жителей. После шести с половиной лет непрерывной военной борьбы, после трех одна за другой следующих разорительнейших и опустошительнейших войн, страна восставших рабочих и крестьян и ее армия получили возможность „передышки“, демобилизации бойцов и некоторого, может быть, очень непродолжительного, отдыха.

1921-й год был годом демобилизации Красной армии.

Как же протекала в белогвардейском представлении демобилизация тех „банд“, для отрицательной характеристики которых они не жалели красок?

Имеющиеся в нашем распоряжении чрезвычайно интересные данные совершенно секретных сводок сведений о Красной армии начальника информационного отделения штаба главнокомандующего русской армией в Константинополе позволяют составить довольно ясную картину и осведомленности белых и их суждения об этом периоде развития Красной армии.

„Начавшаяся в декабре (1920 г.—*К. С.*)—читаем мы в докладе начальнику штаба главнокомандующего русской армией [1]) — демобилизация протекает очень медленно, так как советская власть не в силах в короткий срок перебросить и прокормить распускаемых по домам красноармейцев“...

Как известно, демобилизация различных возрастов армии проходила различно — согласно приказам революционного военного совета. Приказом РВС от 11 декабря были демобилизованы 1885 г. и старше и была намечена дальнейшая демобилизация до 1891 г. включительно. Красноармейцы, родившиеся в 1892, 1893, 1894 и 1895 г.г., были уволены в бессрочный отпуск приказом РВС от 17 апреля. И лишь в сентябре начался перевод родившихся в 1896 и 1897 г.г. в нестроевые части. „Медленность“ демобилизации вполне отвечала ее плану. Это констатируется и за рубежом.

„В общем, несмотря на всю болезненность процесса демобилизации советская власть с ней справилась. По совершенно точным документальным данным Красная армия, насчитывавшая к 1-му января по спискам— 5.017.774 едока, к 1 августа была сокращена до 1.627.985 едоков.

Следует, однако, отметить, что демобилизация вызвала известное расстройство в некоторых отраслях народного хозяйства, первым делом в транспорте, и имела чрезвычайно нежелательные для власти политические результаты, так как распускаемые по домам красноармейцы в значительной части обратились не к мирному труду, а усилили оппозиционные к большевикам элементы“.

В чем же выразилась эта „оппозиционность“ красноармейцев? А пояснить следовало бы, так как о про-

---

[1]) „Сводка сведений о Красной армии“, от 20 ноября 1921 г. № 155. Константинополь.

явлениях ее что-то не было слышно ни в 1921 году, ни в следующем. Правда, намек на эту „оппозиционность" дают последующие строки доклада:

„Благодаря отсутствию продовольствия (при чем тут продовольствие?..—*К. С.*), поезда с демобилизованными часто застревали на станциях по неделе и больше, О довольствии мобилизованных никто не заботился, благодаря чему эшелоны часто бунтовали. Красноармейцы сжигали внутреннее оборудование вагонов, сами вагоны, шпалы, разбирали вагоны с углем и дровами, продовольствием и т. д. Во многих случаях, не дождавшись отправки эшелона, демобилизованные расходились пешком, часто большими отрядами и по пути отводили душу на встречных коммунистах".

Возможно, что и были такие редкие случаи... Но демобилизация почти четырех миллионов бойцов гражданской войны в разоренной, голодной стране, с разбитым до отказа транспортом не могла обойтись без эксцессов. Следует удивляться тому, что их было так мало и носили они преимущественно характер хозяйственных недоразумений. В сводке краски, конечно, сгущены.

Справившись с демобилизацией, — читаем мы дальше, „военное ведомство, однако, оказалось бессильным довести части до полного штатного состава, как это им было предположено. Помимо демобилизации в этом отношении большую роль сыграли два явления отпуска и дезертирство".

Анализ дезертирства, данный докладом, заслуживает нашего особого внимания.

Доклад отчетливо вскрывает контр-революционный характер его и показывает, что в применении суровых мер по отношению к дезертирам красное командование оставалось все-таки слишком мягким.

„Начавшееся после первых призывов в 1919 г. дезертирство из Красной армии достигло в 1920 г. колоссальных размеров и превратилось в болезненное бытовое явление. Оно является активным протестом красноармейцев против власти, а зачастую и серьезным фактором, поддерживающим и питающим вооруженную борьбу с ней. Не имея организации, связи и достаточной смелости для открытых выступлений против власти в частях недовольные ею элементы под всевозможными

предлогами покидают армию и тем вносят серьезное разложение в ее ряды.

Жестокие кары, ставящие дезертиров вне закона, загоняют их из родных деревень и станиц в горы, леса, плавни и камыши, где они образуют резервуар, из которого постоянно пополняются повстанческие отряды и просто бандитские шайки; с западной границы бегут в Польшу, особенно часты побеги среди украинцев и казаков, уклоняющихся в массе от военной службы, а также в запасных пехотных частях; меньше распространено дезертирство среди великороссов.

Дезертирство развито не только в запасных и строевых частях Красной армии, но даже и в войсках всероссийской чрезвычайной комиссии и в интернациональных формированиях. В ряде батальонов в ч. к. (118, 121) дезертирство достигает 15% (официальные сов. секретные данные). В западном военном округе советское командование жалуется на усиленное дезертирство поляков и евреев из национальных частей".

Характеристика дезертирства, как „активного протеста против власти", является, разумеется весьма и весьма тенденциозной. Вернее было бы видеть в нем проявление крайней усталости после стольких лет напряженнейших усилий, естественную реакцию до последней степени переутомленного и надломленного тяготами войны коллективного организма армии. Но от этого вредоносность его отнюдь не уменьшалась.

Наше командование, конечно, прекрасно учитывало и чисто военный вред и социальный характер дезертирства. Были приняты все меры к его искоренению. Мероприятия имели продуманный характер, организующая мысль революции все время напряженно работала над тем, чтобы создать определенную, выдержанную систему, а не ограничиваться отдельными эпизодическими бросками. Белогвардейские сводки характеризуют эти меры в нарочито иронических тонах:

„По всей России образована сеть органов, имеющих специальное назначение—ловлю дезертиров под разными названиями, начиная от главного управления по борьбе с дезертирством в Москве, всеукраинской центральной комиссии и кончая губернскими и уездными „комдезами".

На Украине всех этих органов оказалось недостаточно для успешного выполнения поставленных им за-

дач, вследствие чего в каждой деревне были созданы „пятихатные“ и „десятихатные“, на которых была возложена обязанность по вылавливанию дезертиров под страхом строжайшей ответственности: каждый пятихатный или десятихатный, халатно относящийся к исполнению своих обязанностей, наказывается в большей мере, чем сам дезертир; он должен „зорко следить за появлением дезертира в районе его хат“, ежедневно обходить доверенные ему хаты, организовывать два раза в неделю облаву по всему селу и т. д....

Для предотвращения дезертирства при перевозке пополнений из запасных частей выработана инструкция, заключающая в себе 400 параграфов, дающая право начальнику эшелона „немедленно открывать ружейный и пулеметный огонь по солдатам“? (удивителен этот термин в инструкции для Красной армии. Кавычки невольно возбуждают сомнение. — *К. С.*), выпрыгивающим из вагонов“ и т. д. При этом начальник эшелона и комиссар предаются суду военного трибунала, в случае если число бежавших превышает 5%. Поезд, везущий пополнение, согласно инструкции, должен иметь пулеметы на паровозе и в вагонах охраны; на три вагона красноармейцев положено иметь четыре (?!) вагона охраны с таким расчетом, чтобы каждый вагон, везущий пополнение, находился между вагонами, вооруженными пулеметами, в которых едут охраняющие.

В общем, различными источниками количество бежавших из Красной армии определяется, примерно, в одну треть списочного состава.

По советским данным от начала года (1921-го. *К. С.*) дезертирская норма составляла в общем 19%. а для пехотных частей—22%. Другие сведения отрывочного характера дают понятие о стихийности этого процесса; так, например, по сообщению большевистской каменец-подольской „Укросты“ за два месяца (январь-февраль) в пределах Киевской губернии советскими агентами было выловлено 7.456 красноармейцев, принимавших, после дезертирования из рядов советских войск, участие в операциях повстанческих отрядов“.

„Помимо открытого дезертирства происходит и массовое косвенное уклонение от службы в строевых частях: большее число, как крестьян, так и лиц с известной коммунистической протекцией,

устраивается в различных организациях, в управлениях жел. дорог, на лесных и торфяных работах и т. д., где они числятся, как учетные призывные красноармейцы".

„Коммунистическую протекцию" надо понимать, конечно, совсем не так, как это изложено в последнем абзаце.

Выше мы упоминали о двух каналах мобилизации и пополнения рядов Красной армии. В особо острые критические моменты гражданской войны по большей части распоряжением центральных органов, а иногда и инициативой отдельных губернских или областных организаций со специальной работы снимались работники в порядке партийной или профсоюзной мобилизации и отправлялись на фронт.

Мобилизации эти были до последней степени опустошительны для учреждений и отраслей гражданской работы; жизнь и деятельность хозяйственных, главным образом, органов, о которых как раз и упоминает белогвардейская сводка, замирала зачастую совершенно. Вполне естественно, что с объявлением демобилизации, при первых признаках обозначившейся передышки оставшиеся на местах, на хозяйственной работе отдельные лица и ячейки стали стремиться влить снова жизнь в обескровленные предприятия, в органы управления и т. д. Руководствуясь интересами дела, соображениями вполне понятными, но, может быть, не всегда правильными, когда интересы своей колокольни заслоняли интересы общегосударственные, а тем более интересы армии, гражданские работники использовали всякую возможность, вплоть до „известной протекции", чтобы вернуть к себе в 1921 г. недавно оторванных бурею войны товарищей.

О дезертирстве в обычном смысле этого слова здесь, разумеется, говорить нельзя. Тем не менее на это явление своевременно было обращено должное внимание и, как это всем известно и у всех на памяти, специальными указаниями высших партийных органов и распоряжениями правительственных инстанций—отлив партийных и профессиональных работников из армии был должным образом урегулирован.

Реорганизация Красной армии.

Та же сводка стремится дать исчерпывающую, по возможности, характеристику проводившейся тогда ре-

организации Красной армии применительно к условиям жизни и потребностям наступившего мирного времени. Доклад прежде всего пытается очертить причины и цели „военных реформ".

„Во время последней войны с Польшей рельефно выступили все слабые стороны Красной армии: авантюристическая стратегия вождей, слабая тактическая подготовка командного состава, неорганизованность работы штабов, органов снабжения и распределения и крайнее нежелание со стороны красноармейцев сражаться с хорошо вооруженным и правильно организованным противником. Голод, спекуляция, воровство и взяточничество послужили к ослаблению Красной армии как морально, так и материально, и она едва ли может рассматриваться в качестве серьезного противника для какой-нибудь регулярной армии, если не будет произведено серьезной работы по ее реорганизации и укреплению. Этот факт сознается не только „военспецами", но и большинством коммунистов, ставших во главе управления вооруженными силами Республики.

Поэтому после окончания войны с Польшей, эвакуации Крыма русской армией и наступления мира, хотя и относительного на высшее командование Красной армии была возложена задача приступить немедленно к ее реорганизации в надежную силу, способную успешно бороться как с внешними, так и с внутренними врагами советской республики, устранив все дефекты „импровизации" периода гражданских войн".

Происходивший в феврале месяце 1921 г. X съезд российской коммунистической партии наметил основные пути внешней и внутренней политики Советской Республики после ее побед над контр-революцией. В числе других вопросов было подробнейшим образом рассмотрено и состояние Красной армии и флота, намечены пути и методы ее демобилизации и перевода на мирное положение, после чего военному ведомству были даны общие руководящие указания, дополненные и развитые последующими распоряжениями правительства.

Как известно, X съездом было признано необходимым сохранить постоянную армию, т. к. введение милиционной системы признавалось тогда еще несвоевременным; уменьшить по возможности численность армии путем роспуска старших возрастов; улучшить качество

армии за счет количества, направив все усилия к созданию армии, хорошо „обученной и политически подготовленной, с повышенным пролетарским и коммунистическим составом".

По словам доклада, „для осуществления указанных целей военным ведомством была выработана следующая программа":

Мероприятия по переводу армии на мирное положение заключались в—

„а) упрощении центрального аппарата управления армией;

б) введении новой армейской организации, согласно требованиям перехода на мирное положение;

в) в сокращении армии путем уменьшения числа войсковых единиц, введения новых штатов и демобилизации;

г) дислокации армии на казарменном положении применительно к условиям более удобного питания и снаряжения;

д) в опыте создания милиционных частей в наиболее к тому подходящих районах „со сплоченным пролетарским населением" (Петроград, Москва, Урал);

е) освобождении полевых частей от внутренней службы и замене их милицией; переформировании войск внутренней службы—„внус" в полевые войска;

ж) в доведении остающихся частей до полного штатного состава".

Мероприятия по моральному и материальному укреплению армии сводились к —

„а) улучшению качеств командного состава: омоложению его и созданию офицерских кадров из преданных Советской власти элементов;

б) поднятию боеспособности красноармейцев: тщательное военное обучение и политическое воспитание их в коммунистическом духе;

в) улучшению снабжения армии и увеличению первым долгом хлебного пайка;

г) усилению армии всеми средствами техники"...

Как же удалось осуществить намеченную программу военному ведомству? Справилась ли и в какой степени, по мнению доклада, Красная армия с новыми задачами?

Сводка прежде всего подчеркивает, что „продолжающийся и даже увеличивающийся экономический

развал в стране явился серьезным препятствием на пути осуществления всех намеченных правительством мероприятий военного характера".

Мы теперь знаем, что это „серьезное препятствие" было преодолено. Но, оказывается, были и другие еще более серьезные препятствия, о которых Красная армия в свое время едва ли даже и догадывалась. Вот в чем, видите ли, они заключались.

„В последнее время (очевидно, осень 1921 г.—*К. С.*) внимание Советской власти все более и более переносится от Красной армии на всевозможные экономические фронты, куда бросаются все силы и средства. (Вот оно—дезертирство „лиц с известной коммунистической протекцией"!—*К. С.*). Это отражается на состоянии Красной армии в смысле ухудшения ее материального и морального положения. Грозные экономические перспективы заставляют совет труда и обороны предъявлять к военному ведомству настойчивые требования сократить армию и выделить из ея рядов коммунистические силы для использования их на экономическом поприще.

„На этой почве возникла глухая (?!—*К. С.*) борьба между революционным военным советом и военной партией (??), с одной стороны, и большинством коммунистов с другой. Революционный военный совет заявил, что, пока не будет закончено переформирование армии, он не прекратит и не сократит своих работ по укреплению военной мощи государства. Чем закончится борьба между этими двумя течениями—значительно замечает автор доклада — неизвестно, но несомненен факт, что экономические затруднения и трения внутри правительства тормозят реформационную работу революционного военного совета, принуждают его к серьезным отступлениям от намеченной программы, а в некоторых отношениях сводят ее на нет".

Свою точку зрения автор доклада пытается доказать рассмотрением достигнутых военным ведомством к ноябрю 1921 г. результатов в отдельных областях военной организации. В области реорганизации армии деятельность военного ведомства выразилась в мероприятиях по реорганизации центрального военного аппарата, которые, по словам доклада, до ноября, несмотря на то, что начало им было положено в феврале, „еще не получили окончательных форм". Далее

сводка подробно перечисляет намечавшиеся мероприятия по изменению армейской организации. Эти „мероприятия военного ведомства еще не проведены в жизнь в полной мере и переход от военного к мирному положению тянется уже 7 месяцев. Поэтому „организация Красной армии в данный момент имеет переходный, комбинированный мирно-военный характер".

Из отдельных родов войск Красной армии этого периода любопытна характеристика пехоты:

В пехоте „пока попрежнему тактической и стратегической единицей остается стрелковая дивизия. Отдельные бригады образуются лишь благодаря невозможности развернуть их в дивизии. Отдельные полки имеют чисто эпизодический характер".

„Тяжелое экономическое положение момента и некомплект живой силы принуждают расформировывать части или сводить дивизии в бригады без всякого плана,—жизнь все время опережает теорию и систему. Благодаря этому, в общем порядке номеров образовались пропуски, часть дивизий переименована в бригады, причем одни из них получили номер прежней дивизии, а другие—номер бригады, и вся войсковая организация приняла запутанный характер".

„Численность вооруженных сил Советской России" составляет, конечно, предмет особливого внимания информационной сводки. Подробно перечисляются все части до полков и батальонов включительно.

Особенно разыгрывается фантазия автора доклада, когда дело доходит до „интернациональных частей". Отрыжка начала гражданской войны чувствуется и после ее окончания. Белая разведка числит на учете:

В пехоте: ... „Спартаковская стрелковая бригада (не установлено точно). Стрелковые полки: III Интернационала, польский. Стрелковые батальоны: финский, эстонский, сводный галицийский, корейский, китайский, венгерский (на Дальнем Востоке)—всего 8".

Формируются: „1-я Тавризская стр. дивизия, 2 Тавризская стр. дивизия (из персов)".

В кавалерии: „Дивизия освобождения востока (туркмены, бухарцы, хивинцы, индусы)".

Формируются: „Конная армия в Туркестане, 1 и 2 Шахсеванские дивизии на персидской границе (из персов)".

Нет, конечно, нужды пояснять, в какой мере эти фантастические строки соответствуют действительности. Мы приводим это, как любопытный курьез, документ эпохи. Он был бы не полон, если бы мы опустили следующее стыдливое примечание:

„Сведения об интернациональных войсках, проникающие за рубеж, сильно преувеличены: зачастую батальоны превращаются в дивизии, армии и т. п."

Сводка, очевидно, рекомендует не очень пугаться и не преувеличивать их:

„в действительности точно установлено образование 15 батальонов и одной кавалерийской дивизии, но в этих частях имеются лишь кадры"...

Информация сводки по вопросу о „милиционной системе", кроме того, что она представляет чудовищное нагромождение нелепости и лжи, свидетельствует о полном непонимании белыми существа дела. Комментировать этот вздор—не стоит труда: последующие строки говорят сами за себя:

„Милиционная система, так называемый всевоенобуч" (?), имела много сторонников среди советских политиков...

„По проекту советского правительства милиционные части должны были сделаться оплотом коммунизма в стране. Однако, на практике этот проект потерпел полное фиаско: в коммунистическом отношении части совершенно ненадежны и даже считаются контр-революционными. Во время кронштадтских событий петроградская территориальная бригада не собиралась, вследствие неблагонадежности. В последний раз она была созвана во время наступления ген. Юденича, когда вместо 3.000 человек явилось 300. Первый территориальный полк за неисполнение приказания в марте во время рабочих забастовок в Петрограде был разоружен и частично расформирован.

„Несмотря на эти явления—демобилизация и дезертирство, грозящие серьезным ослаблением боевой силы Красной армии, а также возможность войны на западе и восстаний внутри страны, побудили советское правительство спешно искать новых путей для численного увеличения и морального укрепления вооруженных сил Республики. В связи с этим неожиданно выплыла уже сданная было в архив идея милиционной системы...

„Эта внезапная перемена основного принципа организации армии и ее комплектования, установленного на X съезде, возврат к уже раз осужденной системе, давшей притом на практике определенно отрицательные результаты, является показателем неудачи советского правительства справиться задачей реформирования Красной армии по намеченному им плану—с одной стороны, серьезности военного положения Республики на внешнем и внутреннем фронтах—с другой [1])".

Приведенные цитаты не требуют разъяснения: открыто выраженное желание автора найти везде „неудачи" и недостатки в действиях Советской власти представляет лейт-мотив всех его рассуждений.

„Моральное состояние" и подготовка армии в 1921 г.

Командный состав.

„Несмотря на все, принимаемые советским правительством, меры — читаем мы в сводке [2])—общая картина настроения морального состояния Красной армии не изменилась к лучшему. Правда, в армию влилось значительное количество преданных власти красных командиров, твердо настроены комумнистические части и некоторые особо привилегированные войсковые единицы, но в общем командный состав и рядовые красноармейцы страдают рядом недугов, лищающих армию в целом внутренней силы, крепости и моральной устойчивости.

Все источники, представляющие сведения о различных районах (Кавказе, Закавказье, Крыме, Украине, Белоруссии, Петрограде и Москве), сходятся на одной и той же характеристике морального состояния Красной армии, — отмечая несомненное его ухудшение и понижение боеспособности частей даже по сравнению с началом настоящего года [3]).

---

[1]) Курсив подлинника.
[2]) № 155, от 21 ноября 1921 г.
[3]) Курсив подлинника.

Почти весь командный состав, как высший, так и значительная часть младшего, до сих пор состоит из офицеров старой армии, т. к. красные командиры являются малопригодными для командования частями: они зачастую не умеют даже выставить сторожевое охранение и, во всяком случае, не могут быть руководителями и воспитателями армии. На состоявшемся в Киеве в августе съезде командного состава все командиры частей признали его слабость; выяснилось, что на дивизию приходится всего 8—10 старых офицеров, занимающих исключительно высшие командные должности, а офицеров, могущих вести обучение частей, нет совершенно.

Между тем среди офицеров старой армии командиры, служащие советской власти не за страх, а за совесть, составляют самое незначительное меньшинство.

Один высоко осведомленный источник подразделяет офицеров старой армии, находящихся в настоящее время у большевиков, на 4 группы, в зависимости от того или иного отношения их к власти:

1) Офицеры, потерявшие всякую надежду на скорое свержение большевизма и питающиеся использовать обстановку для достижения своих личных целей и небольшое число искренно совращенных коммунистическими идеями [1]).

2) Также незначительна группа офицеров, видящих в большевиках единственно реальную силу, способную защищать национальные интересы, и считающих своим долгом поддерживать большевиков в их вооруженной борьбе против иностранцев и народностей, входящих ранее в состав империи. Эта группа считает, что большевизм недолговечен. Военно-историческая комиссия и военно-научная редакция являются центрами, около которых группируются военные элементы, разделяющие указанные идеи и ведущие через них пропаганду среди бывших офицеров и слушателей академии.

3) Небольшая группа активных антибольшевистских организаций, не связанных между собой и не имеющих средств для работы.

---

[1]) Курсив подлинника.

4) Подавляющее большинство бывших офицеров, ненавидящих большевиков от всей души, но приспосабливающихся к обстановке [1]), готовых приветствовать падение большевиков, но неспособных к активному выступлению против них из боязни чрезвычаек, с одной стороны, преследования за службу в Красной армии — с другой.

Таким образом, большинство высшего командного состава, составляющего мозг армии и ее главную техническую силу, не только не является надежным оплотом власти, но представляет из себя в массе определенно враждебный ей элемент [1]).

Помимо враждебности большинства командного состава к власти, в последнее время—отмечает сводка—стали наблюдаться явления, чрезвычайно обеспокоившие и военное ведомство и коммунистическую партию:

1) Уход под разными предлогами старых опытных офицеров из армии [1]), что вызывается ухудшением условий жизни, вследствие уменьшения пайков и несоразмерностью получаемого жалованья с дороговизной жизни".

В подтверждение своих слов доклад цитирует статьи из „Правды", из „Известий", рисующие бедственное положение командного состава.

„2) Все растущее отчуждение командного состава от красноармейцев. Старые офицеры мало по малу начинают возвращаться к прежним привычкам и навыкам, что вызывает резкое недовольство среди коммунистов".

Это утверждение обосновывается в докладе цитатами из журнала штаба XI армии „Красная Звезда" и „Политработника". Из текста видно, что вся информация об „отчуждении" заимствована из наших же органов печати и лишь соответственным образом обработана и подтасована. Но дальнейшие строки—результат агентурной работы белых:

„Рознь между рьяными коммунистами-комиссарами и командным составом ставит последний в чрезвычайно тяжелые условия жизни и работы. Имея возможность и право поддерживать в частях в строю строгую дис-

---

[1]) Курсив подлинника.

циплину, командир части становится беспомощным, как только он выходит из строя. Зачастую солдаты-коммунисты вне строя третируют своих командиров и подвергают их оскорблениям.

С другой стороны, военные комиссары имеют власть, равную командирам: без их утверждения недействительны даже оперативные приказы, но ответственность за настроение части, за успешное ведение операции падает всецело на командира. Поэтому, всякое недовольство командиром, даже личное со стороны комиссаров, грозит первому неминуемым расстрелом. Благодаря этому, большинство офицеров забито, морально подавлено, относится к своим обязанностям часто формально, преследуя лишь одну цель — спасение своей жизни...

Большинство старого офицерского состава страдает нравственным маразмом: люди отважные, неоднократно рисковавшие на войне своею жизнью, дрожат из боязни попасть в чека. По свидетельству компетентных лиц, офицеров, готовых пожертвовать собой, чрезвычайно мало.

Разлад между офицерским составом и коммунистами вызвал со стороны последних стремление спешно обновить командный состав. В августе, в дополнение к прежним распоряжениям, вновь был издан приказ революционного военного совета за № 504 о продвижении коммунистов на высшие командные должности и совершенно секретная инструкция об очистке армии от буржуазного элемента [1]).

3) „С другой стороны, в офицерском составе Красной армии происходит раздвоение между старыми офицерами и красными командирами большевистской формации, принимающее определенную враждебность.

„Следует, однако, отметить, что сторонники борьбы с большевизмом в среде Красной армии весьма немногочисленны и комплектуются, главным образом, из младшего командного состава. Высший же командный состав остается вполне лойялен Советской власти.

Исключение составляют некоторые старые красноармейские начальники-авантюристы, плохо мирящиеся

---

[1]) Курсив подлинника.

со всякой организацией и дисциплиной. способные при случае выступить против большевиков, увлекая за собой красноармейцев. К таким типам, в роде Махно, Григорьева, Думенко, Миронова, принадлежат и поднявшие летом возмущение — командир бригады 16 кавалерийской дивизии Маслаков, командир бригады 16 кавалерийской дивизии Захарченко, командир дивизиона 32 кавалерийского полка Павличенко,— все входившие в состав 1 конной армии Буденного".

Во всех почти положениях и утверждениях приведенной зарисовки „с натуры", написанных столь безапелляционно и, казалось бы, убедительно, компетентный читатель сам без труда подметит фальшивые тона и неверные краски.

Не может не удивлять прежде всего грубость рисунка: с одной, стороны командный состав „определенно враждебен" власти, с другой стороны он—„вполне лоялен"; теперешний читатель невольно останется в недоумении, что же в конце концов представлял собой командный состав Красной армии в 1921 году? Далее, вывод о „все растущем отчуждении командного состава от красноармейцев" представляет ни что иное, как пересказ тех опасений, которые в это, примерно, время были предметом публичного обсуждения в нашей повременной военной печати.

Абзац о розни между коммунистами-комиссарами и командирами производит впечатление каких-то обывательских жалоб и брюзжанья: „неминуемый расстрел"—как результат „личного" недовольства со стороны комиссара тем или иным командиром... И это в 1921 году!.. Весьма любопытно сравнить эти строки с тем, что говорит хотя бы Фурнье (См. главу „Политработа, как фактор боевых успехов Красной армии") о „комиссарской рамке" и пр.

Красноармейцы.

„Хотя нельзя отрицать, что большевикам удалось распропагандировать известные красноармейские элементы, однако, в общем коммунистическая пропаганда не пустила глубоких корней. Вернувшись в сентябре, после объезда войск киевского и западного военных округов, Троцкий констатировал крайне удручающее

состояние всего того, что он видел. В частности, Троцкий доложил на военном совещании 26 сентября в Москве, что он ясно убедился, вопреки донесениям с мест, в прогрессирующем ухудшении морального состояния Красной армии и падении коммунистического духа.

„По его словам, агитация и политическая подготовка — слабы. Благодаря бездействию главполитпросвета, армия осталась без политических руководителей и воспитателей, т. к. старые коммунистические работники, мобилизованные в разгар гражданской войны, вернулись к своим прежним работам, а новые до сих пор почему-то не выпущены. В результате дух армии, несмотря на ее хорошую боевую подготовку, слабеет, и настроение из „благоприятного“ может обратиться во враждебное[1]).

„В смысле настроений рядовых красноармейцев, необходимо различать две основные группы: коммунисты и солдаты особо привилегированных частей, служащих для подавления восстаний, на снабжение и продовольствие которых обращено особое внимание — они в массе являются верными слугами власти.

„С другой стороны, масса красноармейцев апатична, подавлена, голодна и раздета. Каждый в отдельности ругает коммуну, но в массе, в большинстве случаев послушен своему начальству. Теперь рядовой красноармеец присмирел, он больше не „ухарь с чубом“, при виде которого все трепетали в 1917 и 1918 г.г., он забит, голоден и жалок.

„Ни о каких политических тенденциях и симпатиях, которые смогли бы объединить и сорганизовать красноармейскую массу, говорить не приходится. Ненависть к коммунистам в значительной степени парализуется боязнью мести со стороны белых и вообще всякой будущей власти.

„Однако, две причины, действующие особенно сильно в последнее время,— толкают иногда забитого и усталого красноармейца на путь активного и пассивного сопротивления власти,— это голод и тоска по дому. Сейчас первой заботой красноармейца является — бежать в родные места; это стремление вызвало стихийное дезертирство.

---

[1]) Курсив подлинника.

„Плохое питание, уменьшение пайка, отсутствие обмундирования—на фоне ненависти к комиссарам и произвола комсостава, не редко выводят красноармейцев из состояния прострации: в последнее время не редки случаи открытого неповиновения целых частей, ареста комиссаров, отказа выхода на занятия под предлогом отсутствия обмундирования и плохого питания. Недовольство часто выражается красноармейцами вполне открыто. Иногда дело доходит до открытых возмущений, правда разрозненных, неорганизованных, не причиняющих особого вреда власти и происходящих преимущественно в тыловых гарнизонах".

С точки зрения профессионала-специалиста по военной разведке, нельзя не отдать должного авторам сводки. Они постарались дать связную, по возможности, полную, по своему (по их конечно оценке) рельефную картину, и при том — что тоже имеет немаловажное значение,— картину ярко тенденциозную „морального состояния" Красной армии. Подбор самых фактов, их сопоставление, а тем более освещение — сделаны в выдержанно-инсинуирующих тонах.

В отношении красноармейского состава действительность 1921 года представлялась особенно благоприятной и благодарной для разрисовки белых узоров. Как раз в это время из армии ушел почти полностью закаленный в боях элемент, вынесший на своих плечах всю тяжесть гражданской войны, весь ужас снабженческой разрухи и в то же время всю острую радость побед. Это примиряло. Влившееся пополнение было лишено последнего, а результаты и последствия гражданской войны имело с избытком. Развитие и углубление обрисованных в сводке настроений стояло в тесной и прямой связи с тем или иным разрешением тогда продовольственного вопроса и успешностью изживания разрухи. Бытие в данном случае более, чем где-либо и когда-либо, определяло собой сознание. Теперь, разумеется, матерьяльные условия жизни Красной армии совершенно иные.

Красная армия в 1922 г.

Прошло два года, как закончилась гражданская война. Неумолимой логикой событий белые оказались поверженными в прах и безвозвратно вычеркнутыми со страниц русской истории. Как политическое течение и как боевая сила они умерли для России навсегда, подобно тому, как умерли для Франции эмигранты-аристократы после великой французской революции.

Пользуясь наступившей „передышкой“ так страстно и нетерпеливо ожидавшейся, Советская Россия энергично и настойчиво залечивала раны, причиненные стране гражданской войной, восстанавливала транспорт, крестьянское хозяйство, нормальное течение экономической жизни. За рубежом внимательно и зорко наблюдали.

„Политическое положение советского правительства— писал специалист „по русскому вопросу“ во французском генеральном штабе подполковник Фурнье [1])— неоспоримо упрочилось в течение 1922 г.

С точки зрения внешних сношений спокойствие установилось на границах и право говорить во имя национальных русских интересов было признано за большевизмом“...

„Большевизм, таким образом, повсюду достиг этнографических границ России. Он их даже перешел на Кавказе, распространив свою власть на население Грузии, Армении и Туркестана.

Ни одна держава не мечтает ныне напасть на него в этих границах. Единственно в целях революционной пропаганды большевизм периодически считает себя обязанным возвещать о воинственных замыслах Фран-

---

[1]) Liceut-col. Maurie Fournier. La Russie au début de 1923. „Revue Militaire Française“ № 21 1-er mars 1923 p.p. 377—387.

ции или Англии, угрожающих русскому народу или Советской власти...

В отношении внутреннего положения большевистское правительство являет собою внешний вид власти, отныне неоспариваемой...

„Некоторые путешественники, которые соприкасались с деревенской жизнью России, утверждают, что крестьянин не испытывает враждебных чувств к большевистскому режиму. Он не желает изменения политического положения и скорее даже опасается (как деликатно формулируется эта мысль! — *К. С.*) возвращения к власти реакционных партий, что представляло бы угрозу захваченной во время революции земельной собственности. Возможно даже, что крестьянин порой благоволил к советам за их борьбу с партизанскими бандами, которые под предлогом борьбы с большевизмом грабили и разоряли деревню. Было отмечено, что в некоторых уездах крестьяне оказывали содействие карательным отрядам Красной армии“...

„Нельзя, наконец, не признать, что правительство народных комиссаров почерпнуло новую силу в патриотизме. Даже среди русских эмигрантов победы Тухачевского и Буденного вызывали одобрение. Национальное чувство, униженное тем молчанием, на которое отсутствующая Россия была обречена версальским трактатом, находит удовлетворение в новом появлении российского государства на политической сцене мира. Большевики искусно используют этот национализм. Они превозносят свои военные и дипломатические успехи... Большевизм культивирует ненависть и недоверие к иностранному.. Он устанавливает желаемую связь между Россией и интернационалом, соединяет ради собственных барышей в одно национальный долг и долг революционный. Из русского патриотизма большевизм сделал себе союзника.

Беглый анализ внутреннего положения в России равно как и взаимоотношений большевизма и держав, приводит, таким образом, к убеждению в устойчивости власти, которой более не угрожает никакая видимая опасность“.

Какие бы то ни было сомнения в устойчивости революционной власти тем более отпадали, что все границы этого неприятного пятна, зачерченного на

картах генеральных штабов империалистических держав красным карандашом и представлявшего шестую часть земного шара, зорко охраняла Красная армия.

Что же представляла из себя эта армия пролетарской революции, таила-ли она — и если да, то какую именно — угрозу когда то столь прочному господству буржуазии?

А. К. Кельчевский [1]) в цитириованной выше книжке между прочим писал, что—

„весь мир с величайшим интересом и вниманием следит за действиями советской армии, особенно ее конницы, стремясь предугадать причины ее успехов и тактические приемы и способы ее действий".

Действительно, Красная армия вызывала за рубежом огромное внимание.

Утвержденный 28 сентября 1922 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом декрет о введении в Советской России всеобщей воинской повинности был опубликован уже 18 октября, т.-е. через 20 дней, с надлежащими комментариями в „Пражской Прессе" [2]).

Еще раньше реагировала на этот декрет германская печать, причем „Франкфуртская Газета" [3]) писала: „фактически Россия находится в таком политическом соседстве, которое делает понятными ее меры защиты. Москва знает и чувствует, что ее не любит ни одно из окраинных государств".

Отзывы и заметки в иностранной периодической печати появляются в это время не редко. Чувствуется в этих заметках стремление подавить в себе страх перед новой силой.

Частичной иллюстрацией нашего утверждения может служить статья, обошедшая ряд американских и германских газет и напечатанная между прочим в „Daily News" [4]). Как явствует из рекомендации редакции,

---

[1]) Бывш. начальник штаба ген. Мамонтова, а затем донской армии, впоследствии—редактор берлинского журнала „Война и Мир". См. его брошюру „Думенко и Буденный", стр. 1.

[2]) Prager Presse № 287 от 18 октября 1922 г. ст. д-ра Э. Гурвича.

[3]) Frankfurter Zeitung № от 4 декабря 1922 г.

[4]) „Daily News" № от 29 августа 1922 г. ст „Красная армия России".

статья эта принадлежит некоему русскому „аристократу", который по поручению „Международного Бюро известий", провел шесть месяцев в России, в целях „тщательного исследования всех сторон государственной деятельности во всех областях Советской России".

В начале статьи указывается на то, что распространяются —

„совершенно ошибочные представления о характере и составе Красной армии". „После шестимесячного пребывания в России" автор считает возможным осветить вопрос соответствующим действительности образом.

„В настоящее время — сообщает он—Красная армия насчитывает около миллиона молодых людей от 18 до 23 лет. Эти молодые сыновья крестьян представляют собой по сей день незрелых, малоразвитых полу-детей. Их позицию по отношению к московскому правительству можно поэтому определить, как нейтральную — ни за ни против большевиков".

Эти глубокомысленные соображения автор развивает, желая доказать, что—

„Красную армию поэтому, вопреки ошибочному мнению, столь часто распространяемому, нельзя рассматривать, как политический фактор, который сегодня или завтра мог бы с драматической неожиданностью предпринять то или иное самостоятельное действие. Это—армия аполитичная, индифферентная и безропотная" (?).

Как видно, Западную Европу тогда очень интересовала, не создались ли в России, „стране неограниченных возможностей", в условиях социальной революции, те преторианцы революции, на которых при случае можно было бы строить политические расчеты. Но какой органической неспособностью понять дух русской революции должна была обладать голова, пробывшая в России шесть месяцев, чтобы в 1922 г. признать Красную армию... аполитичной, (?!), индифферентной и даже безропотной!..

Что мы не ошибаемся, говоря о таком специальном интересе западно-европейских наблюдателей, — доказывает только что цитированная статья подполк. Фурнье „La Russie au dèbut de 1923". Последний высказывается к тому же с большей определенностью.

„Все надежды, возлагавшиеся на военные возмущения, оказались обманутыми. Личный состав высшего командования проявляет лойяльное отношение. Иначе нельзя объяснить себе постоянную поддержку, которой пользуются в своей работе крупные военачальники Красной армии—Каменев, Фрунзе, Тухачевский, Буденный. Нельзя также не констатировать, что эмиграция не дает приюта перебежчикам из Красной армии, тогда как обратное явление наблюдается с исчезновением армии Врангеля.

Гипотеза, иногда выдвигавшаяся, о том, что какой-нибудь честолюбивый генерал возьмет власть, реставрируя снова coup d'etat Бонапарта, становится все более и более химерической. И если коллективная диктатура большевиков должна уступить место диктатуре личной и военной,—будущим Цезарем был бы скорее Троцкий, творец и вдохновитель Красной армии,—человек с все возрастающей популярностью и влиянием. Его пламенные речи возбуждают революционный милитаризм. На фотографиях в иллюстрированных журналах вы не увидите его иначе, как в сапогах, под дождевым плащом и в остроконечной богатырке".

Но возвращаемся к статье из „Daily News".

Не менее замечательны наблюдения и выводы этой статьи в отношении института шефства.

„Снабжение армии организовано таким образом, что каждый полк находится на попечении преданного правительству учреждения — промышленного предприятия, треста или рудника. Подробные данные об этом обстоятельстве Троцким держатся в строжайшем секрете".

Секрет доходит до того, что—

„даже по случаю XI съезда коммунистической партии в конце апреле он (Троцкий) отказался сообщить какие-либо сведения по этому вопросу. Как бы то ни было, является фактом, что даже до настоящего времени 60% всей армии в силу необходимости снабжаются частным путем. Поэтому армия не является непосредственным бременем для государственного казначейства, не говоря уже о том, что этот план снабжения... является одной из самых остроумных идей, когда-либо придуманных Троцким-организатором".

За границей всегда можно услышать рассчитанные на эффект рассказы о том, что Красная армия „одета

в лохмотья", что она страдает от недостатка во всем и что солдаты ходят босиком,—в то время, как другие настаивают на противоположном, на том, что советские войска „великолепно одеты и снабжены" (equiped).

Обе версии газета считает неправильными.

„Красная армия не одета в лохмотья и не снабжена великолепно. Она — умеренно хорошо снабжена всем необходимым. Солдаты одеты чисто и опрятно по русской форме,—и, конечно, гораздо лучше, чем в 1918—1921 г. г. Это относится как к солдатам в больших городах, так и к войскам, расквартированным в провинции".

С этой точкой зрения вполне совпадают полученные агентурным путем сведения второго бюро французского генерального штаба, обработанные в уже цитированной статье подполковника Фурнье.

„Недовольство солдат, возбуждаемое дурными материальными условиями и недостаточностью питания не может рассматриваться, как серьезный фактор отсутствия безопасности. В течение войны гражданской и против Польши наблюдались случаи перехода частей на сторону противника и значительное количество индивидуального дезертирства. Эти серьезные проявления разложения ставили порой большевизм в критическое положение.

Это время миновало. Демобилизация пятнадцати возрастов окончилась без серьезных беспорядков. Материальное состояние, именно питание и обмундирование, улучшаются.

Красная армия—объект постоянной и просвещенной заботливости. Каковы бы ни были недостатки и слабые стороны этой армии, нельзя не признать, что усилия большевиков в военной области имели разумную основу и получили результаты, тогда как в других областях они достигли лишь разрушения и разорения.

Далекая от того, чтобы представлять угрозу для большевизма, Красная армия является орудием его безопасности"...

Выводы статьи из „Daily News" в отношении дисциплины сформулированы так:

„В противоположность первым годам революции Красная армия ныне управляется при помощи железной дисциплины. Но русская выправка, бестолковое слепое

повиновение, которое раньше наблюдалось в русской армии, исчезло. Во внеслужебное время русский солдат ныне чувствует себя в присутствии своего высшего начальника совершенно свободно и легко.

Из каких элементов состоит корпус красных офицеров?—Здесь точно также необходимо рассеять общераспространенное заблуждение. Неверно, будто бы 80% офицеров являются офицерами старой царской армии. Напротив 90% строевых офицеров ныне представляют собой вновь обученных бывших солдат и рабочих. Только около 10% из них состояли офицерами в старой армии".

Останавливаясь на „контроле коммунистов", осуществляемом институтом комиссаров, автор статьи пишет, что

„этот институт, между прочим, введен в систему в большинстве советских правительственных учреждений, также как и в сельско-хозяйственных и промышленных предприятиях", и признает, что „система, вообще говоря, действует довольно хорошо".

Дальше следуют такие рассуждения:

„Царский офицер и коммунистический комиссар редко нравятся друг другу и исподтишка „подставляют друг другу ножку" (knock each other behind their backs); однако, Троцкий достигает своей цели; он получает хорошо вымуштрованных и преданных офицеров. Несомненный факт, что Троцкий за последние пять лет уже успел получить хорошо обученную группу офицеров в 30—40.000 человек, происходящих из крестьянской среды. Это—фактор, с которым необходимо считаться".

Очень интересны заключительные замечания информатора буржуазии.

„Прогуливаясь ныне по улицам Москвы, Петрограда или некоторых провинциальных городов, можно видеть повсюду обучающихся солдат. Это обстоятельство создает почти такое впечатление, будто Россия старательно готовится к новой войне. Я полагаю, что это заключение ошибочно".

Даже буржуазия в 1922 г. признавала, что Советская Россия определенно не желает войны и „коммунисты стремятся избежать ее любой ценой".

---

[1]) Temps, № от 11 июня 1922 г. ст.: „Русская армия 1914—1917 г.г."

„Тем не менее — говорит далее автор статьи — коммунисты довели Красную армию до высокого состояния боеспособности и сделали ее готовой к войне. Красная армия—ныне единственная армия в мире, которая готова следовать за Троцким или другим большевистским вождем на любой театр войны, который он укажет—даже на край света, если это будет необходимо. Русский солдат пойдет туда, куда ему укажут: в Пекин, или в Париж — это для него все равно, он пойдет слепо, безмолвно, покорно. Вот причина — и причина единственная, — почему русская армия является фактором, с которым необходимо серьезно считаться".

Интерес к Красной армии получил свое яркое выражение в статье ген. Мальтерр, опубликование которой относится ко времени, непосредственно следовавшему за Генуэзской конференцией.

„Призрак Красной армии парил над Генуэзской конференцией... Из-за спины Чичерина, оставшегося дипломатом старого режима, из-за спины Красина, делового человека революции, под золочеными сводами дворцов Ривьеры звучал отдаленный голос Троцкого"...

Республика французской биржи, занявшая место Германии кайзера и являющаяся ныне военным гегемоном Европы, как в сфере мысли, так и в области практики военного дела, среди всех государств мира проявляет наибольший интерес к состоянию Красной армии. Французы внимательно следят за всеми данными, получающимися из России, и тщательно их изучают. В тот момент Красная армия вызывала у них тем большее внимание, что, как возвестил Франции ген. Лакруа [1]), „после кампании 1920 г. в Польше, истощенная Красная армия была перестроена на новых началах".

Рассматривая тогдашнюю дислокацию частей, он подчеркивает, что

„80% численного состава войск мирного времени стоят против запада и юга — от Эстонии до Кавказа".

Грозное значение этой силы увеличивается еще тем, что, по его сведениям [2]),

„продолжительность мобилизационного периода исчисляется в 7 дней для западного фронта и Украины,

---

[1]) Temps, № от 12 мая 1922 г.: «L'armée rouge».
[2]) Temps, № от 3 мая 1922 г.: «L'armée rouge».

т. е. для всей армии; для остальной части России она исчисляется в 9 дней".

Он запугивает наших ближайших соседей тем, что

„с прошлого года была произведена довольно значительная работа в отношении изготовления носимого оружия в России на оружейных, патронных и капсюльных заводах. Их производительность была увеличена, при чем были приняты меры для того, чтобы ее удвоить или, быть может, даже утроить в случае надобности".

Раз почти вся Красная армия расквартирована —

„против Польши и Румынии, эти два государства находятся под непосредственной угрозой внезапного вторжения многочисленной кавалерии, которая для начала внесла бы смуту и беспорядок в их мобилизацию и при этом без всякого кровопролития".

Характерными чертами Красной армии являются

„живая сила ее пехоты и численное значение ее кавалерии; но эти два фактора лишь лучше выявляют слабое соотношение ее артиллерии и недостаток транспортных средств".

По мнению Лакруа, польская кампания доказала „дух смелости советской кавалерии, но также и зыбкость ее успехов" без своевременной поддержки ее пехотными частями.

Само собою понятно, что интерес к Красной армии обнаруживают не только отдельные публицисты. Французский генеральный штаб тщательно разрабатывает материалы, имевшиеся у него о Красной армии, и эта работа вылилась в уже цитированную обстоятельную статью подполк. Фурнье [1]).

Картина, им нарисованная, во многом не совпадает с действительностью, факты, конечно, утрированы в желательном для французов направлении. Да и фотография снята была, видимо, в эпоху конца гражданской войны, или непосредственно за ней следующих месяцев, и то, что было сделано в армии после этого и о чем говорит ген. Лакруа, не получило своего освещения в статье.

После обзора организации, структуры и численности Красной армии, автор останавливается на характеристике различных родов войск.

---

[1]) „L'armée rouge bolchevique". „Revue Militaire Française", № 14. Août 1922, p. 233.

„В течение операций (очевидно, гражданской и польской войн — *К. С.*) пехота была среднего качества. Можно было констатировать—отсутствие чувства долга у солдата, последний повинуется только из страха наказания, дезертирство было многочисленным; материальную нищету; недостаточное питание; жалкое обмундирование; пехота часто представляла собою сборище голоштанников и босяков".

Здесь зафиксирована эпоха 1919 — 1920 г.г. Повествование автора статьи из „Daily News", несомненно, относится к более позднему времени.

„Коллективная дисциплина сурова. В присутствии офицера красноармеец вежлив и подобран; в его отсутствие он распущен, нищенствует, иногда приворовывает, продает патроны и казенное обмундирование.

Обучение слабое; в частности пехота не умеет использовать силу своего огня; солдат плохо обучен, как стрелок, командир не умеет руководить огнем; оружие содержится очень дурно.

Унтер-офицерский корпус плох. Многие из низшего командного состава—рабочие и крестьяне без обучения".

Эта картина расходится с сообщениями, хотя бы статьи из „Daily News", что указывает на известную тенденциозность Фурнье. Однако, и ему не удается скрыть энтузиазма и порыва красноармейцев, компенсировавших все недостатки создавшейся и обучавшейся под огнем Красной армии. Понятно, что у автора этот высокий моральный подъем и порыв, составляющий индивидуальную особенность армии революции, преломляется под совершенно иным углом зрения.

„Под энергичным давлением сверху и из боязни коммунистов пехоту охватывал скоропреходящий порыв, она одерживала успех исключительно путем наступления. В случае сопротивления или неудачи войскам недостает твердости и они легко распадаются". „Однако — пишет автор—принимаются серьезные меры, чтобы преодолеть расхлябанность, поднять уровень обучения и улучшить боевые качества армии. Создается ряд учреждений, чтобы повысить интеллектуальный уровень солдата: школы для неграмотных, газеты в гарнизонах и частях, солдатские университеты и т. д.".

„Троцкий стремится улучшить жалкие материальные условия, столь вредные для обучения, гигиены и ди-

сциплины. Задача—трудная: нет компетентного административного персонала и нет средств. Несмотря на энергию и изобретательность, военный организм зависит от рессурсов истощенной страны. Трудно хорошо кормить армию, даже в ущерб населению, когда в стране—голод; удается обеспечить хлебом, но недостает мяса. Точно также нет возможности снабдить армию одеждой, бельем, обувью, казарменной обстановкой, раз слаба гражданская промышленность".

„Отдаваемые приказы совершенны, но исполнение их невозможное"... что было бы едва ли возможно, добавим мы от себя, при той „железной дисциплине", в существовании которой уверяла англо-саксонскую буржуазию „Daily News".

„Прибегают к специальным средствам: неделя красноармейца, специальный налог в пользу красноармейца, день казармы и т. д. Обращаются с призывами к местным советам, рабочим и крестьянским организациям".

Автор статьи, не интересуется, оказывалась ли помощь Красной армии этими мерами. Равным образом, ему осталась совершенно непонятной та крепкая внутренняя спайка, которая существовала между трудящимися и их армией и которая позволяла вождям последней прибегать к различным „остроумным" средствам.

„В сущности с трудом,—заканчивает с нескрываемым злорадством Фурнье,—удерживают армию на гребне нищеты и голода, которые заливают страну, и нет уверенности, что это удастся и дальше".

Стремление к объективности побуждает автора отдать должное героическим усилиям вождей армии, а врожденное классовое чувство сквозит в последних строках: когда же, наконец, Красная армия потонет в этих волнах...

Останавливаясь на „специальной физиономии" пехоты, автор рисует ее, как „пехоту, бедно снабженную с технической точки зрения. Повидимому, она не способна к операциям позиционной войны".

Кавалерия во время операций играла главную роль, „часто она была орудием победы".

„Соотношение кавалерии и пехоты (одна кав. дивизия на три-четыре пехотных дивизии) во время войны является характерной особенностью Красной армии. Эта пропорция еще выросла в мирное время — 49 кав.

бригад против 95 бригад пехоты,—соотношение одного к двум. Можно, таким образом, предугадать намерения большевистского командования в отношении кавалерии в будущей войне.

Употребление кавалерии основано на принципе использования ее, как сражающегося рода войск, участвующего в бою на-ряду с пехотой. От своей кавалерии большевики не требовали разведывательной службы, так как были достаточно осведомлены о намерениях и планах противника агентурным путем.

Большевистская артиллерия играла во время военных действий роль второстепенную. Были две причины ее слабости: техническая неспособность личного состава, численная недостаточность материальной части".

„Большевики—пишет далее Фурнье—сумели организовать кавалерию, но не смогли создать артиллерию. Уже в 1917 г. императорская армия не обладала достаточным количеством квалифицированных офицеров-артиллеристов, необходимых для применения многочисленной материальной части, полученной армией от союзников. После Октябрьской революции им тем более неоткуда было появиться.

Большевистская авиация располагает, повидимому, 1.350 аппаратами, из которых не более 450 в состоянии летать. Эти аппараты большей частью иностранной марки.

Во время операций авиация играла известную роль в начале наступления Тухачевского, в июле 1920 г. Большевистская авиация доминировала над польской. От 30 до 40 аппаратов парили одновременно в воздухе. Но эта активность была очень непродолжительной; перед наступлением на Варшаву у большевистской армии не оказалось авиации.

Будущая судьба большевистской авиации, как всякого промышленного предприятия, зависит от экономической реорганизации и иностранного содействия. Возможно, что ее развитие пойдет быстро, когда она выйдет из периода современного кризиса.

В настоящее время имеется на-лицо полная организация командования, многочисленные школы инженеров, пилотов, механиков и дюжина заводов, месячная продукция коих пока ничтожна".

По словам автора, „Красная армия обладает отборной группой офицерства старой империалистической армии. Из ее состава было образовано высшее командование, штабы, преподавательский персонал в училищах. Они проделали значительную работу: получили применение после необходимой переработки старые уставы, издается значительное количество популярных брошюр по военному обучению, журналы, газеты. Программы обучения, отчеты инспекции свидетельствуют о действительной компетенции.

Низший командный состав — отчаянного качества. 44% командиров выдвинулись на улицах Петрограда и Москвы. „Троцкий почтил их названием героев первого часа революции, но никогда не упускал из вида необходимость обучить их".

Созданные еще в 1918 г. курсы красных командиров дали сначала слабые результаты: ученикам не хватало элементарного образования, курсам — преподавателей и необходимого школьного оборудования; но в настоящее время усилия увенчались значительным успехом, обширная сеть училищ поставлена на ноги".

Окончательная оценка Красной армии 1922 года, наших усилий и достижений в деле ее организации за пять лет революции не может, естественно, быть благоприятной под пером представителя наших самых злобных и выдержанных врагов.

„Для мирного времени Красная армия представляет военную силу, численно превосходящую всякую другую европейскую армию. Однако, она остается еще военным организмом низшего качества, как в отношении общей слабости обучения кадров и войск, так и недостаточности по количеству и по качеству материального военного снабжения".

„Красная Армия одержала победы. Дух решительности и энергия ее руководителей, повидимому, были главным фактором успехов, достигнутых над импровизированными армиями или находившимися в периоде организации".

„В настоящее время Красная армия, кажется, не способна к глубокой операции длительной продолжительности вне границ русской территории" [1]).

---

[1]) Col. Fournier. „L'armée rouge bolchevique".

Как видит читатель, отзывы из-за рубежа отличаются и разнообразием и своеобразием. Но и в строках, проникнутых ненавистью, не взирая на частые попытки подтасовать факты, чувствуется, что Красная армия на пятый год своего существования стала силой, за ростом и совершенствованием которой стали внимательно следить наши враги.

Красная армия перед реформами 1924—1925 г.

Мы объединяем в этой главе отзывы и характеристики, относящиеся к двум последним годам—1923 и 1924—жизни и развития Красной армии, хотя и следует сказать, что Красная армия 1925 года, конечно, далеко не та, какой она была в 1924, а тем более в 1923 году.

Живой организм,—она находится в процессе непрерывного роста и развития, имея его,—это развитие, преуспевающим в одних областях военного строительства и более медленным—в других. Эта динамичность существования не представляет чего-то, свойственного одной только Красной армии. Этим свойством отличается большинство армий послевоенного периода: так, в процессе непрерывной реорганизации находится французская армия; поскольку можно судить,—перманентный реорганизационный хаос имеет место в румынской армии, и т. д. Богатый опыт империалистской войны, непрерывно отстаиваясь и отслаиваясь, превращаясь из индивидуального в коллективный, оказывает непрерывное давление на формы и рамки военной организации, то вливая в них новое содержание, то сметая их совершенно и заменяя новыми.

Общие замечания о реорганизации армии.

Очень интересным представляется анонимный обзор в Revue Militaire Française [1]), характеризующий состояние Красной армии на 1 февраля 1924 г. Обозреватель останавливается прежде всего на „общих принципах".

„В 1922 г. большевистское правительство продолжало демобилизацию Красной армии, стараясь дать ей

---

[1]) № 35. 1 mai. 1924 p. p. 278—282.

организацию мирного времени на основе постоянной армии в 800.000 человек.

Дурное финансовое положение, естественный результат до последней степени неустойчивого положения экономического, не давало возможности осуществить эту реорганизацию, обусловливая необходимость уменьшения наличного состава. С этой целью большевистское правительство в начале 1923 г. решило произвести эксперимент введения милиционной системы, преобразовав некоторые нормальные дивизии в милиционные под названием „территориальных дивизий".

Бедственное финансовое положение, обязывающее большевизм не применять полностью системы постоянной армии, которой раньше он отдавал свое предпочтение, не исчезнет, можно думать, долгие годы. Вот почему можно предвидеть, что преобразование Красной армии в армию милиционную будет продолжаться, каковы бы ни были результаты приводимого в исполнение опыта".

И далее.

„В период 1918—1923 г.г. тяжесть военного бремени была возложена в большей своей части на население Великороссии, так как большевизм лишь постепенно распространял свое влияние на окраинные территории царской империи. Новая правительственная организация (Союз Советских Социалистических Республик — СССР) делает возможным более равномерное распределение этого бремени. Вот почему большевистское правительство и решило создать национальные армии в различных республиках, окружающих великорусское ядро. Эта идея, которая в настоящее время находится в стадии своего осуществления, позволяет к тому же усилить политическое влияние на границах и обеспечить более действенным способом защиту территории Союза использованием патриотических чувств различных национальностей".

„Общая организация армии осталась в своем целом, неизменной (по сравнению с данными 1922 г.—*К. С.*). Однако, организация высшего военного командования подвергалась некоторым изменениям. Территория Союза Советских Республик ныне разделяется на восемь больших районов, называемых... фронтами или округами, к которым следует прибавить:

Автономную Кавказскую армию, занимающую территорию закавказской федерации; и

5-ю армию на Дальнем Востоке".

Состав армии определяется в 17 армейских корпусов, „введенных в Красной армии в 1922 и 1923 г.г."; „52 дивизии пехоты, из коих 34 нормальных, 15 территориальных и 3 национальных в Закавказьи; 10 кавалерийских дивизий (из коих 3 входят в состав 1-й конной армии, а 4 составляют I и II конные корпуса; 10 самостоятельных кавалерийских бригад (из которых одна территориальная)".

Дальше следует обычная характеристика состава армейского корпуса, стрелковых дивизий, территориальных дивизий, кавалерийских корпусов, дивизий и бригад, могущая представить интерес для специалиста, а для нас интересная, лишь как симптом серьезности отношения и оценки. Мы, конечно, не касаемся вопросов о том, в какой степени достоверны или неверны сообщаемые сведения, в частности утверждение автора о том, что „в действительности личный состав частей—ниже этих (т.-е. приведенных в статье *К. С.*) теоретических цифр".

Несколько раньше тому же вопросу о реорганизации Красной армии уделило свое внимание „Temps" [1]):

„С марта месяца 1923 г.,—читаем мы в газете,—русские войска находятся в состоянии реорганизации. Это делается в целях сокращения годового расхода на содержание армии, однако, с таким расчетом, чтобы не вредить основательности обучения. К численному превосходству, по заявлению Троцкого, надо прибавить качественную ценность и, таким образом, дать правительству советов дисциплинированную армию, вполне обученную в смысле применения новейших средств. Но это далеко не достигнуто. Бюджетные нужды повлияли на военные соображения, и на деле состояние русской армии очень немного улучшилось с осени („Temps" от 28 сентября 1923 г.). Общая численность осталась 600.000 человек, содержание которых поглощает около половины советского бюджета. Насчитывают 17 армейских корпусов и 52 пехотных дивизии, из которых 20 расположены на западной границе".

---

[1]) „Temps" от 19 апреля 1924 г.

„Вообще наблюдается фактический прогресс; но очень много еще надо осуществить, не только в области материальной, но и в образовании кадров всякого рода, которым не хватает, вообще говоря, общей и специальной подготовки. Программы обучения в дивизиях, также как и программы совместных маневров хорошо разработаны, но выполнение оставляет часто желать многого, так как кадрам не хватает необходимых знаний для осуществления заданий.

Во время маневров кавалерии на Украине в сентябре 1923 г. служба охранения, разведки, связи не дала должных результатов; два корпуса кавалерии, противопоставленные друг другу, боролись впустую, оперируя в районе, где они ошибочно думали встретить своего противника.

В общем Красная армия, несмотря на напряженные усилия, не в состоянии меряться силами с организованными армиями, снабженными и подготовленными с точки зрения потребностей современной войны. И в этом отношении она парализована плохим состоянием финансов, промышленности и национальных железных дорог. Если она насчитывает большое количество школ,—в них не хватает ценного инструкторского состава...

В заключение следует отметить, что Красная армия в настоящий момент представляет военный организм, еще не усовершенствованный с точки зрения мобилизации, обучения, снабжения оружием и материалами, а также командования".

В конце 1924 г., II отделом польского генерального штаба была выпущена в свет объемистая книга „Организация вооруженных сил СССР". Не касаясь информационных для польской армии данных, приведем выдержки, содержащие в себе оценку Красной армии польским генеральным штабом [1]).

„... Опираясь на опыт мировой и гражданской войны, большевики в середине 1922 г. приступили к основной реорганизации своей армии.

В течение пятилетнего периода своего господства они пришли к убеждению, что для удержания власти

---

[1]) „Organizacia sil zbrotnjch S.S.S.R. w crasil pokoju". Opracowal oddziol II Sztabu Generalnego Warszawa 1924. Перевод Б. В. Петрусевич. Стр. 7—9 польского текста.

в своих руках содержание регулярной армии является для них обязательным. Сторонники введения всеобщей милиционной системы были „побеждены“, и декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 28 августа 1922 г. ввел в России обязательную воинскую повинность. Декрет в основных вопросах ничем не отличается от соответствующих законоположений в других государствах. С момента проведения в жизнь этого декрета начинается новый этап развития Красной армии, опирающийся на прочный фундамент, свойственный современным европейским армиям.

Экономические причины, которые вынудили большевиков сократить регулярную армию до 500.000 чел., создали препятствие к обучению всех тех, которые, согласно декрета от 1922 г., должны были отбывать воинскую повинность. Однако, и в этом случае они нашли выход, введя декретом совета народных комиссаров, от 8 июля 1923 г., помимо регулярной армии,— милиционную систему (так называемую „территориальную“).

Помимо того, декрет от 8 июля устанавливает всеобщее обучение трудящихся масс. С этого времени все граждане СССР по окончании 16 лет и до призыва в регулярную или милиционную армию проходят в течение каждого года обязательное обучение, имеющее целью подготовить их к отбыванию воинской службы.

Таким образом, из разрозненных отрядов красной гвардии в течение шестилетнего периода своего господства большевики создали регулярную армию, с которой сегодня нам приходится считаться, как с серьезным противником.

На каждом поприще и в каждой области военной жизни России кипит ныне работа в направлении углубления приобретенных знаний и создания основ для развития армии.

„Необычайно богатая советская военная литература всесторонне интересуется военными проблемами, и каждая новая теория, появляющаяся на Западе, находит в ней свой отзвук.

Весьма сильно развитый политический аппарат внедряет в сознание молодых солдат основы коммунизма, давая этим самым правительству известную гарантию удержаться у власти.

Последние годы выявили большие достижения в области снабжения армии и развития военной промышленности, демобилизованной в 1921 г. Достижения эти были получены путем плановой и расчитанной на крупный масштаб работы. Прежде всего это заметно в области артиллерийского снабжения, а именно— в создании складов, приведении в порядок имевшихся запасов и в подсчете имевшихся средств.

Выдающуюся роль, в отношении снабжения армии и подъема военной промышленности сыграли также и большие закупки, производившиеся заграницей.

Следует отметить, что военный бюджет сокращается там, где идет речь о содержании армии, но в общем он из года в год увеличивается, если принять во внимание производимые закупки за границей.

При этих условиях, на нынешнюю Красную армию следует смотреть, как на такой государственный фактор Советской России, который, после периода хаоса и военной импровизации, создает прочный фундамент для существенного развития вооруженной силы государства. Много еще в этом отношении попыток. Много начатых проведением в жизнь опытов не дало положительных результатов, тем не менее, однако, Красная армия с каждым годом приобретает большую сплоченность, силу и организационную стройность, все более и более применяясь к опыту мировой войны".

Наконец, последние преобразования в нашей армии, произведенные весной 1924 года получили свое отражение на страницах немецкой военной печати в форме следующей информации в „Militär-Wochenblatt" [1]).

„Должность „главнокомандующего армией" переименована в „инспектора армии". Бывший главнокомандующий армией Каменев изменил только место. Он подчиняется революционному военному совету, ему— инспекции различных родов оружия. Все хозяйственные вопросы, которые прежде разрешались различными инстанциями, теперь сосредоточены в „центральном управлении снабжений", при чем войсковым частям предоставлена большая самостоятельность в отношении многих касающихся их дел.

---

[1]) Militär-Wocheblatt, Num. 20, den 25 November 1924: „Militärpolitisches aus Sowjetrussland (1 April bis 15 September 1924).

Продолжалось дальнейшее превращение стрелковых дивизий в территориальные. Стрелковых дивизий старого типа сохранилось еще, вероятно, только двадцать восемь, в то время, как число территориальных дивизий возросло приблизительно до 27. В настоящее время наступил, повидимому, некоторый перерыв, чтобы подвести итоги опыта.

Первый сбор переменного состава территориальных дивизий послужил поводом для распространения вздорных слухов о мобилизации.

Общая численность армии (включая морской флот, войска политического управления и переменный состав существующих территориальных дивизий) составляет приблизительно 820.000 человек.

Больших изменений в дислокации не было. Стрелковые дивизии расположены больше по границам, территориальные—больше внутри государства. Точно также слухи о подготовки войны против Румынии до сего времени не подтвердились заметными группировками войск в соответствующем направлении".

Читатель видит, что замечания наших иностранных критиков в общем и целом касаются как отрицательных, так и положительных сторон жизни Красной армии. Чувствуется некоторое, правда весьма небольшое, желание понять сущность армии пролетарской революции, отметить ее особенности и т. д.

Совсем не тот тон и характер носят статьи и заметки, посвященные Красной армии и принадлежащие эпигонам белогвардейского движения. Остановимся на одной из них, хотя и несколько устаревшей, но являющейся наиболее все же значительной. В белградском „Военном сборнике общества ревнителей военных знаний" [1]) весьма известный в старом генеральном штабе автор обстоятельной работы по службе генерального штаба, Н. Н. Головин напечатал большую статью „итогового", так сказать, характера, под заглавием: „Современная война и „красная" вооруженная сила".

Подходя с той же меркой к гражданской войне, с какой к ней подходил ген. Андогский, о стратегических „прогнозах" которого мы говорили выше, Н. Голо-

---

[1]) Военный сборник. Книга 3. 1922 г. Белград. Королевство сербов, хорватов и словенцев, стр. 1—50.

вин рассматривает ее, как нечто, не возбуждающее интереса и внимания. Отсюда — совершенно логичный, с точки зрения автора, вывод:

„До сих пор „классовая организация" Красной армии не имеет еще крещения настоящей войны" (стр. 18).

Н. Головин обстоятельно разъясняет, почему он так думает.

„Условия, в которых протекала русская гражданская война, сильно отличаются от условий „большой войны" как только что минувшей, так и будущей. Малочисленность артиллерии, постоянный недостаток в снарядах и патронах, отвратительное состояние материальной части, все это, вместе взятое, возвращало боевые действия к старым формам XVIII столетия. На полях сражения, в сфере действительного ружейного огня, могли появляться колонны; требования к „индивидуальности" бойца не превышали требований того же XVIII века, когда можно было воевать насильно завербованными солдатами, замурованными в компактные строи и подготовляемыми палками капралов.

Отсутствие стремления к победе в массах бойцов, вследствие неполного сочувствия народных масс и красным и белым, делало бой очень кратковременным. Достаточно было незначительного напряжения огневого боя, чтобы одна из сторон сдавалась в плен или в беспорядке откатывалась назад. Эта постоянная подвижность фронтов придала гражданской войне внешний вид маневренной войны. По существу же это было поочередное бегство одной или другой стороны".

Само собою разумеется, что взгляды автора на значение „классовой организации" и будущее нашей армии отличаются мрачностью и глубоким пессимизмом.

„... в будущей большой войне подобная организация вооруженной силы поведет к грандиозному краху. В лучшем случае, если армии противника окажутся сами плохого качества, „Красная армия", продержится небольшой период времени, пока не будут выбиты коммунисты... Когда же это произойдет, Красная армия уподобится китайским войскам зеленого дракона, бегущим перед горстью организованного на современных началах неприятеля.

Красная армия есть орудие, годное только для гражданской войны[1]).

В этом отношении нельзя не отдать справедливости последовательности большевиков. Они всю возможность своего дальнейшего существования основывают на всемирной социальной революции. Если эта ставка будет бита, то с ней вместе будет бита и Красная армия".

Ну, а что, интересно знать, думает Н. Н. Головин о природе будущих войн? Что если вдруг это будут только гражданские, только классовые войны наряду с войнами колониальными?

С этой точки зрения, т.-е. с точки зрения социальной природы войны мы, например, полагаем, что русско-японская война была последней войной, которую Россия старого режима вела с целью захвата района (Маньчжурия) для торгово-капиталистической или колониальной эксплоатации. Иными словами, русско-японская война была торгово-капиталистическая война. Так называемую „мировую" и „великую", по терминологии Н. Головина, войну, мы считаем войной империалистской с естественным для таковой войны результатом— социалистической революцией в России. Все течет, все изменяется, меняется и социальная природа войны: торгово-капиталистическая сменяется империалистской, последняя—классовой или гражданской войной. И совершенно прав Н. Н. Головин: только для гражданской войны и готовит Советский Союз свою Красную армию. Очень хорошо, если именно для таковой войны армия окажется „годной". Большего мы не хотим.

Посвятив значительное количество страниц доказательству того положения, что современная война представляет не только борьбу людских масс, применяющих в этой борьбе все накопленные средства материальной культуры, но и состязание этих масс в области ума и науки, при чем последняя форма борьбы все больше и больше выдвигается на первое место, автор приходит к следующим, в отношении Советского Союза, „выводам" (стр. 30).

„Обращая теперь свой взор на Россию, находящуюся под игом большевиков, не нужно большой проницательности, чтобы определенно заявить о полной ее

---

[1]) Курсив автора.

несостоятельности вступить в подобного рода борьбу. Разорение, которое внесли коммунисты в промышленность России, служит первым, ярко бросающимся в глаза доказательством. Попытка их обеспечить снабжение армии переводом военной промышленности на „ударное положение“ не выдерживает, конечно, серьезной критики. Подобный прием был годен только в гражданской войне против белых армий, лишенных своей промышленности тыла. Требования большой войны столь велики, что даже прежняя промышленность царской России не могла полностью ответить им. Пришлось в широкой степени пользоваться заказами у союзников и в нейтральных странах. Экономическое разорение, произведенное большевиками, уничтожает и эту возможность для России, но даже если бы она и оставалась, то все-таки вопрос не был бы разрешен. Большевики не могут допустить малейшего проявления свободы мысли, луч света, проникающий в непроглядную тьму лжи и преступления, в которую они погрузили Россию, страшнее для них, чем „интервенция“. Они пробовали создать какую-то свою „пролетарскую“ науку, но нелепость подобной попытки не замедлила сказаться сейчас же. Вынужденное „отступление“ в экономической политике, породившее „нэп“, дало возможность русским гражданам несколько легче дышать в отравленной советской атмосфере. Из корней старой русской науки начали подыматься редкие побеги“... Но... „оставаясь еще у власти — большевики срежут и эти слабые ростки“.

„Наука и большевизм — несовместимы“.

В минувшую мировую войну в борьбе тактических идей, которая велась между французским и немецким командованием, применялись чисто научные методы и приемы. Состязание зимой 1917—1918 г.г. между Людендорфом, разрабатывавшим свою доктрину наступления, и маршалом Петэном, работавшим над тем, как парировать это наступление — свидетельствует неоспоримо, что уже минувшая война вступила на „научный“ путь разрешения своих задач и что этим же путем неминуемо пойдет и будущая война.

„Невольно мысль останавливается на вопросе: способно-ли красное командование к подобной научной работе? — восклицает Н. Головин. — В речах главного

руководителя этой армии все время звучит призыв к такой работе, им же принимаются меры для создания своего красного генерального штаба.

Результаты этой работы можно уже теперь обнаружить. Стоит лишь просмотреть тощие по содержанию, военные журналы Р.С.Ф.С.Р. Общие всем этим писаниям черты резко бросаются в глаза: 1) стремление попасть в тон диктаторов России, 2) незнание и непонимание тех выводов, к которым привел военную науку опыт минувшей европейской войны".

Мы не станем, с своей стороны, останавливать внимание читателя на этих „выводах". Скучно. Надоело. О большей части затронутых вопросов писалось не мало в общей прессе. О способности красного командования к научной работе и вообще о научной работе в Красной армии говорят выше цитированный польский и французские источники. Стоит только сравнить эти отзывы с мнением Н. Н. Головина, чтобы пройти мимо академического высокомерия этого, ныне в некотором роде покойного, профессора.

Германское влияние.

Отзывы и замечания, касающиеся реорганизационных мероприятий в Красной армии не были бы тематически нами исчерпаны, если бы мы не упомянули здесь еще об одном примечательном обстоятельстве, изучение которого составляет предмет особых забот и интереса, главным образом, французских авторов.

Это—так называемое „германское влияние" в деле воссоздания военной мощи Советского Союза. Сообщения на эту тему появляются в самых различных органах французской печати, из которых мы приведем наиболее характерные.

„Эмигрантская пресса — читаем мы в „La Revue Maritime" [1] — сообщает данные, свидетельствующие об увеличении германского влияния в Советской России. Красная армия и Красный флот в техническом отношении находятся в полной зависимости от Германии, которая доставляет им все необходимое. Во всех

[1]) La Revue Maritime 1923, p. p. 707—709.

технических частях крупные должности заняты немцами.

В то же самое время в заинтересованных кругах живо дебатируется вопрос о сближении между Россией, Японией и Германией. В случае, если бы эта комбинация осуществилась, Советская Россия должна дать сырье и людей, Германия—технические силы для фабрик и армии, и Япония—флот.

Возможность осуществления этой комбинации возбуждает беспокойство в прибалтийских государствах, потому что подобный план предусматривает абсолютное порабощение этих государств Советской Россией и Германией. Эстония особенно беспокоится, потому что принадлежащие ей острова в Рижском заливе представляют наилучшую базу для морских сил на Балтийском море и, только получив обладание ими, немцы могут думать о воссоздании своего флота.

В Петрограде и Москве проживает значительное количество немецких офицеров генерального штаба, которые часто носят фальшивые русские имена и русские паспорта".

В официальной военной газете французской армии обработка общественного мнения в этом же направлении производится еще более примитивными способами и приемами. „Факты" приводятся из самых разнообразных областей.

„На территории площадью в 26.000 десятин [1]), которую фирма Круппа получила в качестве концессии в бассейне Донца под предлогом обработки ее тракторами и организации на ней показательных хозяйств, имеются богатейшие залежи каменноугольной руды и несколько металлургических заводов. И вот, из всей площади подверглось культурной обработке тракторами лишь 750 десятин. После этого работы были прекращены, в то время, как германские техники, инструктора и немецкие инженеры продолжают прибывать под именем колонистов.

„На всех орудийных, снарядных и ружейных заводах, точно так же, как и в металлургических предприя-

---

[1]) La France Militaire du 29 avril 1924. Art: „Pour la guerre de revanche".

тиях, как в Европейской России, так и в Сибири, много германских инженеров и техников. Можно предполагать, что под их наблюдением изготовляются орудия, снаряды и оружие".

„Известно, что в настоящее время на тульском оружейном заводе, на путиловском заводе возле Петрограда, на сормовском — возле Нижнего Новгорода, на брянских заводах и хрущевском—под Орлом, на металлургических заводах Пермской губернии и Златоуста на Урале—в полном ходу изготовление оружия, снарядов и орудий, при чем повсюду на этих заводах имеется много германцев.

Советское правительство стремится поставить на ноги фабрики химических продуктов. Проекты его получили уже частичное осуществление в районе Москвы и Богородска, где под руководством немцев изготовляются взрывчатые вещества. Охтенский и Шостенский пороховые заводы восстановлены под наблюдением германцев.

Самый большой в России перегонный завод г. Воронцова-Вельяминова в Нижнем Мальцове Тамбовской губ., который во время великой войны был приспособлен для нужд армии, передан германцам, которые пустили его в ход.

Все или почти все, что осталось от старого балтийского флота, то-есть по меньшей мере один броненосец, два крейсера и несколько миноносцев были переведены в германские порты,—так сказать для ремонта, но имея на борту всю артиллерию. По мнению специалистов, этот флот может быть в очень короткое время приведен в боеспособное состояние.

В европейской России, в ее южных и приволжских губерниях имеется по крайней мере 300.000 немцев-колонистов, сохранивших связь с Германией и не испытывавших лишений в те годы, когда собственно русское население умирало от голода.

Помимо того, много бывших немцев военно-пленных осталось по доброй воле на территории социалистических советских федеративных республик; в 1923 году наблюдался значительный приток германских специалистов, инженеров и техников".

Командный состав армии.

„Высшее командование[1]) является определенно однородным и представляет реальную ценность в разрешении вопросов организации и обучения, благодаря известному количеству бывших офицеров царской армии, входящих еще в его состав. Пополнение его станет все более и более трудным, несмотря на выгоды в смысле карьеры, предоставляемые лучшим офицерам выпускаемым московской военной академией (школа генерального штаба). Из 39 офицеров третьего выпуска, вышедших из академии в августе 1923 г. по окончании трехлетнего курса, и 109 слушателей, принятых в ноябре того же года, более половины действительно происходят из рабочих и крестьян.

Положение, создавшееся в результате исчезновения старого, избранного русского общества не позволяет предвидеть улучшения в ближайшем будущем личного состава генерального штаба.

Комплектование унтер-офицерского состава сталкивается с такими же затруднениями; чтобы избавиться от них, большевистское командование организовало по всей территории многочисленные курсы и школы; несмотря на все его усилия унтер-офицерскому составу недостает общего и профессионального образования.

Кадровый состав молод, благодаря снижению предельного возраста, который установлен в

40 лет для командира полка,
37 лет для командира батальона,
30 лет для ротного командира и
25 лет для взводного командира.

Однако, недостаток в компетентных кадрах столь велик, что соблюдение этих сроков оказалось сразу же невозможным для командного состава в артиллерии, воздушном флоте, инженерных и технических войсках. Равным образом, некоторые офицеры могут быть оставляемы на службе по их просьбе и по достижении предельного возраста.

В начале 1923 г. высший командный состав по своему возрасту распределялся следующим образом:

---

[1]) Revue Militaire Française № 36, 1-er juin 1924, p.p. 418—421. Обзор.

Командиры полков: менее 30 лет—59%, от 30 до 40 лет—39%, более 40 лет—2%.

Командиры дивизий: менее 30 лет — 42%, от 30 до 40 лет—53%, более 40 лет—5%.

Командиры армейских корпусов: менее 30 лет—29%, от 30 до 40 лет—5%, более 40 лет—66%.

Командующие фронтами или округами: менее 30 лет—22%, от 30 до 40 лет—33%, более 40 лет—45%.

Существование во всех ступенях иерархии рядом с командирами военных комиссаров вызывает многочисленные трения.

Связанные с этим неприятности создали в военных сферах течение за уничтожение политсостава с возложением на самих командиров обязанностей по военному обучению и социальному воспитанию. Но, вероятно, большевистское правительство примет это решение лишь в тот день, когда оно сочтет командный состав достаточно надежным и подготовленным с политической точки зрения.

Обучение. Тактические тенденции. Недостаточность профессиональной подготовки кадров проявляется в обучении войск и на маневрах. Высшее командование делает серьезные усилия для улучшения методов обучения; получается впечатление, будто оно стремится предвидеть и регламентировать малейшие детали; может быть это необходимость, скорее же традиционная привычка.

Благодаря климатическим условиям страны, обучение разделяется на два резко различных периода: зимний период и летний.

В течение зимнего периода обучение производится в гарнизонах. В продолжение зимы 1922—1923 г.г. части были преимущественно заняты ознакомлением и изучением свойств так называемой „машинизированной" роты, т.-е. роты, снабженной автоматическим оружием—состоящей из боевых групп.

В летний период 1923 г. обучение происходило в постоянных или временных лагерях сообразно с обычаями, когда-то прочными в царской армии. Оно состояло в обучении владению оружием, стрельбе, в комбинированном обучении всех родов войск и больших маневрах; самые важные из них, в которых при-

нимало участие два армейских или кавалерийских корпуса, развернулись в московском округе, на западном фронте и на Украине.

Во время маневров большевистское командование применяло свои новые идеи о применении войск, являющиеся результатом предпринятого изучения западных армий и учитывающие рост огневых средств различного оружия".

Такова французская оценка командного состава Красной армии. Что бы о ней ни говорить—она во всех отношениях типична для французской военной мысли.

Характеристика отдельных родов войск.

Пехота [1]).

„Существующая ныне в России организация пехотных единиц свидетельствует, что большевики в полной мере считаются с опытом мировой войны.

В этой организации мы видим уже полное применение разделения малых единиц на единицы огня и движения. В пехотной роте,—самой малой единицей, вмещающей в себе элементы движения и огня, является взвод, состоящий из одного звена легких пулеметов (огня) и двух звеньев пехоты (движения).

На своем пути к окончательному проведению в жизнь подобной организации большевики наталкиваются на серьезные трудности материального характера и прежде всего на недостаток автоматического оружия".

Артиллерия [1]).

„Понимая всю важность артиллерии, которая в период последней войны приобрела первенствующее значение, большевики приступили к коренной реорганизации этого рода войск. В основу реорганизации артиллерии, как и вообще всех вооруженных сил, был положен принцип организации французской армии...

Создание, вернее реорганизация артиллерийских частей на новых началах, систематически встречает на своем пути ряд затруднений технического характера,

---

[1]) Organizacja sil zbrothich S. S. S. R. w crasil pokoju. Перев. Б. В. Петрусевич. Стр. 49, 54 польского текста.

как разнородность артиллерийской материальной части, недостаток обученного состава,—тем не менее упорная работа в этой области дает ощутительные результаты".

Кавалерия [1]).

„С момента окончания войны большевики неизменно проявляют большую настойчивость в организации своей кавалерии, которая во время войны оказалась для них по существу самостоятельным родом войск, способным к самостоятельному выполнению с решающими результатами трудных и широких задач. Помимо того, кавалерия являлась и будет являться прекрасным средством для ведения ближайшей и дальней разведки.

По своему назначению большевистская кавалерия подразделяется на кавалерию самостоятельную и дивизионную".

„Кавалерия [2]) все еще рассматривается, как элемент маневра, сообразно природе возможных театров операций в восточной Европе. Поэтому она относительно многочисленна в мирное время — одна кавалерийская дивизия на три-четыре дивизии пехоты.

По той же причине большевистское командование не усваивает идей, принятых за границей, о способах применения и боевого использования кавалерии. Оно думает, что двухдивизионный кавалерийский корпус представляет нормальное стратегическое соединение и предусматривает его усиление гаубичной артиллерией, авиацией и бронечастями. Оно признает, что конница должна участвовать в сражении, спешившись, лишь тогда, когда выполнение задачи невозможно в конном строю.

Командование предвидит операции партизанских отрядов на тылах противника и интенсивное применение пропаганды до и во время операций".

„Красные [3]) имеют теперь пятнадцать кавалерийских дивизий и семь отдельных кавалерийских бригад, каж-

---

[1]) Organizacja sil zbrothich S.S.S.R w cvasil pokoju. Перев. Б. В. Петрусевич. Стр. 49, 54 польского текста.

[2]) Revue Militaire Française № 36, 1-er juin 1924, p. p. 418—421, Обзор.

[3]) The Times, June 6, 1923; ст. спец. корреспондента из Москвы «Red Army and its Leaders».

дая бригада имеет приблизительно 3.000 чел. с четырьмя орудиями, 48 тяжелыми пулеметами и 48 легкими пулеметами. Предполагается, что кавалерия должна быть готовой для действия через 24 часа после мобилизации.

Большевики вооружают теперь свои войска замечательно легким и сильным пулеметом сист. Федорова, который был изобретен одним русским по фамилии Федоров, еще в царское время, но никогда не изготовлялся в широком размере. Технические затруднения препятствуют сейчас быстрой выработке и до сих пор было изготовлено приблизительно лишь сто штук этих пулеметов.

Один офицер Красной армии изобрел также несколько лет тому назад новый вид танка, способного передвигаться по железной дороге и целиной, и говорили, что недавно на один из московских заводов прибыли от Круппа три немца, чтобы помочь в изготовлении этой новой машины, но с отвращением покинули этот завод, благодаря беспорядку и отсутствию на нем дисциплины".

Служба „химической обороны".

„Все окраинные государства чрезвычайно беспокоятся по поводу одного пункта большевистской программы, а именно—вырабатывают ли красные химики ядовитый газ. Соединение германского уменья с большевистской жестокостью было бы ужасным союзом, особенно в виду территориальной недоступности России и предполагаемого развития Красного воздушного флота. Чтобы приоткрыть покрывало, наброшенное красными на эту тайну, десятки тайных агентов, посланных поляками, эстонцами и латышами, рисковали своею жизнью в продолжение последних 12 месяцев и большая часть из них поплатилась своей головой.

Однако, скрываемая под покрывалом тайна представляет мало значения, подобно многим другим тайнам, столь ревниво охраняемым большевиками. Газовая и противогазовая служба тщательно организованы в Красной армии под названием химической обороны и главное управление этой службой находится при начальнике артиллерии главной квартиры в Москве. В каж-

дом военном округе имеется отделение химической обороны при окружном артиллерийском управлении и такие же отделения существуют в дивизионных, бригадных и полковых штабах. На бумаге вся программа удивительна. Даны самые точные пространные директивы в отношении опытов, производства и обучения; но на практике количество опытов невелико; производство газа в широком масштабе не поддерживается; мало инструкторов, да и эти инструктора небрежны. Здесь, как и в других областях, отсутствие технического материала препятствует большевикам сделаться столь вредными, как они того хотели; а их подозрительность в отношении иностранных шпионов мешала им до сих пор прибегнуть к помощи германских экспертов".

Общее материальное положение.

„Оно улучшилось [1]) в течение 1922 г. и 1923 г., хотя в этом отношенин остается еще много сделать.

Обмундирование сделалось более однообразным; люди не имеют более того вида оборванцев, который они так долго собой являли, даже в крупных городах; однако состояние обуви остается неудовлетворительным.

Пищевое довольствие войск обеспечивается аккуратно и имеют место лишь редкие жалобы; питание лошадей улучшилось не так заметно.

Состояние казарм всегда вызывает многочисленные критические замечания".

„Любопытна система [2]), посредством которой коммунистические организации, правительственные учреждения, фабрики, тресты, большевистские бойскауты и т. д. становятся шефами или патронами полков, помогая таким образом государственному казначейству; тем не менее офицеры в Красной армии очень дурно оплачиваются. Некоторые германские летчики также жаловались мне, что их оклады были до смешного малы.

Это указывает на недостаток денег у правительства, а недостаток средств является результатом эконо-

---

[1]) Revue Militaire Française № 36, 1-er juin 1924, p. p. 418—421. Обзор.

[2]) The Times, June 6, 1923; ст. «Red Army and its Leaders».

мического банкротства советов; экономическое же банкротство означает крах Красной армии, ибо современные армии очень дорого стоют. Советы могут собрать бесчисленное количество солдат с обширных русских равнин, но они не в состоянии их вооружать и имеют только 20.000.000 золотых рублей в своем казначействе. Так как это является фактом, все грандиозные планы вторжения в пограничное государство, имеющиеся в отделениях красного военного министерства, не стоят той бумаги, на которой они написаны. Один грандиозный план говорит о вторжении кавалерийских орд в пределы Польши и Румынии, в надежде, что коммунисты этих стран присоединятся к завоевателям; но последняя польская война показала, что это основано на недоразумении. Кроме того, дурное состояние железных дорог помешало бы быстрой мобилизации. Это очень важный пункт, но я не имею места входить в его рассмотрение.

Я могу также отметить, что нельзя судить о Красной армии по войскам Москвы или Петрограда, или по декретам и проектам реорганизации, о которых я говорил выше. Части в Москве и Петрограде хорошо питаются, хорошо одеты и снабжены и хорошо дисциплинированы, но в других местах они обладают меньшей боеспособностью, живут в разрушенных казармах и дурно одеты".

Милиционная система.

„Огромное население России [1]), благодаря обязательности для всех граждан военной службы, предоставляет ежегодно в распоряжение большевистского правительства минимум 800.000 молодых людей призывного контингента. Напротив, весьма посредственное финансовое положение не позволяет ему держать под знаменами значительный состав: в 1923 г. Красная армия была доведена, в круглых цифрах, до 600.000 едоков.

Народный комиссар по военным делам Троцкий решил преобразовать часть армии в милиционные части

---

[1]) La France Militaire, 18 Janvier 1924, № 11703. Art. «Transformation en milices d'une partie de l'armée bolchevique russe».

и в июне 1923 г. объявил, что пятая часть пехотных дивизий должна была проделать этот опыт. Одиннадцать дивизий (из общего числа пятидесяти двух существующих), таким образом преобразованных, получили название территориальных дивизий. Они сохраняют полностью свои постоянные кадры.

Но прежде чем входить в рассмотрение существа вопроса, необходимо указать, что, чтобы сделать опыт более легким, декрет от 8 августа 1923 г., вместе с организацией территориальных дивизий, определяет порядок военной подготовки трудящихся".

Описав далее, в чем должна заключаться военная подготовка населения по годам: сначала в стенах школы, затем 16—17 летних, 18—19 летних и, наконец, 20 и 21 года,—газета переходит к критике плана военной подготовки.

„Не предрешая вопроса о том, что даст подобная организация в стране, в которой народ сделался столь глубоко недисциплинированным, сколь это свойственно сейчас народу русскому,—подчеркнем все-таки те огромные трудности, с которыми столкнется практика проведения военной подготовки.

„Прежде всего школа. Наши читатели припомнят, может быть, большевистские признания, которые мы здесь цитировали, по поводу жалкого состояния системы школьного образования: учителя покидают свою профессию, потому что она не может их прокормить, количество школ всякого рода и школьное население в начале 1923 г. уменьшилось на одну треть против цифр, и без того мало удовлетворительных до революционного времени. Военная подготовка в школе затронет, таким образом, мало детей даже в городах и еще меньше в деревнях. Каким образом, затем, обучающие, которые в этом отношении не получили никакого инструктирования, сумеют преподать с достаточной компетентностью это обучение, представляющееся для них совершенно новым.

„Что касается военной подготовки в собственном смысле этого слова, то таковая должна даваться постоянным составом территориальных дивизий, разбросанных с этой целью в различных местностях.

„Соответствующие программы уже есть или только будут установлены генеральным штабом Красной армии.

Тут предстоят тоже трудности, которые надо предвидеть. Эти маленькие группы инструкторов, предоставленных самим себе, с учебником в руке, затерянные среди русских равнин — будут ли они в действительности обладать необходимой компетенцией? Можно, без недоброжелательства, оставаться скептиком в этом отношении, раз знаешь, что стоили методы обучения русской армии—устарелые, книжные, схематичные, убивающие всякую инициативу. Более того, как и в какой мере крестьяне сумеют примениться к этим сложным условиям, осуществление которых возможно только в хорошее время года, т. е. в период полевых работ, и которые по одному тому будут стеснительны. Самое меньшее, что можно сказать, это то, что они будут причиной увеличения недовольства среди крестьян, и без того мало симпатизирующих большевистскому режиму".

Советский воздушный флот и авиопромышленность.

„Красная Россия [1]) занята сейчас тем, чтобы повысить среди рабочих и крестьян интерес к своему воздушному флоту. Не проходит дня, чтобы официальные и официозные органы советской прессы не обращали внимание на важность этого вопроса с двух точек зрения—с точки зрения национальной обороны и коммерческих взаимоотношений.

С 24 июня по 1 июля по всей стране была организована неделя воздушного флота. Интенсивная пропаганда была организована заботами специального комитета. Там, где, благодаря разбросанности населения, нельзя было провести собраний, она осуществлялась путем афиш и циркуляров... Эта пропаганда имела полный успех. Заводы, группы рабочих, советские служащие, учреждения подписываются на большие суммы для покупки или постройки аэропланов своего имени.

В настоящее время, в ожидании тех 10.000 аэропланов, которые комитет обороны, находящийся под председательством Троцкого, решил дать России 1924 г.. построив их на 23 фабриках, существовавших в 1914 г.;—из этих фабрик существует не более пяти,

---

[1]) La Révue Maritime. Novembre 1923, p.p. 707—709.

работающих: две—в Москве, одна—в Петрограде, одна—в Пензе и одна—в Одессе.

Несколько единичных фабрик изготовляют части аэропланов. Так, в Москве два завода могут выпустить в месяц дюжину моторов Rhone или Salmson, завод Дюа (Dua) выпускает десяток моторов Hispano-Suiza.

Повидимому, в этих условиях будет трудно выполнить подобную программу в такой короткий срок. Советам останется только возможность купить их заграницей. Повидимому, Англия и Италия, не говоря о Германии, уже продали им несколько сотен в течение последних двух лет.

Кроме недостатка оборудования и технических средств, будет еще, повидимому, чувствоваться недостаток в снабжении горючим. Наконец, что является особенно важным—в несколько дней нельзя создать армию пилотов и механиков в тех четырех школах, которые существуют в России.

Германцы не желали бы большего, чем занять свои старые позиции. Однако, вопреки всему тому, что говорилось по этому поводу, у большевиков, повидимому, не больше полсотни немцев в их авиационных школах, работающих частью в качестве механиков, частью инструкторов. Военные летчики все русские и, вообще говоря, принадлежат к кадрам старой армии.

„Army and Navy Air Force Gasette" сообщает следующие данные о современном состоянии русской авиации.

Красный воздушный флот имеет около 400 пригодных для полетов аэропланов. Из 36 захваченных—20 приданы полевой артиллерии, 10— береговой артиллерии, 6—бронепоездам. Количество дирижаблей очень ограничено. Троцкий настаивает на том, чтобы в течение трех лет довести число аэропланов до трех тысяч.

„Чтобы обеспечить привлечение в авиацию наиболее способных людей—условия службы в ней гораздо более удовлетворительны, чем в других родах войск. Однако, они много хуже, чем условия такой же службы в других государствах.

„Не упускают из вида необходимость защищать важные центры России от воздушных атак. С этой целью организованы специальные отряды противоаэро-

планной обороны, установлены группы прожекторов и для защиты Петрограда, Кронштадта и Шлиссельбурга установлены специальные „зоны обороны". Представляется вероятным, что такие же приготовления будут сделаны и в других местах."

Примерно то же самое освещение вопроса мы находим в официальной военной газете Франции; разница лишь в том, что общая постановка его больше заострена в сторону Германии. Легкая провокация в смысле изобретательности в создании мобилизационных запасов и их сохранении задевает одинаково как Германию, так и Советский Союз.

„Союз Социалистических Советских Республик [1]) покупает в настоящее время в Швеции, Норвегии, в Италии и Англии аэропланы, которые группами от 20 до 200 аппаратов перевозятся в Россию через эстонскую и латвийскую границу. Во второй половине 1923 г. и в январе 1924 г. по крайней мере 2000 аппаратов перешли таким образом границу.

Помимо того, было построено большое количество аэропланов и моторов на территории Социалистического Союза Советских Республик на специально приспособленных для подобной работы заводах, имеющихся в Москве, Петрограде, в Рыбинске и Харькове, обслуживающий персонал которых состоит почти исключительно из германцев.

Все эти заводы тщательно охраняются войсковыми частями, принадлежащими к так называемым войскам „специального назначения". Вход на них безусловно воспрещается для всех, кто там не работает. Самый большой такой завод находится в Москве, возле Дорогомиловской заставы. Весь персонал его—немецкий, без всякого исключения.

Было отмечено, что иногда по ночам во дворе завода на вагоны окружной железной дороги грузятся большие и тяжелые ящики.

Необходимо отметить, что большая часть ящиков, содержащих части аэропланов, не распаковывается после их прибытия на территорию Социалистических Советских Республик, а остается на складах в нетронутом виде".

---

[1]) La France Militaire du 29 avril 1924. Art. „Pour la guerre de revanche".

В цитированной выше работе II отдела польского генерального штаба „Организация вооруженных сил С.С.С.Р." заслуживают внимания строки, посвященные характеристике советской авиапромышленности. По мнению поляков, „авиапромышленность С.С.С.Р. в течение последних трех лет, благодаря интенсивной работе советов, крупной помощи немецкого капитала и технических специалистов, а также уяснения существенного значения авиации общественностью, — сделала крупные достижения. Промышленность эта до сего времени не достигла еще широких расмеров строительства собственных (своих) самолетов и моторов, однако произведенные в этом направлении усилия дали уже вполне реальные результаты.

В течение последних трех лет русская авиапромышленность развилась до такой степени, что верховные власти С.С.С.Р. предвидят возможность достижения в 1924 г. производительности 1916 г.; остальные же потребности предполагается покрыть путем заграничных закупок.

Не следует думать, что русская авиапромышленность основывает свое производство на сырье своей страны, которое на месте перерабатывается в полуфабрикаты,— наоборот, громадное большинство авиафабрик основывает свое производство на полуфабрикатах, импортируемых из-заграницы и прежде всего из Германии.

Что касается моторов, то русская промышленность их почти не производит и в своем развитии проявляет наименьшие тенденции в этом направлении; это дает возможность предполагать, что еще в течение нескольких лет моторы будут получаться из-заграницы".

„Современный состав советского воздушного флота определяется цифрой в 1.200—1.500 аппаратов".

Мы позволим себе привести здесь еще несколько цитат из статьи Л. И. в Беллоне „Большевистская авиация" [1]), по времени хотя несколько и устаревшей, но сохранившей по существу значение данной в ней оценки. Останавливаясь на организации главного управления воздушного флота, автор высказывает следующие соображения:

---

[1]) Bellona, июль 1922, стр. 79.

„В общем организация гл. упр. воздушного флота детально продумана. Однако, можно отметить слишком большое количество отделов и раздробление функций. Но, несмотря на эти недостатки, административный аппарат может справиться со всеми требованиями текущего момента".

Далее, говоря об авиашколах, автор пишет: „Наилучшим образом поставлено дело в московской школе, где начальник школы—коммунист Левин"... „Остальные школы одорудованы вообще много хуже; они располагают только четвертой частью количества самолетов по сравнению с московской школой".

Затем говорит о самом авиафлоте: „Главным неудобством эксплоатации красного воздушного флота является множество различных типов самолетов" и „одной из главных причин, задерживающих развитие большевистской авиации, служит недостаток горючих материалов. Из-за недостатка бензина большевики употребляют смесь керосина и спирта, которая, однако, не обладает достаточной горючестью и двигательной силой".

Автор заканчивает статью следующими словами: „Последние месяцы показывают значительное улучшение большевистского воздушного флота; на это повлияли некоторые закупки за-границей и помощь Германии. Несомненно, что аэропланы, идущие из-заграницы, в значительной степени поднимут в техническом отношении большевистскую авиацию и заполнят существующие прорехи".

„В общем следует отметить большую заинтересованность авиацией высших большевистских сфер". „Россия в настоящее время приступила к реорганизации своей армии на европейский лад. Увеличение материальных средств и систематические усилия дают уже теперь ощутительные результаты".

Наконец, из частных вопросов интересующей нас темы остановимся на двух:

В отзыве о книжке Г. Г. Столярского. „Применение гидроавиации для совместных действий с речной военной флотилией" неизвестный автор пишет [1]): „Применение гидропланов на реках следует признать оригинальной и новой мыслью; это служит одним из доказательств

---

[1]) Беллона, август 1922 г., стр. 221.

того, что большевики основательно использовали возможности авиации и стараются приспособить ее в разнообразных целях".

И другой вопрос--воздухоплавание:

Капитан Адам Стебловский в своем отзыве о книге М. Д. Анощенко—„Тактика привязного воздухоплавания"—говорит: [1]) „Во всей работе нет ни одного расхождения с господствующей в этой области (тактика привязного воздухоплавания) доктриной немецких и французских уставов. Это служит доказательством того, что большевики наилучшим образом использовали опыт войны в этой области воздухоплавания".

Чтобы закончить рассмотрение вопроса о воздушном флоте Советского Союза, приведем выдержку, содержащую несколько мыслей по поводу развития в Союзе коммерческой авиации.

Во всех отношениях,—они очень поучительны!

„Среди стран,—читаем мы в передовой статье „La France Militaire",—в которых коммерческая авиация имеет больше всего оснований для плодотворного развития, следует упомянуть Россию, благодаря значительным расстояниям, которые в ней приходится преодолевать, недостатку дорог и железно-дорожных путей. Русская промышленность в ее современном дезорганизованном состоянии содержит мало условий для развития авиации, которое требует одновременно и капиталов и метода и очень искусного руководства; но самая страна, благодаря отсутствию гор и своим необозримым равнинам, не представляет материальных препятствий, и Россия, на своей собственной территории, располагает по существу необходимыми рессурсами.

Вполне, таким образом, логично, что коммерческая авиация развивается в России, и не менее логично, что Германия, владеющая заводами, располагающая техниками и пилотами, стремится овладеть этой областью, преследуя как коммерческие выгоды, так и военные цели: создание флота большой грузоподъемности с большим радиусом действия, который бы, в случае войны, доставил ей ее бомбардировочные эскадрильи и летчиков; углубленное ознакомление с некоторыми театрами военных действий, которые могут

---

[1]) Bellona, август 1922 г., стр. 219.

интересовать Германию; прочную связь с Россией, нейтральной или поддерживающей через Польшу или балтийские страны союзную связь.

Фактически мы видим,—говорит газета—что русские национальные усилия в отношении авиации почти равны нулю. „Добролет“ на 10 августа прошлого (1923—К. С.) года располагал только 9 аппаратами, — да и то „Юнкерса“, „германской марки“.

Рассмотрев далее программу линий воздушного сообщения, одобренную „русским правительством“ и опубликованную в „Известиях“ от 25 октября газета резюмирует:

„Мы советуем нашим английским друзьям подумать над этим развитием германской авиации на русской территории и над последствиями, которые могут, в связи с этим, вытекать для английской дипломатии в Азии.

Туркестанские линии в частности могут оказаться очень заманчивой приманкой в сношениях с Афганистаном, сообщения которого могли бы сделаться зараз и быстрыми и освобожденными от контроля Индии. Они задумаются над этим еще больше и с большими результатами, если припомнят к счастью впрочем неудавшиеся германские интриги в Афганистане во время великой войны“.

Заключение.

Наконец, в заключение, нельзя не остановиться на излюбленной теме зарубежных авторов,—это на так называемом алармизме республики советов, на „красном империализме“ и на „завоевательных планах большевиков“. Наши враги, подавленные непонятными для них успехами революционного оружия, особенно тревожно чувствовали себя непосредственно после окончания гражданской войны. Так, в 1921 году, в уже цитированном нами докладе [1]) существование алармистских тенденций советской республики, „подтверждалось“ многочисленными „доказательствами“: цитатой из речи Л. Д. Троцкого „в Одессе, в сентябре на всероссийском совещании губженотделов“, приказом революционного военного совета республики от 12 сентября 1921 г., выдержками из „одного радио, посланного в сентябре“, данными о пропаганде в частях, „распространявшей сведения о намерении Польши и Румынии напасть на Россию“.

На примерах этой пропаганды стоит и теперь остановиться:

„Так, например, в Каменец-Подольске были расклеены плакаты, на которых изображался Днестр, на правом его берегу—женщина, скованная цепями, по левой стороне другая женщина с красным знаменем и надписью: „вперед за Бессарабию для освобождения сестры Бессарабии“.

В Киеве среди красноармейцев происходят разговоры: „ну что ж у нас теперь голод, будем есть галицийский хлеб“. Кавалеристы дивизии Катовского распевают песенку: „мы покончили с Крымом, Крымом—Бессарабию возьмем с дымом, с дымом“.

---

[1]) Сводка сведений о Красной армии, от 28 декабря 1921 г. № 164.

Выводы доклада носили, конечно, устрашающий для Запада характер.

„Бешеная агитация, бряцание оружием и хвастливые заявления вождей Красной армии наводят на мысль, что „военная партия" стремится во что бы то ни стало вновь привлечь внимание, интерес и средства правительства и партии к Красной армии. Возможно, что при этом сторонникам активной политики нечужда цель вызвать военный конфликт с западными соседями искусственно и вопреки желанию большинства партии, по тому шаблону, который уже применялся не раз (например с Грузией)".

Мы привели эту выдержку, как иллюстрацию того материала, каким располагали и пользовались наши противники, чтобы „доказать" этот „алармизм", „империализм" и пр. Муссирование и раздувание сведений подобного характера имело место и в годы гражданской войны и особенно после, в годы мирного строительства. Разница заключалась лишь в том, что, если тогда этим занимались полу-признанные, полу-непризнанные иностранными правительствами белогвардейские организации, то в последние годы на этом занятии специализировались министерства иностранных дел Англии, Франции, Польши—короче, подавляющего большинства буржуазных правительств старого и нового света.

Если, читая в свое время белые листки, а ныне дипломатические ноты, попытаться стать на точку зрения их составителей и, без критики, принять на веру богатейший ассортимент их „доказательств", соображений, фактов, фантазии и лжи,—можно подумать, что вспыхнувшая на берегах Невы пролетарская революция уже с момента захвата власти пролетариатом, располагала огромными средствами и неограниченными возможностями для организации гражданской войны в России и дальнейшего наступления за пределы бывшей империи.

Но увы!.. Как далеко было это во всех отношениях лестное для русского пролетариата представление от подлинной действительности истекшего семилетия!

В истории революций мы не знаем примера, когда бы восставший класс на другой день после захвата власти или даже в момент революционного взрыва оказывался в столь необычайно неблагоприятных условиях, в столь исключительном по трудности положении—не

для наступления, не для захватов, а лишь для самообороны и защиты пролетарской власти.

Так называемая „великая", „мировая", „освободительная"—и какими еще эпитетами ее ни наделяли—война, в которую русская буржуазия ввязалась с беспримерным легкомыслием довремени состарившегося и одряхлевшего класса, своим трагическим финалом наложила последние краски на общий темный фон эпохи ее кратковременного в истории России господства. Пролетариат, взявший в свои руки государственную власть, оказался без армии, которая рухнула, развалилась, рассыпалась на глазах помещичье-буржуазной России вместе с отжившим строем. Но армия старого режима не только рассыпалась—она почти накануне Октябрьской революции отдала все сосредоточенное в прифронтовой полосе военное имущество германцам, которые одновременным по всему своему фронту наступлением на глубину 20—30 километров захватили столько материальных ценностей, что учесть их никогда не представится возможным... Красная гвардия и первые отряды Красной армии вступали в борьбу, вооруженные берданками, расстрелянными трехлинейками, часто лишенные почти всех видов материального снабжения. Армия революции вела гражданскую войну—разутая, раздетая, голодная и невооруженная. Какие жертвы, какие потери должна была она нести!..

А так называемая разруха—понятие, которое ныне, на восьмом году революции, когда пишутся эти строки, уже вышло из разговорного языка и жизненного обихода?.. XVIII столетие оставило своим потомкам территорию, разделенную на 35 губерний. На рубеже XX века административный талант дворянско-буржуазной верхушки превратил эти губернии в 35 самостоятельных государств, чуть что не разделенных таможенными барьерами; в области народно-хозяйственной мы возвратились к эпохе натурального хозяйства; в отношении транспорта, идя назад, почти подошли к временам Николая I... И, естественно, лишь базируясь на местные средства, при помощи реквизиций и конфискаций, в состоянии была Красная армия вести гражданскую войну.

При этих условиях внутреннего положения государства, при колоссальном обнищании трудящихся и мас-

совом товарном голоде, „союзническая“ блокада должна была иметь гибельнейшие последствия, отнимая, в условиях войны, казалось бы, всякую возможность промышленно-экономического развития и возрождения страны.

Наконец, теперь как-то забывается, в каком глубоком одиночестве оставался рабочий класс России первые два-три года революции: открытый саботаж интеллигенции, шатание крестьянства, вооруженная борьба с казачеством...

Ренан как-то сказал: „Определенный режим может оказаться благодетельным только по прошествии десяти или пятнадцати лет“. Прошло лишь семь лет—но мы уже имеем основания повторить эту мысль, в приложении к советской действительности. Дорогой ценой завоевана была независимость республики трудящихся, тяжкие жертвы и лишения выпали на долю отстаивавшей эту независимость рабоче-крестьянской Красной армии; и не „аларм изм“ или „красный империализм“, а естественное чувство самосохранения обусловило эти жертвы и эти лишения. То же чувство самосохранения самыми прочными политическими и экономическими узами связывает мировое рабочее движение с судьбами Советского Союза, а каждый шаг вперед, всякое достижение мирового пролетариата укрепляет нас морально, увеличивая шансы общего успеха и приближая день победы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

Газеты.

1918 г.

1. Вестник Верховного Управления Северной области. Архангельск. №№ 1—34, 36—45 (10 августа - 9 окт.).
2. Вестник Временного Правительства Северной области. Архангельск. №№ 1—55, 57—65 (10 окт.- 31 дек.).
3. Военные Ведомости. Изд. Отдельной дивизии особого назначения. Новониколаевск. №№ 1—32 (21 нояб.—31 дек.).
4. Русская Армия. Изд. Информационного отдела Штаба верховного главнокомандующего. Омск. № 22 от 15 дек.
5. Отечественные Ведомости. Орган национальной и государственной мысли. Екатеринбург. №№ 1, 9, 32—33, 40, 42 (8 окт.—31 дек.).
6. Вестник Штаба юго-западной армии (ген.-лейт. Дутова). Оренбург. №№ 27—32, 34—44, 46—51 (6 нояб.—31 дек.).
7. Оренбургский казачий вестник. Изд. войскового правительства. Оренбург. №№ 40—136.
8. Оперативная сводка Штаба верховного главнокомандующего. Тара. № 13 (от 28 нояб.—11 дек.), № 15—17, 18 (от 10—23 дек.).
9. Известия отряда чешско-словацких войск. Иркутск. №№ 1, 4—5, 6 (14 июля—5 авг.).
10. Известия войск восточного фронта. Иркутск. № 1 от 26 авг. (Продолжение предыдущей, таким образом переименованной газеты).
11. Киевская Мысль. Киев. (Комплект за год).
12. Вольный Дон. Вестник войскового правительства. Новочеркасск №№ 2, 4, 17, 22.
13. Киевлянин. Киев. № 3.
14. Вечернее Время. Новочеркасск. №№ 6—42, 44—147, 149—160.
15. Часовой. Новочеркасск. №№ 45—51, 54, 64—67, 69—70 (24 окт.—23 ноября).

1919 г.

16. Русская Армия. Омск. №№ 117, 164, 166, 189, 195, 210, № от 4 окт., 230, 244 (6 июня—9 ноября).
17. Наша Армия. Омск. №№ 1, 2, 4, 6—30, 31 (24 сент.—31 окт.).
18. Бюллетень Осведомительного Отдела Штаба верховного главнокомандующего. Омск. №№ 1, 2—37, 39—43, 45—69, 71—92, 108, 115, 117, 123, 124, 127 (20 июня—8 ноября).
19. Отечественные Ведомости. Екатеринбург. №№ 1—146 (1 янв.—10 июля).

20. Военный Вестник. Под ред-цией Штаба Приамурского воен. окр. Владивосток. №№ 1–3, 5—12, 14, 15, 17, 19, 29, 33, 34 (18 авг.–25 дек.).
21. Сибирский Стрелок. Челябинск. №№ 1—43, 49—51 (1 января—4/22 июня).
22. Военные Ведомости. Новониколаевск. №№ 33—44, 46—51, 53–61, 64, 71, 72, 74; 78—120, 122—126, 128—170, 172—191, 193–213 (1 янв.—24 авг.).
23. Вестник Временного Правительства Северной области. Архангельск. №№ 1—8, 11—18, 21, 23–28, 30–51, 53–72, 78—236, 238, 255—258, 262–265, 268—270, 274—276, 288 (1 янв.—27 дек.).
24. Вестник Северной армии. Нарва. №№ 2, 3, 4, 13 (24 июня—8 июля).
25. Вестник Северо-западной армии. (Продолжение предыдущей). Нарва. №№ 14—17, 22. 25—27, 29, 36, 37, 63, 99, 101, 103, 106, 111, 132 (9 июля—29 ноября).
26. Вестник Донской армии. Изд. Штаба Донской армии. №№ 17, 18, 63, 79 (22 сент.—12 дек.).
27. Голос Руси. Изд. Отвага. Царицын. №№ 2, 4, 7, 9—12, 14–18, 20, 21. 23, 25—27, 29, 33, 36, 41, 43, 45, 47—51, 53, 59. 60, 62—68, 70, 73—75, 77, 78. 82, 83. 85, 86, 88. 89, 91—93, 96. 97.
28. Вестник Донской армии. №№ 17, 18. 63, 79 (22 сент.—12 дек.),
29. Великая Россия. Ростов-на-Дону. №№ 117, 125, 131, 337, 345, 347, 353, 357, 358, 367—369, 371, 373, 375 (19 янв.—24 дек.).
30. Родина. Харьков. №№ 9—118, 119 (5 июля—16 ноября).

Непериодические издания.

31. „Возрождение русской армии". Составлено по оффициальным данным. Изд. Бюро печати в Константинополе. 1920.
32. Ген. А. К. Кельчевский. Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской гражданской войне. Константинополь. 1920.
33. Г. Н. Раковский. В стане белых (от Орла до Новороссийска). Константинополь. 1920.
34. Ген. Денисов. Записки. Гражданская война на юге России 1918—1920. Константинополь. 1921.
35. „Военный Сборник о-ва ревнителей военных знаний". Кн. I. Белград. 1921.
36. В. ф.-Дрейер. „Крестный путь во имя родины". Двухлетняя война красного Севера с белым Югом. 1918—1920 г.г. Берлин-Шарлоттенбург. 1921.
37. А. П. Родзянко. Воспоминания о северо-западной армии. Берлин. 1921.
38. Ген. штаба полк. Добрынин. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917—март 1920. Прага 1921.
39. Г. Кирдецов. У ворот Петрограда (1919—1920). Берлин. 1921.
40–41. Г. К. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920. Т.т. I и II. Изд. о-ва возрождения России. Пекин 1921.
42. Н. И. Иванов. О событиях под Петроградом в 1919 г. „Архив гражданской войны". Вып. I. Изд-во „Русское творчество". Берлин. (Год не указан). Стр. 175.

43—44. Ген. А. С. Лукомский. Воспоминания. Т.т. I и II. Кн-во О. Кирхнер. Берлин. 1922.
45—47. Ген. А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. I, вып. I и II, Т. II. Борьба ген. Корнилова. 1922. Т. III. Белое движение и борьба добровольческой армии. Кн-во „Слово". Берлин. 1924.
48—57. „Архив русской революции", издаваемый И. В. Гессеном. Берлин. 1922 год и последующие. Т.т. I, II, III, VI, VIII, IX, X, XII, XIII, XV. 1924 г.
58. С. М. Устинов. Записки начальника контр-разведки. (1915—1920). Берлин. 1923.
59. П. ф. Врангель. Начертание зверя. Берлин. 1923.
60. П. Аршинов. История махновского движения 1918—1921 г.г. Берлин. 1923.
61. Я. Слащев. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. Гос. изд-во. 1924.
62. „Военный Сборник". Кн. 3. 1922. Белград.

Иностранные источники.

1. Bellona. 1921. Zesz 4—V.
2. „ 1921. Zesz 8—V.
3—5. Bellona. 1922. Tom VI. Zesz 1, 2, 3. Tom VII. Zesz 1, 2, 3. Tom VIII. Zesz 1 и 2.
6. Temps № от 3 мая 1922 г.; ст. „L'armée rouge".
7. Temps № от 12 мая 1922 г. ст. „L'armée rouge".
8. Temps № от 11 июня 1922 г. ст. „L'armée russe 1914—1917".
9—10. Revue Militaire Française 1922. № 13 1-er Juillet, № 14—1-er Août: Maur. Fournier „L'armée rouge bolchevique".
11. Daily News. № от 29 августа 1922 г. ст. „Красная армия России".
12. Frankfurter Zeitung. № от 4 октября 1922.
13. Prager Presse. № 287 от 18 октября 1922 г. Ст. д-ра Э. Гурвича.
14. Gén. Serrigny. Réflexions sur l'art de la guerre.
15—16. Revue Militaire Française. 1923. № 21 1-er mars, № 22, 1-er avril: Maur Fournier „La Russie au debut de 1923".
17—22. Revue de Cavalerie. 1923.
23. Подполк. Ф. Артишевский. Бои 18 пех. дивизии с конной армией Буденного. Варшава. 1923.
24—25. Revue Militaire Française 1924 № 35—1-er mai, № 36 1-er juin.
26. Temps № от 19 апреля 1924 г.
27. „Orqanizacja sil zbrotnych S.S.S.R. w crasil pokoju". Opracowal Oddziol II Sztabu Generalnego, Warszawa. 1924.
28. Militär-Wochenblatt, Num 20, den 25 november 1924: „Militär politisches aus Sowjetrupland (1 April bis 15 Sempteber 1924).
29. La Revue Maritime, Novembre 1923.
30. La France Militaire du 29 avril 1924:
31. The Times, June 6 1923.
32. La France Militaire, 18 Janvier 1924, № 11703.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
Красная гвардия	15
Красная армия в 1918 г.	26
Офицерский корпус старого режима в рядах Красной армии	39
Тысяча девятьсот девятнадцатый год	50
Боевая работа красной конницы в гражданской и советско-польской войне	74
Политработа, как фактор боевых успехов Красной армии	95
Переход Красной армии на мирное положение	105
Демобилизация	—
Реорганизация Красной армии	111
„Моральное состояние“ и подготовка армии в 1921 г.	117
Красная армия в 1922 г.	124
Красная армия перед реформами 1924—1925 г.	138
Общие замечания о реорганизации армии	—
Германское влияние	148
Командный состав армии	151
Характеристика отдельных родов войск	153
Общее матерьяльное положение	156
Милиционная система	157
Советский воздушный флот и авиапромышленность	159
Заключение	166
Список источников	170

СССР
ИНСТИТУТ
ЦИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва, Тверская, д. № 15.
Адрес для телеграмм: Москва — Воениз.

Строительство Красной армии. Гражданская война.

Антонов-Овсеенко, В. А. — Записки о гражданской войне, т. I. с 6 схем. и 17 фотограф. 300 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Какурин и Меликов. — Война с белополяками 1920 г. Труды Военно-Историч. Комиссии. 650 стр. С 25 сх. и 95 прилож. Ц. 6 руб.

Какурин, Н. — Русско-Польская кампания 1918—20 г.г. Политико-стратегический очерк. 75 стр. Ц. 40 коп.

Клюев, Л. — Конница Буденного на польском фронте. 1925 г. Ц. 1 р. 75 к.

Петровский, Д. — Военная школа в годы революции (1917—1924 г.). 264 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Подшивалов, И. — Гражданская война на Урале 1917—18 г.г. 221 стр. 1925 г. Ц. 2 р. 30 к.

Сборник трудов ВНО при Воен. Акад. Кн. I. 245 стр. 5 лист. сх. Ц. 1 р.

Сборник трудов ВНО при Воен. Академии. Кн. II, 287 стр. Ц. 1 руб.

Сборник трудов ВНО при Воен. Акад. Кн. III. 217 стр. Ц. 1 руб.

Тодорский. — Красная армия в горах. Боевые действия на Кавказе. 1925 г. Изд. „Военн. Вестник". Ц. 1 р. 20 к.

Балк, В. — Развитие тактики в мировую войну. Ц. 1 р. 50 к.

Верховский, А. — Тактика. Составление задания и плана занятий на оборонительный бой. 21 стр. Изд. Воен. Акад. Ц. 42 коп.